

РАЗЫСКАНИЯ

70 ЛЕТ
КЕМЕРОВСКОМУ
КРАЕВЕДЧЕСКОМУ
МУЗЕЮ

Департамент культуры Администрации Кемеровской области
Областной краеведческий музей

РАЗЫСКАНИЯ

ИСТОРИКО - КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

Выпуск пятый

Издается с октября 1990 г.

Кемерово
1999

ББК 63.3 (2Р.53)

Р 17

Составитель: Л.Ф. Кузнецова

Редактор: Г.А. Рудакова

Редколлегия: Л.Н. Винчина, Н.П. Гусева, Л.П. Кравцова,
к.и.н. В.А. Сергиенко

Фото: Р.С. Салихов, Д.А. Коробейников, Д.Ф. Нейвирт,
П.П. Костюков

Верстка: К.Н. Королев, В.А. Замыслова

Разыскания: Историко-краеведческий альманах, /Сост. Л.Ф. Кузнецова. - Кемерово: Никалс, 1999 г. - Вып. 5.- 248с.

Соучередители издания: Кемеровский областной краеведческий музей, АО Кемеровское книжное издательство

Свидетельство № 000044. РГ №44 от 8.07.1991г.

Пятый выпуск посвящен истории кузбасского краеведения. Ученые, музейные работники, краеведы рассказывают о возникновении и развитии краеведческих обществ, музеев, о музейных коллекциях, деятельности известных ученых- краеведов. Публикуются новые документы по истории Кузбасса.

Сборник адресован всем интересующимся историей края.

На обложке: 1 страница - Фрагмент экспозиции отдела истории Кемеровского краеведческого музея 1992 г;

2 страница - (Вверху) Открытие выставки "Красна горница" в Кемеровском краеведческом музее, Декабрь, 1994 г. (Внизу) Участники заседания Сибирского филиала научного Совета музеев России, г. Кемерово, Октябрь, 1994 г.

3,4 страницы - Плакаты "Природа", "Феодализм". Художник А.П. Хуторной.

ISBN 5-8154-0014-9

В И. Бедин

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МУЗЕИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Бедин Владимир Иванович, председатель департамента культуры Администрации Кемеровской области, член Президиума совета по культуре и искусству Российской Федерации (при Министерстве культуры), профессор Кемеровской государственной академии культуры и искусств, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

История государственных музеев Кемеровской области насчитывает чуть больше семидесяти лет. Их появление связано с развитием краеведческого движения в Сибири в период его расцвета в конце 1920-х - начале 1930-х годов.

По свидетельству журнала "Народные мысли", попытка открыть музей была предпринята в период правления А.В. Колчака городскими властями Мариинска, но с приходом Красной Армии этот вопрос отпал сам собой.

Кузбасс до 1943 года был территориально разобщен и входил в состав Новосибирской области. Но, даже после выделения в единую Кемеровскую область, индустриально развиваясь, долгое время оставался провинцией в культурном отношении. Поэтому за первые тридцать лет у нас было открыто всего три музея.

В 1927 году появился краеведческий музей в г. Кузнецке-Сибирском (ныне Новокузнецк). Возник он как частный музей краеведа-любителя Д.Т. Ярославцева накануне революции 1917 года. А после смерти владельца его сподвижник Г.С. Блынский создал там новую экспозицию и передал ее в дар городу.

В 1929 году Щегловским отделением Общества изучения Сибири и ее производительных сил открыт краеведческий музей в г. Щегловске (ныне г. Кемерово), получивший статус областного после образования Кемеровской области.

В годы первых пятилеток Кузбасс славился не только быстрым промышленным развитием - он стал родоначальником пер-

вого технического музея Сибири, который в 1934 году был открыт на Кузнецком металлургическом комбинате. Событие по тем временам значительное не только в культурной жизни нашего края, но и всей страны. В этом есть своя закономерность – передовая промышленность рождает новую культуру.

Подъем в развитии музейного дела, как и культуры в целом, в нашей области начинается со второй половины 1950-х годов. К этому времени большая часть населения стала городской, повысился образовательный уровень, возросли духовные потребности людей. В Кузбассе появились свои художники, писатели, научная интеллигенция. С каждым годом росло число профессиональных учебных заведений, школ.

В это время возродилось краеведческое движение. Широкий размах оно приобрело в 1960-е годы. Ученые, журналисты, ветераны, учителя вместе с молодежью вели большую работу по изучению природных богатств и исторического прошлого нашего края. Преподавателем Кемеровского пединститута Д.В.Кацюбой была разработана методика организации краеведческой работы. Был создан областной историко-этнографический лагерь “Кузбасс”, цель которого - подготовка юных краеведов.

Возрождение краеведческого движения дало толчок развитию музейной сети области. Целенаправленный поиск энтузиастами краеведческих материалов завершался появлением общественных музеев в учреждениях, организациях и на предприятиях. Часть из них со временем получила статус государственных музеев.

Пример тому - Прокопьевский городской музей, основанный учителем М.Г. Елькиным (1913-1987) как школьный, получивший статус государственного в конце 1960-х годов. Такой же путь был пройден Гурьевским краеведческим музеем, основателем которого был ветеран Коммунистической партии СССР Ф.И. Александров (1896-1981).

Большую помощь в организации музеев в 1950-1960-е годы оказывал Кемеровский областной краеведческий музей, где в то время начинали свою работу известные ученые-историки А.И. Мартынов, З.П. Верховцева, А.А. Халиулина. Качественно изменилась его деятельность. Музей стал центром научных исследований по археологии и советской истории края, зачинателем военно-патриотического воспитания, методическим центром краеведения.

В 1969 году область получила первый художественный музей – Кемеровский областной музей изобразительных искусств, созданный на базе картинной галереи. С этого времени кузбасские художники обрели свой дом, получили возможность создавать не только временные выставки, но и стационарные экспозиции. В комплектовании первых фондовых коллекций оказало помощь Министерство культуры РСФСР. А в организации первой экспозиции принимали участие кузбасские художники: Ю.К. Прейсс,

народные художники России А.Н.Кирчанов, П.А.Чернов и другие. Сегодня областной музей изобразительных искусств – центр эстетического воспитания детей, подростков и молодежи.

К 1972 году в Кемеровской области насчитывалось девять государственных музеев. Областной музейный фонд составлял 69 тысяч экспонатов, число посетителей – 375 тысяч человек в год. С этого времени музейная сеть области непрерывно растет.

Расцвет музейного дела в Кузбассе начинается в 1990-е годы с появлением в области музеев под открытым небом. Начало было положено решением Правительства РСФСР об открытии историко-культурного и природного музея-заповедника “Томская писаница” в феврале 1988 года.

Разработаны проекты экомузеев коренных жителей Кузбасса (шорцев – “Тазол”, телеутов – “Чолкой”, татар – “Калмаков”), русских сел бывшего Сибирского тракта (“Ишим” и “Брюханово”). Вместе с историко-культурным и природным заповедником “Томская писаница”, Шорским национальным природным парком Кемеровской области и Телецким озером Алтая они могут стать основой единого туристического маршрута на юге Сибири.

Сегодня по количеству музеев Кемеровская область входит в первую десятку регионов Российской Федерации. В области насчитывается 34 государственных музея и три выставочных зала.

Три ведущих музея – историко-культурный и природный музей-заповедник “Томская писаница”, областной краеведческий музей, областной музей изобразительных искусств находятся в ведении департамента культуры Администрации Кемеровской области. Из общего числа 31 музей муниципальный, среди них: 18 историко-краеведческих, четыре историко-этнографических, три литературных, два художественных, один музей народного творчества и три комплексных музея под открытым небом. Готовятся к открытию еще три музея, в том числе уникальный музей декоративно-прикладного искусства “Береста Сибири” в Мариинске.

Музеи – хранители и просветители духовного наследия нашего края и его природных богатств. В музейных экспозициях, выставках нашли свое отражение наиболее значительные исторические и культурные события последних лет – 55-летие образования области, 380-летие со дня основания Кузнецка, 80-летие города Кемерово и другие. Число музейных выставок в 1998 г. достигло 511. Всего в музеях области экспонировалось более 55 тысяч музейных предметов (18,5 процента от общего числа хранящихся в фондах музеев), что в два раза выше общероссийского показателя. В целом областной музейный фонд составляет около 300 тысяч экспонатов, самое большое количество которых хранится в областном краеведческом музее – более 55 тысяч. В музеях ежегодно проводится свыше 12 тысяч экскурсий, 1900 лекций. В просветительскую работу музеев прочно входят нетрадиционные фор-

мы – крупномасштабные театрализованные фестивали, ежегодные народные праздники “Троица” и “Масленица” в “Томской писанице”. Менее крупные, но не менее зрелищные открытия выставок и экспозиций, камерные театрализованные занятия по программе “Музей и дети” сегодня проводятся по всей области.

Заметных успехов достигли музеи в рекламно-издательской деятельности. Наряду с буклетами, афишами, проспектами издаются тезисы конференций, научные сборники: в Новокузнецке выходит “Кузнецкая старина”, в Кемерове альманах “Разыскания”.

Появление каждого музейного издания – итог научных исследований музеев, их научный вклад в изучение исторического прошлого и природных богатств края.

Ведущее место занимает музей-заповедник “Томская писаница”, ежегодно выпускающий 2-3 научных издания, такие как “Наскальное искусство Азии”, “Томская писаница”. Коллектив музея располагает наиболее сильными научными кадрами. Достаточно сказать, что главным специалистом музея является академик РАН, заслуженный деятель науки России А.И. Мартынов. Не случайно там сложился и действует научный центр по изучению наскального искусства Азии.

Музей - заповедник “Томская писаница” – флагман музейного дела в Кузбассе и России. Коллектив музея объявлен победителем в номинации “Музей года” во всероссийском конкурсе “Окно в Россию”, проводимом газетой “Культура” (1999г.). Кроме того, он стал обладателем Золотой медали Сибирской ярмарки, диплома “Душа России” международного фестиваля “Интермузей-99” и единственный из музеев-заповедников России вошел в состав номинантов Европейского Музейного Форума 1999 года.

Среди работников культуры области всего 175 музейных сотрудников. Но это люди, преданные своему делу, настоящие энтузиасты, специалисты высокой квалификации.

Отрадно отметить, что музеи все активнее участвуют в научной жизни области, повышается их роль в воспитательно-образовательном процессе школьников и студентов, организации досуга населения.

По итогам деятельности в число лучших музеев Кузбасса входят: музей-заповедник “Томская писаница”, Анжеро-Судженский городской краеведческий музей, Кемеровские областные – краеведческий и музей изобразительных искусств, Новокузнецкие – художественный и городской краеведческий музеи, Промышленновский районный историко-краеведческий музей и Таштагольский музей этнографии и природы Горной Шории.

КЕМЕРОВСКОМУ ОБЛАСТНОМУ КРАЕВЕДЧЕСКОМУ МУЗЕЮ - 70 ЛЕТ

Л.П. Кравцова

КЕМЕРОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ: НАВСТРЕЧУ ЮБИЛЕЮ

Наш музей был открыт 70 лет назад - 6 октября 1929 г. На 120 квадратных метрах Дворца труда г.Щегловска (ныне г.Кемерово) разместились четыре музейных отдела: геологический, производственный, сельскохозяйственный и антирелигиозный. Собирателями музейных коллекций были любители-краеведы, члены Общества изучения Сибири и ее производительных сил (ОИС). Первым директором музея стал Семен Федорович Иванов, коллекционер, библиофил, член Щегловского отделения ОИС.

В годы Великой Отечественной войны во Дворце труда разместили эвакуированные предприятия, а учреждения культуры выселили. Кого куда. Период с 1941 г. по 1949 г., когда музеем руководил З.С. Даниленко, самый тяжелый для нашего музея. Коллекции переезжают семь раз: квартира, школа, кинотеатр, тир. Сырость, холод, переезды сыграли свою роль - почти все экспонаты были утеряны либо погибли от плохого хранения.

До 1943 г. музей входит в систему народного образования города, а с 1943 г. приказом отдела при НКП РСФСР получает статус областного музея и подчиняется областному отделу народного образования. Новый этап в жизни музея наступает в 1957 г.: он переезжает в помещение по Советскому проспекту (нынешний дом № 55) и уже 6 ноября после большой реорганизации открывает свои двери для посетителей. С этого времени идет накопление музейных материалов, их изучение, активное экспонирование. Командировки, экспедиции по сбору этнографического, археологического материалов являются обязательным атрибутом активной музейной жизни. Толчок всему этому дал тогдашний директор музея А.И. Мартынов, основатель кузбасской школы археологов.

С середины 50-х годов музей передается в ведение областных органов культуры.

В 60-е годы музей проводит большой сбор экспонатов по мес-

там боевых действий кузбасских дивизий периода Великой Отечественной войны, накапливает экспонаты о кузбассовцах – Героях Советского Союза, кавалерах ордена Славы всех степеней, участниках войны, расширяет экспозиции по отделу природы, по истории гражданской войны. Заслуга в этом коллектива музея, в том числе научных сотрудников Г.А. Гряковой, А.А. Халиулиной, М.А. Мельниковой, О.Н. Баронской и двух директоров – З.П.Верховцевой и Ю.В. Барабанова.

Жизнь нашего музея проходила в сопряженности со всеми историческими событиями страны. Война, все пятилетки, партийные съезды, Лениниана – научные сотрудники в этом жили. И все находило отражение в музее. В 60-80-е гг. сотрудники музея ощущали жесткий идеологический прессинг. Роль Коммунистической партии СССР, пропаганда советского образа жизни проходила через всю нашу работу, имела место быть во всех экспозициях и выставках о современности: “Ленин и Кузбасс”, “Кузбасс в годы 10-й пятилетки”, “Кузбасс в годы 11-й пятилетки”, “Кузбасс от съезда к съезду”, “50 лет стахановскому движению” и др. Хотя экспозиционно - выставочная работа и имела идеологический крен, большая часть наших экспозиций и выставок оформлялась с душой, была на высоком уровне, поэтому сами экспозиции и выставки были и эмоциональны и экспрессивны и пользовались исключительной популярностью у наших посетителей. А сам музей выходил неоднократным победителем во всесоюзных смотрах именно этой формы работы.

В 1975 г. музей получил дополнительное помещение на Притомской набережной. 8 мая 1975 г. в помещении площадью в 330 квадратных метров была открыта замечательная экспозиция “Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг”. Героями экспозиции стали участники войны, труженики тыла. Сотрудники, создавшие музей (Л.П. Кравцова, Г.П. Калишева, М.А. Мельникова, Т.С. Сахно, А.А. Пермяков), и художники В.А. Селиванов и В.А. Алексеев с группой других художников тоже совершили подвиг – за два месяца после полной реконструкции оформили прекрасный музей. Сегодня этот отдел нашего музея расширил свою тематику: это как бы музей всех войн, в которых участвовали кузбассовцы, когда-либо жившие на территории области, – от войн первых столетий первого тысячелетия до последних лет второго тысячелетия нашего времени. Авторы новой концепции – старшие

научные сотрудники Э.В. Алексеева и Л.Ф. Кузнецова. Следует отметить, что Л.Ф. Кузнецова – автор и исполнитель многих современных экспозиций по истории, демонстрируемых в музее в эти дни.

В 1985 г. музею отдано помещение картинной галереи, переехавшей в новое здание. А в старом здании после реконструкции была открыта торжественная экспозиция “Кузбасс за годы советской власти. 1917-1987 гг.”. Через два года она была разобрана, на ее месте в 1996 г. открыта замечательная экспозиция отдела промыслов и ремесел. Часть отдана под фондовые помещения. Еще в одном крыле поместилась экспозиция-мастерская художника А.Н. Кирчанова. На выставочных площадях мы размещаем привозные, коммерческие и самодеятельные выставки. Многие из них являются событиями для города и нашей области: “Янтарь и ткани”, “Хохломская роспись”, “Акмолинское шитье”, “Сокровища Петровской кунсткамеры”, “Коллекции музея восковых фигур” и многие другие выставки.

Очень часто в выставочном зале музей устраивает выставки из своих фондов, благо число экспонатов подходит к 100 тыс. единиц, в том числе 55150 единиц – основной фонд. Это коллекции полезных ископаемых, палеонтологические коллекции, видовой состав растений и животных, личные предметы наших выдающихся земляков – геологов, летчиков, летчиков-космонавтов, шахтеров, металлургов, спортсменов, почетных граждан, исследователей земли Кузнецкой. Интересна археологическая коллекция, самобытна этнографическая коллекция предметами, характеризующими жизнь коренных народов области. В нумизматической коллекции выделяются несколько кладов, особенно клад сибирских монет XVIII – нач. XIX вв. В коллекции художественного литья XVIII – XX вв. имеются изделия гурьевских мастеров XIX в. Из живописи наиболее ценны чудом сохранившиеся с 1919 г. десять работ художника В.Д. Вучичевича-Сибирского, почти все работы художника А.Н. Кирчанова.

В собрании по современному периоду особую ценность представляют материалы Автономной индустриальной колонии Кузбасса – АИК “Кузбасс” (документы, фотографии, инструменты, предметы быта колонистов), реликвии времен Великой Отечественной войны.

До 1997 г. фонды музея пополнялись за счет командировок и экспедиций по сбору экспонатов, систематических закупок, с 1997 г. – за счет дара наших земляков, так как денег на закупки у музея нет –

опять обеднело наше государство, в жизни страны очередной тяжелой период.

За годы музейной работы у сотрудников музея сложились прекрасные отношения с музейщиками области. Возникновение многих городских и районных музеев, оформление их экспозиций связано с нашим музеем. К 80-м годам наш музей незаметно вырос в методический центр и теперь делится со своими коллегами опытом, информацией, обменивается экспонатами и выставками.

В каждый период жизни музея обязательно появлялись какие-то новые формы массовой работы: то выезды на село, то выход музея на улицы города, то музейный всеобуч школьников, то презентация какого-либо необычного события. В последние 27 лет почти все (особенно творческие) мероприятия проведены по сценарию и под руководством старшего научного сотрудника Л.Н. Винчиной.

Как короля делает свита, так и музей делают его научные сотрудники – экспозиционеры, хранители, экскурсоводы. В период 1979 - 1999 гг. это Р.Ф. Павловская, Л.П. Смокотина, Е.В. Лежнева, М.В. Насонова, Н.П. Гусева, Т.Б. Тертышная, Н.П. Орешкина, Л.П. Силичева, И.Д. Касицкая, Н.Н. Шаповалова, Е.Н. Будилова, Т.Д. Чернова, Л.Г. Шураева, Р.Ю. Алексеева, О.Н. Владимирова, А.В. Добжанская.

Все вышеперечисленные, нынешние зрители, технический персонал встречают 70-летний юбилей со всеми нашими друзьями и посетителями. Но 1999 год – это не только год нашего юбилея, это порог XXI века. Каким будет музей в другом столетии? Пока видно одно – интерес к нашему музею у кузбассовцев сохраняется. За 1998 год музей посетило 120,8 тыс. посетителей, для них проведено 1020 экскурсий, в музее и за его пределами прочитано 160 лекций, проведено 70 мероприятий, организовано 39 выставок, в том числе 22 – из наших фондов, а девять – из фондов других учреждений.

Будем надеяться, что свой 100-летний юбилей музей встретит в расцвете творчества и славы!

Л.Ю. Китова

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ КЕМЕРОВСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ (1920 - 1930-е годы)

Китова Людмила Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой археологии Кемеровского государственного университета.

Об организации Кемеровского краеведческого музея сохранились очень скудные сведения. Известно, что музей в городе Щегловске был создан в период так называемого “золотого десятилетия” краеведения (1919-1929 гг.), когда в стране ежегодно появлялось по несколь-

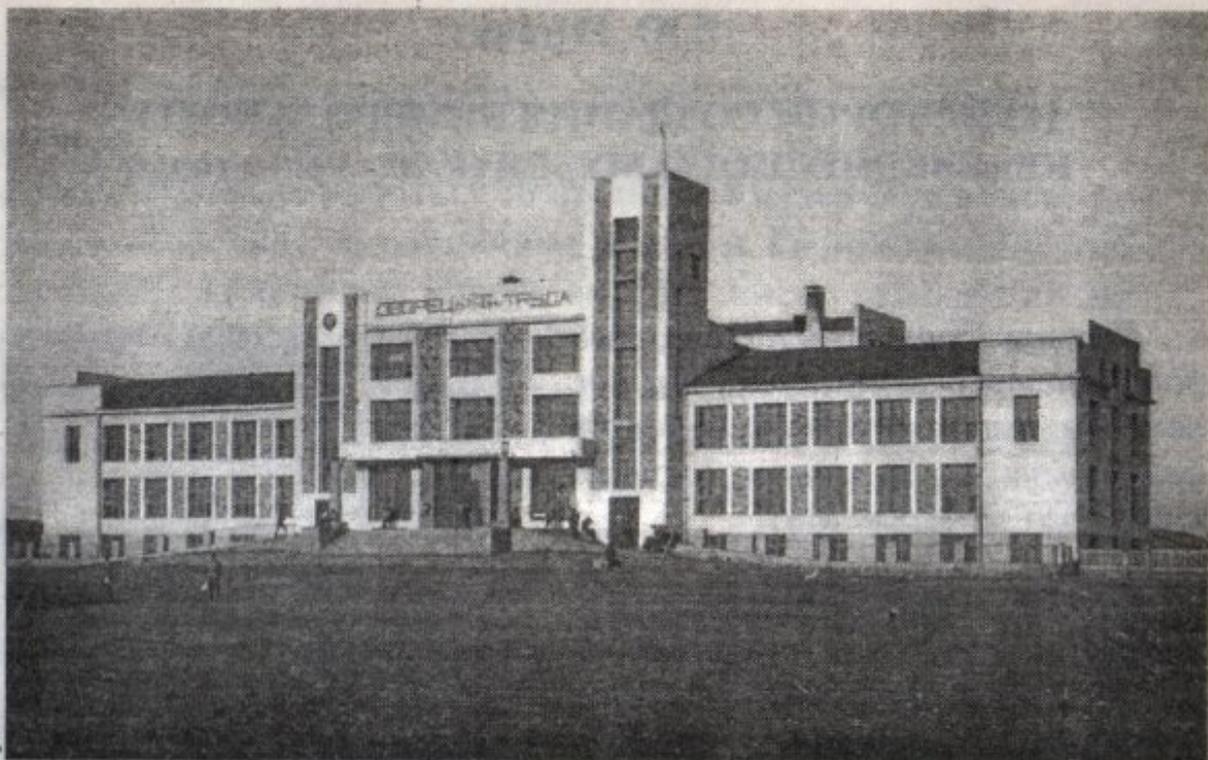

ко десятков музеев и почти в каждом городе работало краеведческое общество. Архивные материалы 1920-1930-х годов (до образования в 1943 году Кемеровской области), сохранившиеся в Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО), малоинформативны, требуют знания исторических событий, происходивших в стране.

Спорными или неясными до сих пор остаются вопросы: кто стоял у истоков создания музея? каков был штат его сотрудников? как собирали коллекции и строили экспозиции? какие задачи были положены в основу деятельности музея? Не восстановлен со всей полнотой список директоров, работавших в первые десять лет его существования. Не выяснены принципы комплектования музея.

На данный момент исчерпывающе ответить на все поставленные вопросы не представляется возможным. Музей горел, неоднократно переезжал, соответственно горели и терялись его документы, но исходя из тех архивных данных, которыми мы располагаем, история музея может быть реконструирована следующим образом.

Постановлением ВЦИК от 14 июня 1926 года г.Щегловск стал центром Кузнецкого края(1). Молодой город и округ уже имели свою историю. В г.Щегловске полным ходом шло мощное строительство промышленных предприятий, наблюдался постоянный

Дворец труда, г.Щегловск. 1929 г.

приток населения, ощущалась необходимость воспитания и образования рабочих и молодежи. Функции воспитания населения, и в первую очередь подрастающего поколения, были возложены на комитеты народного образования, где для этой цели созданы секторы политического просвещения.

Впервые идея создания музея возникла при составлении пятилетнего плана окружного комитета народного образования (окрОНО) по политпросветительской работе на 1927/28 - 1931/32 годы. Возникновение музея местного края мыслилось тогда как конечная цель краеведческой работы, которую также необходимо было оформить организационно, а экспозиция музея должна была отражать "историко-экономическое и естественно-бытовое состояние" округа (2).

27 сентября 1927 года на заседании планового совещания при окрОНО было принято постановление о создании в г.Щегловске краеведческого музея, где были бы представлены материалы об экономическом состоянии округа, его природных условиях, быте, революционной истории, этнографии и пр. Обязанности по организации музея поручили инспектору политпросвета окрОНО А.И.Филимонову, члену редакции газеты "Кузбасс" Плотникову. Окружной совет профсоюзов должен был выделить им в помощь своего представителя. Эта "тройка" занималась как собиранием первых экспонатов, так и привлечением к созданию музея всех просвещенных людей округа, увлеченных краеведением. Перед облисполкомом

было возбуждено ходатайство об отводе двух-трех комнат для сбора и хранения экспонатов, отпуска средств на их приобретение (3). Конкретные результаты работы по принятому 27 сентября 1927 года постановлению сейчас восстановить невозможно. Видимо, в течение года идея создания музея еще продолжала обсуждаться на уровне чиновников и интеллигенции. С полной определенностью можно сказать только одно, что данные И.А.Балибалова об открытии в 1927 году во Дворце труда городского краеведческого музея были ошибочны (4).

Дворец труда принят комиссией с большими недоработками 25 января 1928 года (5), при этом часть его помещений функционировала уже в 1927 году, а его окончательная достройка была осуществлена в 1929 году (6, листы 28-30). Нет оснований полагать, что помещение для музея было выделено во Дворце труда в 1927 году, так как и музея не было, и здание дворца достраивалось, и помещений для других учреждений не хватало, да и вопрос о размещении музея будет решаться только в 1929 году. Вероятно, окрОНО без привлечения широкой общественности не мог справиться с задачей создания музея, поэтому 20 ноября 1928 года по его инициативе была образована комиссия по организации окружного краеведческого общества. Итогом работы комиссии явилось возникновение 4 декабря 1928 года Кузнецкого краеведческого общества, которое и стало заниматься созданием музея (7, лист 139). Архивные материалы показывают, что краеведческое общество провело большую работу по сбору экспонатов. 17 мая 1929 года оно вошло Щегловским отделением в состав краевого Общества изучения Сибири и ее производительных сил (ОИС) (7, лист 278).

17 сентября 1929 года состоялось заседание правления Щегловского отделения ОИС, где одним из главных рассматривался вопрос об открытии и работе музея. На заседании было отмечено, что помещение, предоставленное под коллекции, тесно и все экспонаты невозможно выставить. Краеведы решили поэтому обратиться в исполком и горсовет с просьбой о строительстве здания музея. На этом же заседании было принято решение об открытии музея не позднее 1 октября 1929 года. Определены режим его работы (ежедневно с 10 часов до 20 часов) и штат сотрудников (заведующий музеем и технический секретарь). Члены Щегловского отделения ОИС задумали при музее открыть бюро консультаций для краеведов, нуждающихся в научном определении материалов. Одну из основных задач музея они видели в подготовке начинающих краеведов-исследователей, которые в дальнейшем должны были всесторонне изучать свой край. Были установлены следующие направления работы музея: дальнейшее попол-

нение фондов экспонатами для комплексного изучения округа, создание постоянной экспозиции и организация временных выставок, проведение экскурсий и чтение лекций членами ОИС и сотрудниками музея. В первую очередь обращалось внимание на воспитание и образование молодежи, на помощь учителям в преподавании и исследовательской работе. Ставка делалась на учащиеся школы и индустриального техникума. Планировали при музее организовать ботанический сад (7, листы 147, 149).

Вопрос о размещении музея решался на нескольких уровнях. В решении Кузнецкого окружного бюро профсоюзов от 26 июля 1929 года говорилось о предполагаемом к 1 октября 1929 года перераспределении помещений во Дворце труда для размещения учреждений культуры. В этом списке из 14 пунктов после парткабинета на втором месте назывался краеведческий музей (6, лист 19). Агитационно-пропагандистский отдел окружного комитета ВКП(б) 15 сентября 1929 года также постановил считать целесообразным размещение окружного музея во Дворце труда (8).

Музей открыли 6 октября 1929 года (9). В Госархиве Новосибирской области сохранились некоторые справки о деятельности Кемеровского музея, где его открытие обозначено 5 октября 1929 года (10). Он размещался в правом крыле на третьем этаже Дворца труда. Для экспозиционного показа были собраны материалы, объединенные в несколько отделов: геологический, производственный, антирелигиозный, сельскохозяйственный и другие, но представить эти коллекции одновременно не было никакой возможности, так как музей с самого начала не располагал достаточным помещением (9).

При сборе экспонатов и создании экспозиции преимущество было отдано не истории, археологии, этнографии, а промышленному и сельскохозяйственному развитию края. Это не собственная инициатива организаторов, а направление развития музеев, определенное партией и правительством. 20 августа 1928 года было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР "О музейном строительстве", которое подчеркивало, что вся работа музеев должна содействовать общим задачам развития индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. 20 июня 1929 года Главнаука приняла постановление "О пропаганде пятилетнего плана", в котором указывалось, что исследовательская работа краеведческих музеев должна еще в большей степени сконцентрироваться на изучении производительных сил страны (11, с. 86-89).

Первым заведующим краеведческим музеем была С.К. Кумашинская, член Щегловского отделения ОИС, однако пробыла в этой должности всего месяц. В личном заявлении от 2 ноября 1929 года

она просит в связи с переходом на работу в индустриальный техникум освободить ее от заведования музеем и рекомендует на эту должность своего коллегу по краеведческому обществу С.Ф.Иванова (7, лист 209). С именем Семена Федоровича Иванова (1869-1953) связывают становление музея (12). Сведений о его жизни и деятельности сохранилось очень немного. Известно, что Семен Федорович родился в семье рабочего (10). С.К.Кумашинская называет его специалистом-археологом (7, лист 209). С.Ф.Иванов сообщает о себе, что был нештатным сотрудником, активистом Иркутского музея (7, лист 307). Р.П.Митусова характеризует его как краеведа, обладающего знаниями по орнитологии и зоологии (7, лист 58). Он выполнял функции секретаря Щегловского краеведческого общества (13), был коллекционером, и собранные им предметы выставлялись в начале 1920-х годов в Томском краеведческом музее (14). Часть своей коллекции он подарил этому музею. Совершенно точно можно сказать, что в ее составе находились русские монеты XVIII-XIX веков, так как после пожара в Щегловском музее С.Ф.Иванов обратился за дубликатами в Томск и указывал, что передал данные монеты в большом количестве (15). Собирал он монеты, предметы декоративно-прикладного искусства и этнографии Японии и Китая. Видимо, какая-то небольшая часть этой коллекции была привезена в Щегловск и использовалась в 1935 году для организации передвижной выставки "Быт Японии" (16, листы 48-49). С 16 ноября 1929 года С.Ф.Иванов утвержден правлением Щегловского отделения ОИС в должности заведующего музеем (личное заявление С.Ф.Иванова от 5 ноября 1929 года (7, лист 207) с окладом в 75 рублей, его помощником назначен Трусевич (7, лист 195).

Через месяц после открытия, 8 ноября 1929 года, музей горел. Были уничтожены многие экспонаты и документация к ним. Заведующий музеем С.Ф.Иванов и члены ОИС пытались восполнить потери через сборы материалов от городских предприятий и организаций, а также посредством помощи сибирских музеев (17).

Щегловское отделение ОИС за подписью его председателя Е.В.Богославского и секретаря С.Ф.Иванова рассылало всем предприятиям и организациям уведомления о необходимости представления в музей образцов изготавливаемой продукции и добываемого сырья, а также документов, фотографий, изданий для комплектования фондов (16, листы 59-83; 7, 151-152). Члены ОИС участвовали в экспедициях, проводимых предприятиями, совершали сами ознакомительные поездки по округу. Это были гидрологические экспедиции, геологические – по поиску угля, кварцевых песков, торфяников; орнитологические, ботанические – по сбору лекарственных трав, для составления гербариев и т.д (18,

листы 18, 170, 171, 181-183). Отсутствуют какие-либо данные об археологических и этнографических экспедициях щегловских краеведов и музея. В начале октября 1929 года перед открытием музея в Щегловск по вызову ОИС приезжал телеут Хлопотин и привез с собой для музея костюмы, древнюю утварь и идолов телеутов (19). Щегловское отделение ОИС в 1930-1931 годах финансировало поездки в Горную Шорию заведующего этнолого-археологическим музеем ТГУ профессора Алексея Константиновича Иванова с целью приобретения этнографических экспонатов для музея (18, листы 7-8, 18).

Итак, деятельность местных краеведов была сосредоточена на пополнении музея экспонатами, систематизации их, оформлении экспозиции и знакомстве с ней посетителей. Одну из главных ролей в этой деятельности, безусловно, играл С.Ф.Иванов.

Интерес к музею среди населения был очень велик. Музей работал ежедневно, кроме шести выходных дней в месяц: с 10 до 13 часов – для экскурсантов, с 17 до 20 часов – для всех желающих. Вход был бесплатный. Если можно верить статистическим данным, сохранившимся в протоколах Щегловского отделения ОИС, то число посетителей в 1930 году непрерывно росло: с 16-го по 30 октября музей посетило 2792 человека, или 180 человек в день, с 1-го по 30 ноября – 10632, или 354 человека в день, с 1-го по 5 декабря – 2173, или 434 человека в день. В 1931 году в среднем ежемесячно музей посещало 5000 человек (18, листы 12, 18, 24). Музей для города являлся одним из проводников культуры и образования, и всю основную работу в нем выполняли члены ОИС.

С начала 1930-х годов для краеведческих организаций и музеев настали тяжелые времена. Добровольные краеведческие организации были разгромлены или замечены бюрократическими, музеи подверглись жестокой “чистке”. 8 октября 1931 года состоялось последнее общее собрание членов Щегловского отделения ОИС. На повестке дня стоял один вопрос – о ликвидации общества (18, листы 18-20). Далее в архивных документах музея мы не встречаем фамилий членов ОИС. Обязанности директора до 1 августа 1935 года исполнял С.Ф. Иванов, но разгром краеведческого общества явно отразился на деятельности музея. За период 1932-1934 годов сохранилось единственное свидетельство о его работе: в 1932 году сотрудник музея Н.И. Шпет комплектовал фонды образцами продукции Кемеровского опытного завода полукоксования и химзавода (16, лист 93).

1 августа 1935 года директором музея была назначена Раиса Павловна Митусова. С.Ф. Иванов остался ее заместителем, одновременно выполняя функции завхоза (7, лист 338). Судьба Р.П. Миту-

совой, как и многих людей России того времени, драматична, а может быть, и трагична. В тех музеях, где она работала – Русский и Кемеровский краеведческий, почти никаких сведений о ней не сохранилось, а жаль, так как личность она была явно незаурядная.

Р.П. Митусова родилась в 1894 году в семье лесничего. Отец ее выслужил для себя личное дворянство. Видимо, семья жила в достатке, и родители могли позволить дочери получить хорошее образование. В 1913 году она окончила гимназию и поступила на Высшие женские (Бестужевские) курсы. Специализировалась по ботанике, окончила физико-математический факультет, свободно владела французским языком. По завершении обучения в 1918 году поступила в Петроградский университет на антропологическое отделение физико-математического факультета. Жизнь ее, вероятно, была нелегкой, и приходилось в процессе учебы работать: в 1920-1921 годах несколько месяцев счетоводом, в 1921-1923 годах – в географическом музее, в 1923-1925 годах – регистратором РАИМК (Российская академия истории материальной культуры). Раиса Павловна уже в студенческие годы участвовала в экспедициях: в 1921 году – в экспедиции Томского университета на Южный Урал, в 1922 году – в Карельской экспедиции Академии наук научным сотрудником по антропометрии, в 1923 году – этнографом Западно-Сибирской экспедиции АН. В 1924 году Р.П. Митусова окончила университет и получила персональное задание, видимо от Музея антропологии и этнографии, по сбору коллекций на тобольском севере (10). Экспедиция была организована РАИМК, продлилась 11 месяцев (1924-1925 г.г.) и включала археологические и этнографические исследования остяков и самоедов Обско-Тазовского района. Об этой экспедиции есть упоминание в указателе “Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР 1919-1956 гг.”, но, к сожалению, Раисе Павловне не повезло. Она, как начальник экспедиции, представлена там в мужском роде – Р.П. Митусов (20). В 1925 году Р.П. Митусова поступила на службу в этнографический отдел Русского музея научным сотрудником 2-го разряда. Круг ее интересов охватывал проблемы угро-финской, самоедской и алтайской этнологии (21). В 1926 году она продолжает исследования на тобольском севере в качестве начальника комплексной экспедиции, организованной Русским музеем и Уральской областной плановой комиссией. В 1927 году Р.П. Митусова – начальник района хозяйственной переписи севера Уральской области. В 1928 году АН СССР организовала экспедицию на Западный Тянь-Шань. Раиса Павловна была назначена начальником антропологического отряда. В 1930 году она в качестве автора и консультанта научного фильма “Остяки реки Очана” принимает участие в эк-

спедиции Союзкино в Уральской области. Научные результаты ее деятельности были подведены в работах: "Бюджеты самоедских и остяцких хозяйств" – брошюра Свердловского статуправления (1926г.), "Очанские остяки" – статья в журнале "Хозяйство Урала" (1928г.), статья "Материалы антропологии лесных ненцев", опубликованная в Трудах анатомозоологов в Ленинграде (1929г.) и др. В общей сложности ею было опубликовано 10 работ (10).

Как известно, положение в стране в 1929-1934 годах было очень напряженным. Закончился период нэпа, руководство страны перешло к сплошной коллективизации, которая сопровождалась массовым раскулачиванием и репрессиями.

С 1930 года началась "чистка" научных учреждений. Первым было "Академическое" дело, по которому были арестованы десятки видных историков, филологов, архивистов и краеведов (22, с.192). В их число попал заведующий этнографическим отделом Русского музея С.И. Руденко, где работала Р.П. Митусова (23). В 1933-1934 годах было сфабриковано "Дело славистов", или "Дело Русского музея", по которому ученым инкриминировали создание Российской национальной партии (22, с.198). По этому делу 26 ноября 1933 года был арестован С.А. Теплоухов, научный сотрудник этнографического отдела Русского музея (24). Жертвой одного из этих дел стал муж Р.П. Митусовой. С 1911-го по 1932 год он работал ученым секретарем Русского музея. Затем был осужден на три года концлагерей. После отбывания срока ему разрешили поселиться в г. Кемерово, где он в 1935-1937 годах работал бухгалтером Ветснаба (10). Больше никаких сведений о своем муже Раиса Павловна не сообщает, даже не называет его имени. По документам архива Российского музея этнографии (РМЭ) мы можем установить, что в начале 1920-х годов ученым секретарем Русского музея был Н.П. Черепнин (21, лист 130), но являлся ли он мужем Р.П. Митусовой, установить пока невозможно.

Вероятно, с началом репрессий в 1931 году Раиса Павловна увольняется из Русского музея и устраивается на работу экономистом-этнографом в Комитете Севера. В 1931-1934 годах она продолжает участвовать в экспедициях, организованных Комитетом (10).

В 1935 году Р.П. Митусова приехала к мужу на поселение в Кемерово. Знание музейного дела, видимо, привело ее в краеведческий музей. С.Ф. Иванов был тогда уже немолод – 66 лет, а найти хорошего работника для музея было сложно, так как заработная плата там была в несколько раз ниже, чем на промышленных предприятиях, и отсутствовали какие-либо льготы. Раиса Павловна имела опыт работы в одном из лучших музеев страны, явля-

лась широко образованным человеком, возможно, поэтому и была назначена директором Кемеровского краеведческого музея.

В стране все большее значение придавалось пропаганде социалистических преобразований. Первый Всероссийский музейный съезд, состоявшийся в 1930 году, поставил задачу создания, отделов социалистического строительства во всех краеведческих музеях. 1 января 1934 года было издано постановление Президиума ВЦИК "О состоянии и задачах музейного строительства РСФСР", по которому предлагалось определить содержание, планы работы музеев и уточнить их профили (11, с. 91-96). Западно-Сибирское бюро краеведения настоятельно рекомендовало молодому Кемеровскому музею изменить свой профиль на политехнический (25). Старый профиль краеведческих музеев стал презрительно называться кунсткамерным. Возможно, что было принято по этому поводу какое-то решение местных властей, так как в 1935 году при заполнении карточки музея общероссийского образца Р.П.Митусова в графе "Название музея" записала: "Кемеровский политехнический". С.Ф.Иванов и Р.П.Митусова вынуждены были закрыть музей на реконструкцию вследствие отсутствия в нем отдела социалистического строительства. Занимал музей три комнаты во Дворце труда. Первая, площадью 20 квадратных метров, служила одновременно рабочей, канцелярией и библиотекой, насчитывающей 4000 книг. Вторая и третья комнаты, общей площадью 100 квадратных метров, были заняты под экспозицию. В первом зале располагались вводный отдел и отдел производительных сил региона. Во втором Р.П.Митусова и С.Ф.Иванов готовили новую экспозицию по соцстроительству. 7 ноября 1935 года она была открыта. За два дня ее посетили 1500 человек (26).

В 1935 году сотрудники музея организовали геологический поход (16, лист 58). Р.П.Митусова провела инвентаризацию музейных экспонатов, выявила несоответствие этикеток материалу, выставленному в некоторых витринах (результат пожара 1929 г.). На 1936 год запланировала описание коллекций, как собственными силами, так и с привлечением специалистов по геологии и химии. Судя по архивным данным, вся деятельность музея была распланирована сверху. Так, в 1935 году к 30-летию революции 1905 года требовалось организовать выставку (16, лист 61). В другом распоряжении крайОНО от 3 сентября 1935 года отмечалось, что музей еще не стал "опорным пунктом марксистско-ленинского воспитания" и что в экспозиции не показана руководящая роль партии. 4 октября 1935 года сектор политпросвета крайОНО отмечает в работе музея отсутствие методов соцтруда и рекомендует внедрить их. С этой целью крайОНО просит представить справ-

ку, где сообщается, в каких музеях и по каким показателям идет соревнование (16, листы 48-50). Летом 1936 года Р.П.Митусова и С.Ф.Иванов по рекомендации крайОНО занимались организацией краеведческого похода по местам боев в 1918 году красногвардейского отряда под руководством Петра Сухова (16, листы 8-10), геологического похода (16, лист 57). Крайком ВЛКСМ, организующий с 1 июня по 1 сентября 1936 года краеведческий поход имени X съезда комсомола, просил подготовить в музее выставку этого похода. Активные экспедиционные исследования Р.П.Митусовой петроградско-ленинградского периода жизни сменились организацией краеведческих походов, где совершенно не предусматривались какие-либо этнографические изыскания.

Инициатива в работе, если она не носила столь необходимый верхам пропагандистский характер, не приветствовалась. Все провинциальные краеведческие музеи работали по единому плану. На осень 1936 года Р.П.Митусовой от крайОНО вменялось в обязанность предусмотреть следующие мероприятия: подготовка к очередной дате Октябрьской революции (изучение памятников историко-революционного значения в Кемеровском районе и отражение их в экспозиции), работа со школами (участие музея в школьных конференциях, организация кружков, проведение с педагогами методических экскурсий), организация выставки в колхозе (16, лист 12).

Требование создания экспозиций к памятным революционным датам, отражения социалистического строительства в музее приводило к тому, что экспозиции не имели подлинных предметов и строились на иллюстративном и текстовом материале. Особенно рекомендовалось создание историко-революционных и технических музеев-передвижек для систематического обслуживания новостроек, колхозов. Р.П.Митусова и С.Ф.Иванов в декабре 1935 года организовали более близкую им по духу передвижную выставку "Быт Японии", которая включала в себя около 100 фотографий, карту и несколько экспонатов. Монтировали ее то в педкабинете гороно, то в образцовой школе, техникуме, клубе химзавода, вывозили в колхоз (16, листы 48-49).

Раиса Павловна установила сотрудничество со школами. Кроме экскурсий школьников в музей, она организовала работу кружка юных географов, а гороно назначил ее в 1935 году руководителем секции учителей-географов. Руководство секцией превратилось в преподавательскую работу: чтение лекций по физической географии, геологии и пр. (16, листы 48-49).

Р.П.Митусова занималась пополнением библиотеки, обращалась в Русский музей с просьбой помочь литературой. В начале

1936 года сотрудники Русского музея выслали необходимые книги и журналы (16, лист 19).

Чиновники на всех уровнях следили за благонадежностью граждан, особенно это касалось руководящих работников любых рангов. В июне 1936 года Р.П.Митусова неоднократно получает уведомление политпроса крайОНО о немедленном представлении ею документов в связи с пересмотром состава директоров музеев (16, листы 15-16). По решению властей Раиса Павловна не подошла на эту должность. С 25 декабря 1936 года она работает в музее научным сотрудником. В начале 1937 года Р.П.Митусова еще была в штате музея. Что с нею и ее мужем произошло дальше? Ясность в этот вопрос, вероятно, могут внести документы из архивов НКВД - КГБ.

С января 1937 года директором Кемеровского музея был назначен Ф.В.Виноградов. Его послужной список показывает, что незнание музейного дела не является препятствием к должности. Главное – партийная принадлежность и благонадежность, хотя совершенно ясно, что для него должность директора музея – это понижение по службе, возможность переждать какую-то угрозу. Родился Ф.В.Виноградов в 1906 году, по происхождению рабочий, член ВКП(б) с 1928 года. Прошел путь от рабочего до руководителя. С 1922-го по 1930 годы работал гравировщиком на производстве, затем в 1930-1932 годы - представителем Смоленского обкома комсомола. С 1932-го по 1933 год учился в областной школе профдвижения, потом в 1933-1936 годах - в Высшей школе профдвижения на лекторском факультете, после окончания которого был назначен секретарем парткома Автотранса (16, листы 15,16) О деятельности Ф.В.Виноградова в качестве директора не сохранилось никаких документов ни в облархиве, ни в музее. 4 марта 1939 года директором музея была назначена Вера Семеновна Даниленко, препаратором – В.С.Усов, научным сотрудником – С.Ф.Иванов (7). Фамилия Ф.В. Виноградова в этом списке уже не упоминается. Можно только гадать, получил ли он более высокое назначение или был разжалован окончательно.

Такова история первого десятилетия Кемеровского краеведческого музея. Она связана с деятельностью ярких, самоотверженных личностей и напрямую зависела от событий, происходивших в стране.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Тивяков С.Д. Административно-территориальное деление земли Кузнецкой //Разыскания. Историко-краеведческий альманах. - Кемерово, 1995.-№4.- С.8-9.
2. ГАКО, ф.Р-161, оп.1, д.12, лл.167-168.
3. Филимонов А.И. Организация музея местного края // Кузбасс-1927.-16 окт.
4. Балибалов И.А. Кемерово: Вчера, сегодня, завтра. - Кемерово, 1976. - С.164.
5. ГАКО, ф.Р-22, оп.1, д.164, лл.44-47.
6. ГАКО, ф.П-8, оп.1, д.428.
7. ГАКО, ф.Р-1088, оп.1, д.6.
8. ГАКО, ф.п-8, оп.1, д.424, л.29.
9. Сегодня открывается краеведческий музей //Кузбасс.-1929.- 6 окт.
10. ГАНО, ф.Р-61, оп. 1, д. 1465, л.33.
11. Ионова О.В. Музейное строительство в годы довоенных пятилеток (1928-1941 гг.) //Очерки истории музейного дела в СССР. - М., 1963.
12. Смокотина С.В. Из истории Кемеровского областного краеведческого музея (1929-1990 гг.) //Балибаловские чтения. - Кемерово, 1998.-С.98-99.
13. ГАКО, ф.Р-1088, оп.1, дд.1.5.6.
14. Сергеева Н.Я. Из истории Томского краеведческого музея //Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. - Томск, 1994.- С.9.
15. ГАКО, ф. 1088 оп.1, д.4, л.33.
16. ГАКО, ф.Р-1088, оп.1, д.5.
17. ГАКО, ф.Р-1088, оп.1, д.4, лл.31-37, д.5, лл. 87-91.
18. ГАКО, ф.Р-1088, оп.1, д.1.
19. Приехал сказитель телеутских былин // Кузбасс.-1929.-4 окт
20. Археологические экспедиции РАИМК и ИА АН СССР (1919-1956 гг.).- М., 1962.- С.35.
21. Архив РМЭ. ф.2, оп.4, д.6.
22. Формозов А.А. Русские археологи и политические репрессии 1920-1940-х гг //Российская археология. - 1998.- №3.
23. Архив РМЭ, ф.2, оп.1, дд.361-363.
24. ГАПО, ф.613, оп.3, д.170, л.3.
25. ГАКО, ф.Р-1088, оп.1, д.5, л.27, д.6, л. 338.
26. ГАКО, ф.Р-1088, оп. 1, д.5, лл.55-58, д.6, л.338.

О.Н. Баронская

ИСТОРИЯ ОДНОГО МУЗЕЙНОГО ПРЕДМЕТА

Баронская Ода Николаевна, заслуженный работник культуры РСФСР, зав. отделом природы Кемеровского областного краеведческого музея с 1966-го по 1991 гг.

В 1977 году по заказу редактора альманаха "Земля Кузнецкая" Ивана Алексеевича Балибалова я готовила материал о редких экспонатах в отделах природы музеев Кемеровской области. Кратко надо было рассказать об истории Кемеровского краеведческого музея. И оказалось, что своей истории мы не знаем. Архив в музее не сохранился, поскольку за время существования музей переезжал в разные помещения семь раз, особенно часто в годы Великой Отечественной войны (тогда он был закрыт и соскладирован).

В Государственном архиве Кемеровской области я нашла историческую справку от 10 февраля 1969 года за подписью директора музея Ю.В. Барабанова, но ее содержание было неверным. Я растерялась и решила начать свой поиск.

Кроме работы в архивах Кемерово и Новосибирска, я стала искать людей, связанных с нашим музеем в прошлые десятилетия. Мне удалось встретиться и записать воспоминания более тридцати человек. Это были бывшие директора и научные сотрудники Кемеровского музея, их родственники, директора школ, в которых был соскладирован музей в годы войны. Среди них были дочери первого директора нашего музея Августа Семеновна Рыжкова (1913-1985) Любовь Семеновна Наумова (1916-1993), Вера Семеновна Иванова (1911-1980), жена С.Ф. Иванова – Агния Максимовна Тузовская (1904-1996), а также директора Кемеровского музея: с 1.1.1944 г. по IX. 1946 г. – Павла Семеновна Печорина (1910 г. рож-

С.Ф. Иванов. 1897 г.

дения); с 4.02.1954 г. по 1955 г. – Надежда Стефановна Стрижевич; с IX.1946 г. по XII.1947 г. – Анна Кирьяновна Москвина-Анисимова (1921 год рождения); Агатолий Иванович Мартынов; Зинаида Прокопьевна Берховцева. Кроме того, я беседовала с первым заведующим Кемеровским облоно, в 1943 г., позже профессором Кемеровского государственного университета Николаем Николаевичем Чистяковым (1905-1997), и работником Кемеровского горисполкома в 1930-е годы Иваном Георгиевичем Красильниковым (1894 год рождения), помогавшими в свое время музею, и др

В поисковую работу я ушла с головой, она продолжалась несколько лет. Удалось установить точную дату открытия Щегловского окружного краеведческого музея – 6 октября 1929 г. Располагался он во Дворце труда на третьем этаже. Первым его директором был Семен Федорович Иванов (1869-1953). Одна из интересных встреч состоялась у меня 26 июня 1977 года со второй женой С.Ф.Иванова - Агнией Максимовной Тузовской. Она многое рассказала о муже. Тогда же она впервые показала мне старинный, в кожаном переплете с тиснением фотоальбом Семена Федоровича, но отказалась передать его в музей при жизни, сказав, что муж завещал ей его со словами: "Храни, никому не отдавай до самой своей смерти". Альбом остался в семье.

От Агнии Максимовны я впервые услышала биографию нашего первого директора. Семен Федорович Иванов родился 15 февраля 1869 г. в городе Томске. Отец его, выходец из крестьян, работал ломовым извозчиком. Жилось семье нелегко, но Семёна отдали в школу. Он оказался очень способным учеником и попал под покровительство томского купца- мецената Каменского, который помогал учить детей. Окончив начальную школу, Семен поступил в реальное училище. Учеба проходила тяжело из-за материальных трудностей в семье. В 1885 году он окончил химико-техническое отделение Томского Алексеевского реального учи-

лица, и начал работать на тракте Томск–Иркутск дорожным мастером. Тяга к знаниям не оставляла его. Кроме того, вольнодумство томской молодежи оказало большое влияние на формирование политических взглядов молодого человека. В 1888 г. он стал членом народовольческого “Кружка саморазвития” и вскоре был арестован за распространение народовольческой литературы. Отбыл в томской тюрьме два года, после освобождения Семен Федорович строил Среднесибирский участок железной дороги, работал на лесозаготовках, был кассиром. Позже уезжал в Подмоскovie на строительство Московско-Савеловской железной дороги. Затем вернулся и сменил еще несколько мест работы на строительстве Забайкальской железной дороги. По словам его дочери, Августы Семеновны Рыжковой, живя в Иркутске с 1901-го по 1905 год, С.Ф. Иванов, будучи членом Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, знал и общался с Н.Н. Барановским (1881-1963), крупнейшим русским экономико-географом; Д.Н. Анучиным (1843-1923), крупнейшим антропологом, географом, этнографом; В.Д. Вегманом (1873-1937), революционером, заведующим Сибирским архивом, организатором Общества по изучению Сибири и ее производительных сил, одним из авторов Сибирской Советской энциклопедии в 1930-е годы. Наверное, эти встречи и привили ему любовь к краеведению.

Во время первой русской революции, в 1906 г., С.Ф. Иванов был арестован в Иркутске за участие в забастовках, но вскоре освобожден без права проживания в Иркутской губернии. В 1909 г. Семен Федорович вернулся в Томскую губернию. Поселился в селе Поломошное, устроился конторщиком, а потом приказчиком в магазин к купцу Н.П. Ермолаеву. Тогда и начались его поездки по торговле в Щегловск. Так продолжалось до 1917 года.

Октябрьскую революцию принял, хотя в партии не состоял, активно работал в кооперативных организациях. Работал уполномоченным общества потребителей, конторщиком. Был избран членом союза кооперативов, в 1919 г. введен в состав ревизионной комиссии союза кооператоров в Томске.

Все 1920-е гг. работал в торговле, заведующим приемных пунктов по сырью и в разных магазинах.

В 1927 г. С.Ф. Иванов переехал с семьей в Щегловск, поступил на службу старшим счетоводом в Сибторг “Акорт”, где избран членом правления ревизионной комиссии потребкооперации (Кемеровский ЦРК).

В Щегловске, в свободное от основной работы время, был одним из организаторов кружка по изучению родного края. В кружке

слушали лекции, читали книги о природе и полезных ископаемых края, о быте и верованиях коренного населения. Энтузиасты-краеведы не только изучали теорию, но и совершали походы, из которых привозили образцы полезных ископаемых, гербарии, шорскую одежду.

Для кружка выделили комнату в строящемся здании Дворца труда, в ней краеведы хранили привезенные материалы. Так зарождался музей. И большую роль в этом сыграл Семен Федорович Иванов. И не только организацией кружка, но и комплектованием будущих фондов своими личными коллекциями.

Человек щедрой души, С.Ф.Иванов обладал редким даром собирателя, но не для себя, а для людей. Все собранные коллекции он передавал музеям.

С 1900-х годов Семен Федорович увлекался коллекционированием монет, предметов старины, собирал тексты песен, пословицы, поговорки.

В 1904 г. передал Иркутскому музею коллекцию серебряных монет.

В 1921 г. пожертвовал Томскому музею коллекцию монет, вазы, старинные книги из своей библиотеки.

В 1927 году передал Омскому музею коллекцию монет и чашку работы Гарднеровского завода.

Во время работы в Кемеровском музее передал в фонды музея книги, монеты, фотоснимки-эскизы (ценные) по Японии.

Летом 1929 года краеведы приступили к созданию первой музейной экспозиции, и 6 октября музей торжественно открылся. А 16 ноября 1929 года был подписан приказ о назначении Семена Федоровича Иванова заведующим музея. Он возглавлял его шесть лет.

По рассказам сослуживцев и родных, Семен Федорович был очень энергичным, начитанным человеком, знал русскую литературу XIX века, мог читать по-немецки (со словарем). Он был прекрасным оратором, пропагандистом краеведения и вызывал симпатию окружающих как "ученый человек". Он хорошо пел, читал стихи, любил детей.

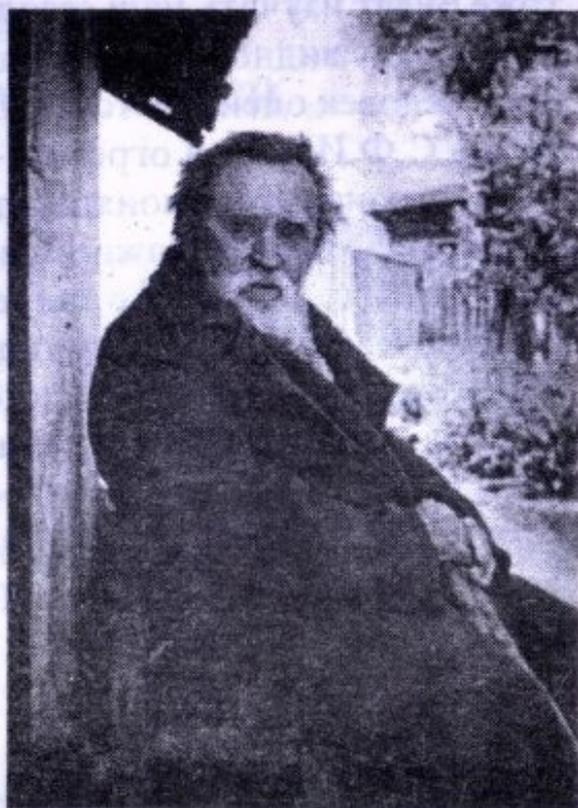
Его первая жена, крестьянка Матрена Лаврентьевна, была на семь лет моложе, но умерла рано, в 1938 году, оставив ему пятерых детей: Александра, Илью, Веру, Августу и Любу. Семен Федорович, по воспоминаниям детей, был требовательным отцом, старался всех детей приобщить к культуре, благо в семье всегда была библиотека с томами русских классиков.

Он успевал не только заниматься детьми, но и работать.

Порой приходилось заниматься не совсем музейной работой.

Вот, например, в первый год работы музея, в июне 1930 г., была организована им экспедиция на лошадях в горы Кузнецкого Алатау по изучению зарослей лекарственного растения – бада-на толстолистного – для рабочих химзавода.

С.Ф.Иванов проработал заведующим музеем до августа 1935 г., пока не стал болеть. Врачи поставили диагноз: ослабленные легкие, перебои в сердце. Вылечить окончательно так и не смогли, здоровье было подорвано. Год спустя встал вопрос о его увольнении. Но не мог Семен Федорович без любимого дела. Да и нужен он был музею, о чем ярко свидетельствует

*С.Ф.Иванов,
г. Кемерово, 50-е годы*

отзыв о его работе Р.П. Митусовой, сменившей его на посту заведующего: “Товарищ Иванов С.Ф. прекрасно знает коллекции музея и библиотеку, он является необходимым работником для музея, как хранитель их. Обладает большой эрудицией, дает консультации посетителям по разным вопросам, особенно по нумизматике, орнитологии и зоологии. Прекрасный экскурсовод, кроме экскурсий внимателен к отдельным посетителям музея, ведет дополнительный рассказ, чем привлекает посетителей в музей. Он был членом Восточносибирского Географического общества и с тех пор интересовался краеведением, а потому он подходит для музея как краевед и имеет право быть научным сотрудником”. Написан отзыв 10 сентября 1936 г.

И еще один отзыв о С.Ф.Иванове в 1977 году дал мне бывший сотрудник музея, геолог по специальности, работавший в 1931 году, Владимир Сергеевич Прорвин (1913): “Иванов С.Ф. был отличный работник, предан делу, музею отдавал все”. Лучше не скажешь. Умер Семен Федорович в 1953 году от воспаления легких. По словам внучки Евгении Николаевны Наумовой, похоронен на старом Искитимском кладбище, могила утеряна.

Кто дальше будет заниматься историей музея в XXI веке, тот

тоже будет изучать наш сегодняшний день, и тогда, как на рентгене, будет видно, какой след оставил каждый музейный работник. Человек оценивается по делам, и от этого никуда не уйдешь. Вклад С.Ф.Иванова огромен – он основал музей.

И, осознав это, я поняла, что каждый документ об этом удивительном человеке – важное свидетельство для истории краеведения Кузбасса. Особенно такие, как фотографии.

И спустя годы, в 1991 году, я опять поехала к жене Семена Федоровича – Агнии Максимовне поговорить об альбоме и снова предложить передать его в музей. Но оказалось, что Агния Максимовна квартиру на бульваре Строителей поменяла, соседи нового адреса не знали, телефона у нее не было. След был потерян. Уйдя на пенсию, я держала в памяти этот музейный предмет, который остался где-то рядом в нашем городе, и это не давало мне покоя.

С приближением 70-летия Кемеровского краеведческого музея я решила снова заняться поисками альбома.

Обратилась к соседям по старой квартире, которые сообщили, что А.М. Тузовская умерла в возрасте 92 лет. Поиск ее сына и пасынка С.Ф. Иванова, Михаила Николаевича Дмитриева (1940), у которого и хранился альбом, был почти детективным, но увенчался успехом. Встреча с Михаилом Николаевичем была теплой, он согласился передать альбом в музей.

Так ровно через 22 года после находки альбома я опять держала его в руках. Кожаное тиснение немного потерлось, но все 19 листов сохранились. В альбоме была 31 фотография.

21 июля 1999 года в Кемеровском областном краеведческом музее в присутствии Людмилы Юрьевны Китовой, Любови Федоровны Кузнецовой и меня Михаил Николаевич Дмитриев передал альбом на хранение в фонды музея.

Истинные музейные работники не прекращают музейный поиск, даже если они уходят на пенсию или переезжают на новое место жительства.

Пока они живут – поиск продолжается.

А.И.Мартынов

ТАК НАЧИНАЛСЯ МУЗЕЙ

Мартынов Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН Российской Федерации, заслуженный деятель науки, награжден почетным знаком "За заслуги в развитии науки".

Автор более 200 научных трудов, среди которых 13 монографий – "Сокровища Томской писаницы" (М., 1972), "Сибирские петроглифы" (Будапешт, 1983), "Древнее искусство Северной Америки" (США, Иллинойс, 1992); учебник по археологии для вузов России и СНГ; соавтор одного из томов издания ЮНЕСКО "Солнце в истории народов мира" (Париж, 1994).

А.И. Мартынов является членом международных ассоциаций – хунгороведческой, северных народов, европейской археологической, членом Международного комитета ИКОМ ЮНЕСКО.

Профессор возглавил инициативную группу ученых, создавших уникальный комплексный музей-заповедник "Томская писаница". По его инициативе создан первый в мире музей "Наскальное искусство Азии".

Работал директором областного краеведческого музея с 1955-го по 1959 годы.

Музей, в котором я проработал полных четыре года, оставил большой след в моей жизни по многим причинам. Во-первых, это было начало работы по окончании Московского педагогического института. Это было начало моей сознательной жизни в науке. Шел август 1955 года. Как сейчас помню, он был очень жарким. Все впечатляло, но это было связано еще и с молодостью. В Сибирь мы с женой попали впервые.

Вообще, 1955 год был судьбоносным для нас, для нашей семьи: мы только что поженились, окончили вуз и сразу приехали в Сибирь – началась наша трудовая жизнь. И в 1955 же году у нас родился сын. В один год столько событий!

Конечно, Сибирь произвела на нас неизгладимое впечатление, начиная с того момента, как мы подъехали к Кемерову. Вокзал был у коксохимзавода. Мы проехали шесть суток от Москвы до Кемерова. Вечером из вагона увидели: на фоне темного неба огромные печи коксохимзавода выбрасывали копоть, дым – и поняли, что приехали в Кузбасс.

Тогда прибыло по распределению из вузов очень много молодых преподавателей. Область только становилась на ноги, ей было чуть больше десяти лет. Устроить на работу сразу двух историков – меня и жену – было трудно, поэтому мне предложили место директора музея. А вот тут-то и начались самые романтические первые впечатления. В управлении культуры Кемеровского облисполкома меня приняли хорошо. Начальник управления Сергей Максимович Рыцев встретил меня со словами: “Нам нужен молодой директор музея”. Внешне это был мрачный, угрюмый и очень больной человек. Ходил он в кожаном длинном пальто, кожаной фуражке. На лице было вечно написано какое-то недовольство. Работники культуры не могли понять, чем же он недоволен. А заместителем у него был Галкин (потом он окончил жизнь трагически, кажется повесился) – могучий, костлявый человек, с полным ртом металлических зубов, грубо разговаривал. Это были два антипода, мало похожих на руководителей культурой.

И тут начались метаморфозы, непонятные тогда для меня.

- У нас вот музей есть.

Я спросил:

- А где он?

- Он есть, но его нет.

- Как нет?

- А так, экспонаты есть, а сотрудник всего один. Вот вы будете директором. Сходите посмотрите, может быть, согласитесь.

И я пошел. Музей располагался во Дворце труда – там, где сейчас областное училище культуры. Надо сказать, что в 1955-1957 гг. вся областная культура располагалась в этом трехэтажном здании с полуподвалом – тогда одним из самых красивых зданий города, выстроенном в 20-е годы в стиле социалистического кубизма; там

были драматический театр, филармония, общество "Знание", радиокомитет. А вокруг него было море деревянных засыпных домиков, вросших в землю, рубленых деревянных изб.

Музей занимал верхний этаж. Я пришел на работу утром, подошел к двери, а на ней висит огромный кованый амбарный замок, в нем несколько килограммов. Никого нет. Походил часа два, опять никого. Подхожу в полдень, вижу – замка нет. Начинаю стучать. Из-за двери раздается: "Кто там?" – кашель и недовольное ворчание. Я объяснил, что назначен директором музея и хотел бы войти. Дверь открылась, и тут я впервые увидел научного сотрудника Павла Фотьевича Шахматова.

-Ну хорошо, - говорит, - теперь веселее работать будет.

Там какая-то женщина была директором, но она родила. Приходила, находясь в декретном отпуске, но музеем не занималась.

Музей представлял собой зрелище живописнейшее. Это были две комнаты: одна большая, другая – маленькая комнатка. Посередине стояли упакованные в ящики экспонаты с какой-то промышленной выставки. Там были моторы, пускатели... Отдельно была упакована в ящики этнографическая коллекция, коллекция чучел животных и птиц и библиотека. Это были все экспонаты музея.

Стояла какая-то мебель: в основном старые диваны, их было много, и из сидений почему-то торчали пружины. Стояло несколько пустых витрин, потом мы их использовали. Посередине комнаты с потолка свешивались балки обвалившегося деревянного перекрытия. Во время дождя крыша протекала, и на полу стояли лужи. Музея как такового не было. Это скорее походило на склад, чем на музей. Здесь было собрано все, что осталось от довоенного музея. В годы войны все экспонаты довоенного городского музея упаковали в ящики и хранили где-то на чердаках. После войны, кажется в 1947 г., была организована промышленная выставка и проведена конференция по производительным силам Кузбасса. Все, что от нее осталось, передали музею, упаковали и хранили. Ни о какой экспозиции речи не шло.

Когда я стал интересоваться, какой в музее штат, выяснилось, что в музее числился директор (с очень маленькой зарплатой – 650 руб.), один научный сотрудник – Павел Фотьевич Шахматов. Он был энциклопедистом от природы: краевед, неплохо рисовал, делал муляжи, но образования у него никакого не было. Кроме того, была полставки бухгалтера и уборщица. И все...

Но раз есть директор, да еще молодой, который чего-то хочет... (Я в то время собирался в аспирантуру). Меня поддержали. В 1956 г. нам дали деньги, и мы провели первую археологическую экспедицию – раскопали Большепичугинский курган в Тисульском районе. Перед нами была поставлена задача, как это было принято, к Октябрьским праздникам открыть экспозицию. И мы действительно все сделали для того, чтобы в этом небольшом помещении открыть экспозицию. И она была открыта. Начиналась она, как это и было положено, с бюста В.И. Ленина. Стоял он на третьем этаже, перед входом в музей. Отлили его сами, потому что денег тоже не было. Это сделал Павел Фотьевич Шахматов. Он изготовил слепок с какой-то скульптуры и по ее образцу отлил. Бюст стоял на фоне карты Кемеровской области. Затем начиналась экспозиция. Основу составляла природа, потому что при создании экспозиции исходили из того, что у нас есть: природа, этнография, немного материалов по истории Кемеровской области. В какой-то мере это была мини-иллюстрация к тому, что представляла собой Кемеровская область. Но это уже был музей с подлинными экспонатами.

Особых мероприятий, как теперь принято в музее, не было, да и проводить их было негде, ограничивались экскурсиями. Мы сделали передвижную выставку к годовщине Октябрьской революции. Нам дали грузовую машину “ГАЗ-51”, и мы возили ее по районам: Новокузнецкий, Промышленновский... Там экспонировали ее в клубах. Читали лекции. Помню, в Тисульском районе читал лекцию о перспективах Кузбасса в очередной пятилетке. Обстановка произвела на меня огромное впечатление. Это был клуб в Большепичугино. Как водится, переделанный из сельской церкви. Там по вечерам устраивали танцы, крутили кино, проводили собрания и лекции. В клубе на сцене поставили трибуну, и я вещал об очередной пятилетке. А рядом, под трибуной, стоял жестяной бак с краником, и на нем кружка, прикрепленная цепью. Цепочка тяжелая, кружка жестяная. И вот слушатели, а их было человек 40 – доярки, трактористы, сидели в соответствующей одежде, лузгали семечки. И каждый из них почему-то считал необходимым подойти к этому баку и погреть кружкой во время моей лекции...

Единственное, что вдохновляло нас тогда, это будущее. Жить будущим – наша национальная черта. Был разработан проект областного краеведческого музея. Это всего лишь картинка, но она нас согревала и воодушевляла. В проекте музей был похож на здание

современной областной библиотеки: три этажа, с куполом планетария. Мы всем говорили: таким будет наш краеведческий музей. Но прошло полвека, а у музея до сих пор нет специального здания. Картинка сохранилась потому, что опубликована в первом издании книги И.А. Балибалова "Кемерово" (Кемерово, 1957). Это был первый этап нашей музейной жизни.

Жил я с семьей недалеко от музея. Город тогда только строился. Советский проспект представлял собой стройплощадку. Вдоль него были раскопаны траншеи, в которые клали трубы. Ходили по деревянным настилам и тротуарам, проложенным по краям траншей. Много было деревянных домов. Из современных были здания горисполкома, дом, где магазин "Кооператор" (бывший "Дельфин"), здание на Весенней, где "Галактика" – бывшая булочная. Дальше стояла "Лакомка," универсам, "Книжный мир." Там, где Театр оперетты, стояли два или три деревянных дома. На месте нынешнего краеведческого музея и Театра драмы море каких-то хибарок. Вдоль Советской улицы (теперь проспект Советский) ходил трамвай, кольцо было на месте здания бывшего обкома партии. Там, где здание ФСБ, стоял серо-зеленый высокий забор, за которым с одной стороны была психбольница, с другой – рынок (на месте здания психбольницы частично стоит университет и 9-этажный дом). Позднее поворот трамвая перенесли на улицу Весеннюю, он проходил мимо пушек возле нынешнего краеведческого музея и шел до горного института. А напротив музея был забор с колючей проволокой, за которым заключенные строили драмтеатр.

В музее сотрудников почти не прибавилось. Появился только кассир и экскурсовод. Штаты не увеличили, потому что для их утверждения требовалось разрешение Москвы. Это было время, когда и туалет-то нельзя было без согласования с Москвой построить. Это была эпоха большевистского тоталитаризма.

Но на нас посмотрели... Что-то там копошатся, шевелятся. Однажды С.М. Рыцев вызвал меня и говорит: "Вы знаете, есть такое решение отдать музею здание по Советскому" (то, в котором музей располагается в настоящее время). Я скажу, что эта новость была для нас настолько неожиданной, что мы, мягко говоря, обалдели. Мы уже привыкли, что музей на задворках, а предложенное здание – в центре города. Но все еще строилось. Нам предложили сходить посмотреть, внести изменения в планировку. Ходили мы все вместе. Со мной пошла и жена Галина Семе-

новна. Там была только одна коробка, даже окна еще не вставили. Внутри мусор. Нам казалось, что все не так: стены не там, много перегородок. Я заявил, что надо все переделать, сделать другую планировку. В ответ засмеялись и сказали, что здесь планировался меховой магазин. Предложили: пока не поздно, на плане указать, где что переделать. Мы отдали свои рекомендации, которые в дальнейшем при строительстве учли. Потом были и тревожные моменты, раздумья – нужно - не нужно... Какая-то борьба была. До самого последнего мгновенья, пока мы не получили ключи, не верили, что отдадут это помещение музею. Это похоже на то, как тогда занимали квартиры: надо отстоять очередь, выдержать какие-то интриги и до тех пор, пока не дадут ключи (и то еще не верилось – а вдруг там кто-то вселился раньше тебя. Надо мебель какую-то поставить), нет уверенности, что эта квартира будет твоей. Примерно так чувствовали и мы себя.

Мы переехали в это здание. Все надо было начинать сначала. Я должен сказать, что это был момент взлета музея по тем временам. Мы сразу получили новое штатное расписание, в котором было 17 или 18 человек. Это была недосыгаемая для нас цифра после трех штатных единиц. Сразу какое-то внимание. Совершенно изменилась смета музея. Экспозицию мы сделали довольно быстро. Очень помогли нам художники. Я помню: с нами работали Виктор Сергеевич Зевакин, Николай Васильевич Вертков, Ольга Артамоновна Пинаева. Особенно помогала Ольга Пинаева.

Тут же разрабатывались эскизы экспозиции. Павел Фотьевич сидел там днем и ночью. Он стал основным художником. Сделал очень многое для создания первой экспозиции. Были спланированы экспозиции залов природы, истории, советского периода. Итак, первая экспозиция была открыта. Нам передали планетарий, работал там Евгений Михайлович Долгих. Планетарий был передвижным, но ему нужна была стационарная площадь. У нас был небольшой зальчик – там, где библиотека музея, и там же мы проводили лекции, конференции. Первая конференция была посвящена гражданской войне. Планетарий был открыт по субботам и воскресеньям. Немало курьезов было. Скажем, планетарий подчинялся директору музея, как один из отделов, а зарплата директора музея была ниже, чем у заведующего планетарием: я получал 650-670 рублей, а Е.М. Долгих – 900 с лишним. Но в то время мы на это не обращали внимания.

Сразу же начали создавать фотофонд, который и сейчас в музее. Отвели помещение для фотолaborатории, купили аппаратуру. И работал там Давид Нейвирт, классный фотограф. Пунктуальный человек. Он был из русских немцев с Поволжья, но по складу характера – чистокровный немец. Говорил он с акцентом. Потом уехал в Казахстан, а сейчас, вероятно, в Германии. Он мне писал курьезные заявки типа: “Лаборатории нужен один кастрюль, один лампочка...” Чисто по-немецки. Работал очень добросовестно. Благодаря ему сохранилась фотолетопись не только областной истории, но и истории музея.

*На археологических раскопках.
Расчистка камней оградки кургана
в д. Михайловка. 1959 г.*

Из музея вышло немало ученых. Сразу после института в 1957 - 1958 гг. в музее начали работать Ася Аркадьевна Халиулина, Зинаида Прокопьевна Верховцева – будущие кандидаты исторических наук. Позднее в музей пришли Галина Андреевна Грякова, Мария Андреевна Мельникова. Первую экспозицию создавали они. Это был костяк музея.

Музей, по-моему, был толчком не только в культурной жизни области, но и в научной. Наука в Кузбассе была “дырявая.” Она была угольная, химическая, металлургическая. Одним словом, воспринималась и процветала горная наука, а вот гуманитарная – нет. И с музея, в какой-то мере, началось признание гуманитарной науки. Археологов у нас не было. В 1950 – 1960-х гг. существовала характерная для советской науки система: ученые из центра выезжали в области, где были памятники отечественной истории и культуры, набирали материал и возвращались в Москву. Местная наука не развивалась. Система эта сложилась в 1930-е годы, когда шла концентрация научных сил в Москве, в основном молодых. Из Иркутска в Москву уехали А.П.Окладников, М.М. Герасимов, Г.П.Сосновский. А старшее поколение, сопротивляясь переходу на марксистско-ленинские позиции, попало в тюрьмы. В ГУЛАГе сидели С.И. Руденко и М.П. Грязнов, не выдержал и покончил с собой С.Д. Теплоухов,

*Археологическая экспедиция.
Тамбарский отряд. Тагарский
могильник..1957 г.*

И второй человек – У.Е.Эрдниев преподавал в Новокузнецке, поскольку в Кузнецком пединституте был исторический факультет. После создания исторического факультета при Кемеровском пединституте в конце 1950-х он переехал в Кемерово. Сюда же приехала Зинаида Георгиевна Карпенко. Работая в музее, мы ежегодно выезжали в археологические экспедиции. Комплектование фондов музея началось сразу же. Я понимал, что без фондов музея не может быть. А дыр было много. Не было практически археологических материалов (за исключением костяков из неолитического Кузнецкого могильника, раскопанного Н.А. Чернышевым еще в 1930-е годы). Даже советский период был представлен слабо.

Мы устраивали разные экспедиционные поездки, поставив перед собой задачу скомплектовать археологическую коллекцию. И тут определились мои научные интересы – изучение курганов скифского времени по материалам Оссовского, Талицкой. В 1956 г. мы провели первую разведку, обнаружили Большепичугинский курган, на следующий год начали его раскапывать в деревне Большое Пичугино. А потом с перерывом копали могильник Ягуня, Тамбарские курганы. В Промышленновском районе мною были раскопаны курганы поздней бронзы.

Надо было создавать фонды советского периода, в это время готовились к юбилейным датам по гражданской войне, а потом,

погиб Ауэрбах. К 50-м годам в Сибири была научная археологическая пустыня. В это время начинал работать в Томске В.И.Матющенко. Он первый и защитился. В конце 50-х из Крыма приехала кандидат исторических наук Татьяна Николаевна Троицкая. В конце 1950-х приехал А.П. Окладников. С него и началось все.

А на уровне краеведения в Кузбассе работал М.Г. Елькин, волею судеб попавший сюда. Я познакомился с ним.

и по Великой Отечественной войне. Мы выезжали в экспедиции по селам с сурдниками музея А.А. Халиулиной, которая возглавляла советский отдел, З.П. Верховцевой, она работала по досоветскому периоду, но материалы собирали все вместе. Материалы брали у самих участников гражданской войны, многие еще были живы. Делали выставки.

Кузбасс очень своеобразный регион – это советская экономическая колония внутри страны. Ему присущи все особенности колонии: выколачивание сырья, крайняя неразвитость сферы науки и культуры... Кузбассу отводилась весьма утилитарная роль – давать уголь, металл. Поэтому и имеем сегодня барачные поселки, неразвитую социальную инфраструктуру как результат несбалансированности экономики области. И на музее это хорошо просматривалось. Это отразилось и в коллективном мировоззрении, в понимании роли и места Кузбасса, особенно среди начальствующего состава. Мне приходилось долго и упорно доказывать, например, необходимость проведения археологических раскопок для музея. В качестве доказательства показывал наши находки из Большепичугинского кургана начальнику управления культуры. Человек далекий от науки, внешне строгий, он был только исполнителем существующей партийной политики. Его “послали на культуру”. Он с интересом рассматривал археологические находки, слушал меня, искренне удивлялся, что здесь в Сибири, оказывается, есть такие древности, и соглашался с тем, что работу надо продолжать. Так мы получали деньги на последующие экспедиции, каждый раз доказывая их нужность. Копали со школьниками кемеровских школ. Студенты появились позднее, когда я перешел работать в пединститут...

Вот так начинался Кемеровский областной краеведческий музей.

З.П. Верховцева

У ИСТОКОВ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

Верховцева Зинаида Прокопьевна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Кемеровского государственного университета. Свою научную деятельность начала в Кемеровском областном краеведческом музее (1957-1963) с изучения и воссоздания фронтового вклада сибиряков в Победу в годы Великой Отечественной войны. Этой теме посвятила более сорока лет, продолжив работу в вузах г. Кемерово. Автор более пятидесяти научных, научно-популярных статей и книг – “Кузбассовцы в боях за Родину. 1941-1945” (Кемерово, 1967); “Солдаты Сибири. 1941-1945” (Кемерово, 1978, 1985); “Стояли на смерть” (Кемерово, 1984), редактор-составитель многотомного издания “Всекузбасская Книга памяти”

(I-V тома, 1995, 1996), научно-популярного сборника “Первенец кузбасской энергетики” (Кемерово, 1999), посвященного 65-летию Кемеровской ГРЭС.

Ее научные труды отличают объективность, высокая историческая достоверность, фундаментальность. Они прочно вошли в научный оборот, в том числе академических изданий, используются в учебном процессе, стали достоянием библиотек, музеев страны, советов ветеранов войны, школьных музеев и клубов “Поиск”, получили широкое народное признание.

З.П. Верховцева является почетным ветераном нескольких сибирских дивизий, армий, Волховского фронта. Лауреат премии Кузбасса за 1984 год. Награждена Почетным знаком Российского комитета ветеранов войны, медалью ордена “За заслуги перед Отечеством” II степени, многими Почетными грамотами.

В настоящее время готовит к изданию очередные тома “Всекузбасской Книги памяти”, возглавляет создание электронной Книги памяти.

Работать в Кемеровский областной краеведческий музей я пришла, можно сказать, случайно. После окончания Кемеровского государственного пединститута в 1957 году (первый выпуск) получила свободное распределение – была замужем и на руках был маленький ребенок, поэтому сама должна была устраиваться на работу. Преподававший у нас археологию А.И. Мартынов (в ту пору он был директором музея) пригласил на должность научного сотрудника. Музей тогда только что переехал из здания Дворца труда в занимаемое им ныне помещение по Советскому проспекту, совершенно не приспособленное ни для музейных экспозиций, ни для хранения экспонатов.

Анатолий Иванович провел меня по пустым залам, выстроенным под магазин, показал площади отдела истории, подвел к вороху бумаг и объемных материалов, лежавших на полу, и спокойно сказал:

- Это экспонаты отдела истории, их нужно научно обработать, паспортизировать, создать тематические планы и построить экспозиции.

- Из этого хлама сделать музейную экспозицию? – недоуменно спросила я. - А как же я определю, что здесь находится? Ведь нет никаких записей, легенд, научных описаний!

- Это и будет ваша первейшая задача.

Озадачив таким вот образом, директор провел меня в кабинет и указал на рабочее место. Прямо скажу, от первого знакомства с музеем я пришла в ужас, но и бежать “с поля боя” сочла постыдным. Обложившись литературой по Сибири (по Кузбассу тогда мало что было опубликовано), приступила к изучению истории края. Получив о нем дополнительное представление, отправилась в командировки по его историческим местам. Изучала достопримечательности, знакомилась с учеными, краеведами, знатоками истории Кузбасса. Затем засела за составление примерного плана экспозиции отдела истории дооктябрьского периода, который впоследствии неоднократно уточнялся.

И все это время одолевали сомнения: “А не перейти ли мне работать в школу?”. Дело в том, что учиться в пединститут я шла с твердым намерением стать педагогом. Прообразом послужила учительница истории Мичуринской средней школы №2, воспитавшая во мне любовь к истории и учительствованию. Наконец А.И. Мартынов не выдержал моих метаний и, чтобы я определилась в выборе профессии, разрешил временно совмещать работу в музее с преподаванием в кемеровской средней школе №1 (школьный учитель ушла в декретный отпуск, и я заменила ее в старших классах). Но

А.И. Мартынов выставил условие – выполнять полный объем музейной работы. Работа в школе буквально поглотила, с ребятами я быстро нашла общий язык. Однако и музей продолжал привязывать к себе накрепко. Пометавшись еще несколько месяцев, осталась в музее. Забегая вперед, скажу: педагог упорно жил в моей душе, и я вскоре по совместительству стала преподавать в Кемеровском культпросветучилище. Потом все-таки ушла на педагогическую работу в Кузбасский политехнический институт. Но произошло это позже. Далее в музее я работала старшим научным сотрудником, затем директором – А.И. Мартынов перешел в пединститут на кафедру археологии, передав музей мне.

Несколько слов о людях, с которыми вместе пришлось трудиться. Когда пришла в музей, его костяк составляли директор Анатолий Иванович Мартынов, заведующий природой Павел Фотиевич Шахматов (добрейшей души человек, истинный краевед), художник-оформитель Эмиль Иванович Биглер. Затем в коллектив научных сотрудников влились Ася Аркадьевна Халиулина, Галина Андреевна Грякова, Ольга Алексеевна Антипова – все выпускники Кемеровского государственного пединститута. Антонина Георгиевна Патокина, Тамара Иванова, прибывшая к нам из г. Ногинска, фотограф Давид Фридрихович Нейвирт, художник Ольга Артамоновна Пинаева, Евгения Александровна Благовещенская – она возглавила отдел природы после П.Ф. Шахматова, Мария Андреевна Шевелева, работавшая в отделе истории дооктябрьского периода, и другие. Это были творческие люди. Мы как-то сразу сдружились и увлеклись музейной работой. Каждый из нас работал столько, сколько было надо, и так, как того требовало дело. Музейные работники – смотрители, кассир, бухгалтер, завхоз, столяр, водитель машины, техничка – все они выполняли важную роль в музейной жизни. От них зависели чистота, порядок, надежность, престиж музея. В основном это были люди в возрасте, умудренные жизненным опытом, ответственные и глубоко порядочные. Всем им я очень благодарна за это. С теплотой вспоминаю кассира Нину Маслову, завхозов Владимира Кузьмича Майкова, Татьяну Гавриловну Осипову и многих других. Будучи потом директором, я очень дорожила всеми ими.

Музей в ту пору находился в стадии становления. Этим практически сказано все: пустые или полупустые залы, не очищенные от строительного мусора подвальные помещения и уж тем более не подготовленные для хранения в них музейных фондов. Чтобы создать экспозиции, приходилось постоянно мотаться по командировкам. В целях экономии времени и средств мы проводили их

комплексно. Это означало – выезжали все научные сотрудники. А у всех у нас были маленькие дети. У меня двое, у Аси Аркадьевны – трое маленьких мальчишек. Нередко дети болели. Зачастую приходилось, именно приходилось, детей оставлять на мужей, а музей на зрителей и всем выезжать в командировку. Не припомню, чтобы кто-то говорил: “Не могу”. У Галины Андреевны Гряковой уже тогда болели ноги, но она была вместе со всеми. Там, на месте, каждый собирал экспонаты по профилю своего отдела, а когда возвращались – дружно занимались их научной обработкой. Потом на базе собранных материалов совместно с художниками создавали тематические планы, музейные экспозиции. Не скрою, я очень любила этот процесс – душа была словно в полете, напряженно, творчески трудилась. И еще любила, медом не корми, сама проводить экскурсии по музею.

Поначалу привозимые из экспедиций экспонаты мы хранили в собственных кабинетах. Постепенно они стали нас вытеснять. Неотложно встал вопрос о приспособлении под хранилище подвальных помещений и их элементарном оборудовании. И ведь мы умудрились собственными силами на общественных началах одолеть весь строительный мусор, вывезти его за пределы города, побелить огромный подвал, построить стеллажи, выделив площади под фонды каждого отдела. Досталось же всем нам тогда! А потом подвалы дважды по-настоящему затапливало водой. Каждый раз срочно добывали помпу. С ее помощью рабочие откачивали воду, а мы, музейные работники, выстроившись по цепочке, ведрами вычерпывали ее. Затем сушили помещения, вздыхали и охали над экспонатами. Позже, также собственными силами, на общественных началах, построили гараж, в нем погребок на всякий случай и смотровую яму для музейной грузовой машины. Да еще где? В центре города, во дворе Театра на Весенней, почти рядом с музеем! Говорят, он стоит там поныне. Картина строительства гаража была достойна если не кисти художника, то по крайней мере хорошей фотографии, особенно тот момент, когда на крыше мы заливали битум. Люди окрест строили собственные гаражи (мне тоже предлагали!), а мы возводили музейный гараж. А чего стоило достать бетонные плиты-перекрытия, кирпич, цемент и т.п. и завезти все это на место строительства!

А.И. Мартынов каждое лето находился в археологических экспедициях на раскопках. Вместе с ним работали студенты пединститута и наш художник Э.И. Биглер. Молодого в ту пору археолога поддерживал известный сибирский ученый академик А.П. Окладников. И не просто поддерживал – они дружили. Алексей Павлович

бывал в нашем музее и своими визитами, несомненно, укреплял его имидж. После научной обработки экспонатов А.И. Мартынов устраивал выставки археологических находок. Меня же Анатолий Иванович познакомил поближе с ведущим ученым-историком Кузбасса З.Г. Карпенко (в пединституте она у нас читала лекции). У нее я консультировалась при построении экспозиции, посвященной революции 1905-1907 гг.

Создавая музей, мы строили экспозиции отделов истории – дооктябрьского и советского периодов, природы. Объемы работ были обширными, поэтому для их оформления приглашали художников Кемеровского отделения Художественного фонда. С нами работали Василий Андреевич Селиванов, Владимир Ефимович Сотников, Ольга Артамоновна Пинаева и другие художники-оформители конца 50-х – начала 60-х годов, ставшие известными художниками, гордостью нашего края. В экспозиции мы использовали картины Алексея Семеновича Гордеева, Александра Михайловича Ананьина, Александра Николаевича Кирчанова и других. Наше совместное творчество давало положительные результаты.

Художник музея Эмиль Иванович Биглер был художником-оформителем от Бога. Немец по национальности, в работе отличался особой скрупулезностью и тщательностью, до блеска отшлифовывал тексты, графики, чертежи. Над ними он мог сидеть день и ночь, и они являлись украшением экспозиции. Не любил спешки, не любил вмешательства в творческий процесс, не любил показывать незавершенные материалы. “Подождите, работа еще не готова”, – говорил он. После выполненной большой работы позволял себе расслабиться, немного “попинать” воздух. В это время у него рождались новые творческие замыслы, идеи. Ими он охотно делился, стараясь увлечь других. Мы любили заглядывать в его мастерскую, в непринужденной беседе порой делали удачные находки.

Мало кто знает, что работавшей в Худфонде Ольге Артамоновне Пинаевой путевку в жизнь дал областной краеведческий музей. Она была небольшого роста, горбатенькая, с богатой творческой душой. За свою непродолжительную жизнь Ольга Артамоновна успела оставить богатую коллекцию теплых, проникновенных, солнечных, жизнеутверждающих картин. Впервые мы познакомились с ними на посмертной выставке – при жизни она не выставлялась. Некоторые ее картины тут же на выставке раскупались за бесценок. Не осталось даже каталога ее картин, по которому можно было бы судить о творчестве несомненно одаренного кузбасского художника. Мы дружили с Ольгой Артамоновной. Не раз она предлагала попозировать – ей хотелось написать

мой портрет. Но все было недосуг, и я откладывала до другого раза. Потом оказалось – другого раза просто не будет.

А.И. Мартынов ушел в пединститут, но мы условились, что он создаст экспозицию по археологии. Под нее мы полностью отвели небольшой зал. Научные концепции ведущего археолога Кузбасса в течение почти трех лет воплощал художник Э.И. Биглер. Получилась богатая экспонатами экспозиция, созданная на передовом научном уровне, и она стала гордостью музея. Ее специально посещали музейные работники, ученые Сибири: Томска, Новосибирска, в том числе Института истории, философии и филологии. Все они отмечали, что подобной музейной экспозиции нет в Сибири. Такую оценку дал сам академик Алексей Павлович Окладников. Вот сейчас при посещении музея я не встретила ее. На мой взгляд, она и сегодня не утратила бы своей ценности. Конечно, акценты меняются. Уходя в пединститут, А.И. Мартынов увел с собой и Э.И. Биглера. Без него нам долгое время приходилось туго.

Много для музея сделал фотограф Д.Ф. Нейвирт. Он был основательным во всем. Дело, за которое брался, доводил до ума. Ему не надо было о нем напоминать, повторять. Его открытая, приветливая улыбка располагала к нему людей. Его отличали особая аккуратность, исполнительность, работоспособность, высокое чувство ответственности. Давид Фридрихович мог сделать любую фотографию, точно передавая в ней психологию человека, его характер, настроение. При съемке он находил такой ракурс, который словно обнажал душу человека, и, как правило, достигал это малыми средствами – через взгляд, руки или позу, развернутые плечи, широкую грудь и т.п. Он обладал ценным даром – слышал замысел научного сотрудника и творчески воплощал его в своих работах, отражая в них людей эпохи. Получалась сюжетная, психологическая, философская фотография – именно то, что требовалось для экспозиции. В фотолаборатории у него всегда царил безукоризненный порядок. Уехав в Целиноград, Д.Ф. Нейвирт оставил музею богатую фототеку. Он прикипел душой к музею и долгое время писал нам, интересовался жизнью музея.

За время работы старшим научным сотрудником я вместе с научным сотрудником Тамарой Ивановой, Анатолием Князевым (он ходил у нас в учениках), художниками и фотографом оформила экспозицию отдела истории дооктябрьского периода. Она удалась совсем неплохой.

Но главным своим созданием в музее в бытность директорствования считаю экспозицию по Великой Отечественной войне –

итог нескольких лет научно-исследовательской, собирательной и созидательной работы. В ту пору меня поражало абсолютное отсутствие материалов по фронтовому вкладу кузбассовцев в Великую Победу. Практически отсутствовали и публикации на эту тему. И я взялась за ее разработку. Несколько раз выезжала в Центральный архив Министерства обороны СССР (ЦАМО СССР, г.Подольск). Тогда он только открылся для исследователей, и попасть туда было совсем непросто – доступ исследователей к его материалам ограничивался. При наличии допуска – формы № 3 требовалось разрешение Генерального штаба. И я обращалась туда лично. В ту пору я, гражданский человек, женщина, была одним из очень немногих его первых посетителей. В основном в нем работали военные, рангом никак не ниже майора или подполковника. Они называли меня “школьницей” (я носила одежду 44-го размера), но в работоспособности я не только не уступала им... Работала в две смены с единственным получасовым перерывом на обед. Экономя время, обедала в солдатской столовой, обслуживавшей и исследователей, жила в общежитии, расположенном на территории архива. Там же находился и магазин. Практически не выходила за пределы территории архива. Мне говорили: “Посмотрим, на сколько вас хватит”. Но я продолжала работать в таком режиме многие годы, изучив десятки тысяч документов. По утверждению сотрудников ЦАМО СССР, ни один исследователь страны не работал над документами архива столько, сколько проработала над ними я.

Начала с выявления Героев Советского Союза-кузбассовцев. Изучила картотеку на 12,5 тысячи Героев, выявила карточки своих земляков, работала над ними и их личными делами. Результаты своего первого исследования опубликовала в сборнике “Из истории Кузбасса”(1964), изданном в Кемерове, впервые обнаружив более 100 имен Героев Советского Союза-кузбассовцев.

Чтобы обогатить привезенные из архива материалы, мы организовали две комплексные экспедиции по области. Встречались с Героями Советского Союза, с родными и близкими погибших (теперь-то мы знали их имена и места проживания!). В итоге добыли дополнительную информацию, документы и фотографии. Все это легло в основу экспозиции по Великой Отечественной войне, которую разместили в двух залах. Один из них был посвящен Героям Советского Союза и полным кавалерам ордена Славы I, II, III степени. Здесь же находилась диорама “Днепровское сражение”. Она была удачно озвучена и освещена.

Создавая экспозицию, мы понимали всю важность ее воспи-

тательного значения и сумели обеспечить высокий научно-исторический и художественно-оформительский уровень. Тщательно отбирали материалы. В этом нам помогали члены общественного совета музея, работники облвоенкомата, областного совета ветеранов войны (он тогда только создавался). Полковники в отставке Алтухов, Ященко, Махов были нашими незаменимыми помощниками. Так, к фотографиям Героев Советского Союза нам

*Общественный совет музея перед открытием экспозиции
по Великой Отечественной войне.*

1962 г.

потребовались развернутые характеристики с описанием их подвигов. И вот наши ветераны идут в КузПИ, где секретарем парторганизации работал полковник в отставке П.М.Новожилов. Быстро находят с ним общий язык. В итоге мы имели прекрасно отпечатанные типографским способом аннотации, изготовленные для музея в порядке шефской помощи. Культура оформления зала "Герои Советского Союза и кавалеры ордена Славы I, II, III степени" была очень высокой. В Сибири мы первыми создали такую экспозицию, которая открылась для посетителей в январе 1962 года. Она была отмечена благодарственной грамотой командования и политического отдела облвоенкомата.

Но нам показалось этого мало, и мы решили изготовить для школ фотоальбом "Герои Советского Союза-кузбассовцы". Да-

ДИРЕКТОРУ КЕМЕРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ тов. БЕРХОВЦЕВОЙ
ЗИНАИДЕ ПРОКОФЬЕВНЕ

ОТМЕЧАЯ БОЛЬШУЮ И ТВОРЧЕСКУЮ РАБОТУ,
ПРОВЕДЕННУЮ ВАМИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ К 44-Й ГОДОВЩИНЕ
СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА ВЫСТАВКИ:

"КУЗБАССОВЦЫ-ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И
КАВАЛЕРЫ ТРЕХ СТЕПЕНЕЙ ОРДЕНА СЛАВЫ"-

КОМАНДОВАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ КЕМЕРОВСКОГО
ОБЛАСТНОГО ВОЕННОГО КОМИССАРИАТА ВЫРАЖАЮТ ВАМ СВОЮ
БЛАГОДАРНОСТЬ И НАГРАЖДАЕТ БЛАГОДАРСТВЕННОЙ ГРАМОТОЙ.

КОМАНДОВАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
ОБЛАСТНОГО КОМИССАРИАТА

8 марта 1966

Зинаида Прокофьевна

вид Фридрихович Нейвирт сутками не выходил из фотолаборатории, печатая портреты Героев. Ему помогали все музейные работники – от директора до смотрителя. Альбомы разослали вместе с разработанными советами по военно-патриотическому воспитанию. В них предлагали рассмотреть вопросы о присвоении дружинам, отрядам, школам имен кузбасских Героев. Помню, в письме из Топок сообщали о присвоении одной из школ города имени Героя Советского Союза Ивана Волошина. Но сил хватило на изготовление только 100 альбомов. А школы области присылали и присылали на него заявки. Позднее подобные альбомы готовила кемеровская "Панорама".

И еще я работала в Центральном архиве Министерства обороны по 22-й гвардейской стрелковой дивизии. Г.А. Грякову отправила "в разведку боем" по 303-й стрелковой дивизии. Добытые материалы легли в основу военной экспозиции.

В залах, посвященных Великой Отечественной войне, мы про-

водили научные конференции, встречи с оставшимися в живых Героями Советского Союза, полными кавалерами ордена Славы. В ту пору у них самих было немало житейских проблем. Так, Илларион Романович Васильев был очень болен, нуждался в материальной помощи, улучшении квартирных условий, лечении. И мы результативно ставили эти вопросы перед горисполкомом. Разыскали панфиловскую дивизию, в которой воевал наш земляк. Ее командование занесло И.Р.Васильева навечно в списки личного состава и, как почетному воину дивизии, выдало соответствующее обмундирование, поставило на довольствие. Не раз прославленный защитник Москвы был почетным гостем дивизии. Музей выступил с инициативой назвать именами Героев Советского Союза И.Р.Васильева, Н.И.Трофимова, В.И.Мызо, Г.И.Красильникова улицы областного центра. И небезуспешно.

Первые конференции по Великой Отечественной войне проводили по ее основным битвам. К нам приходили ученые, ветераны, молодежь. Проводили мы их в залах, где размещалась экспозиция по войне, — ставили скамейки, которые столяр специально изготовил для подобного рода мероприятий. Собиралось до 150-200 человек. Обязательно присутствовала молодежь — учащиеся школ, техникумов. Конференции словно раздвигали наши экспозиции, дополняли их. Заглавное выступление, как правило, было мое. С докладами выступали представители облвоенкомата, областного совета ветеранов. Делились своими воспоминаниями Герои Советского Союза, кавалеры ордена Славы, солдатские вдовы, матери.

Без всякой натяжки скажу: в конце 50-х — начале 60-х годов музей был центром гражданского, патриотического воспитания молодежи. И научные конференции помогали нам в этом. Возможно, мы сами еще до конца не осознавали, какую высокую планку брали. Опыт нашей работы по созданию экспозиции, посвященной Великой Отечественной войне и пропаганде подвигов Героев Советского Союза, рассматривался на совещании в Министерстве культуры РСФСР и получил высокую оценку. Я выступала с сообщением и на всесоюзном совещании, возила в Москву наш альбом.

Музей предоставил мне уникальную возможность познакомиться со всемирно известными музеями страны — и не только с их неповторимыми экспозициями, но и фондами, недоступными для простого посетителя кладовыми, запасниками, опытом работы, людьми, активно участвовать в работе всесоюзного, всероссийского совещаний музейных работников, встречаться с руководством Министерства культуры, которое трогательно заботилось о нас во время наших приездов в Москву: размещало в весь-

ма приличных номерах гостиниц, помогало приобретать билеты в театры – Большой, “Современник”, им. Моссовета и другие, на творческие вечера выдающихся артистов и т.п. Домой возвращалась окрыленная новыми планами, задумками.

Не раз мы проводили в нашем музее конференции и по Великой Октябрьской революции и гражданской войне (в зале с соответствующей экспозицией). Их готовили А.А. Халиулина, Г.А. Грякова, А.Г.Патокина, Г.Мезенцев в соавторстве с художниками и фотографом. Основным докладчиком выступал профессор Василий Александрович Кадейкин, с сообщениями – музейные сотрудники и герои гражданской войны. В дни проведения конференций музей буквально гудел.

Музей формировал нас как ученых, прочно закладывал навыки научной работы. А встречи с легендарными людьми обогащали духовно, расставляли вешки на жизненном пути, укрепляли морально-нравственные ориентиры. На базе нашего музея управление культуры проводило областные совещания, конференции краеведов и музейных работников. И это тоже имело свою действительную силу.

В свою очередь, вместе с созданием музея мы формировали и его духовную среду: высокой требовательности к работе, дружбы, товарищества, коллективизма, взаимовыручки – все это составляло неподдельное естество наших взаимоотношений. Мы любили и ценили шутку, розыгрыши, могли искрометно веселиться и потом без всякой ломки переходить в ритм напряженной работы, как дети, радовались успехам, за все брались с верой: одолеем. Вероятно, это прекрасное состояние души во многом определялось просто: как молоды мы были! И, конечно же, царившей вокруг нас атмосферой. В то время у меня созрел план работы над книгой “Кузбассовцы в боях за Родину” (она вышла в свет в 1967 году) и идея создания “Всекузбасской Книги памяти”. Потом многие годы вынашивала ее концепцию, отработывала, шлифовала, собирала под нее архивные материалы, доказывала необходимость ее создания и издания.

Многое сделала для музея Е.А.Благовещенская. Ее отличала какая-то особая интеллигентность. Она присутствовала у нее во всем. Евгения Александровна была старше нас лет на двадцать, но мы дружили с ней как с ровесницей. Преданная своему делу, совместно с томским художником создала прекрасную экспозицию отдела природы. Правда, далось это музею нелегко.

Поскольку залы музея узкие, мы решили расширить экспозиционную площадь за счет использования оконного пространства,

разместив между внешними и внутренними стеклами тематические интерьеры – чучела, частицу природы, прорисованные оконные боковины и т.п. с соответствующим освещением и музыкально-текстовым сопровождением по трем территориям: север, центральная часть, юг Кузбасса. Первым встал вопрос об оконном стекле. Где его взять такого огромного размера? Обошла не один кабинет. И вот когда после долгих мытарств наконец мы его достали и нам его привезли в специально упакованных из досок ящиках, грузчики разгрузили и положили их горизонтально, вместо того чтобы установить на ребро вертикально. Сделали нам руч-

*Участники 2-го областного совещания работников музеев и краеведов Кузбасса.
г. Кемерово, 27 мая 1958 г.*

кой, развернулись и уехали! Стекло тут же начало лопаться. Что хотите, то и делайте, хоть кушайте его с маслом. Рабочий день окончился. Не помню, лично кого, но успела захватить в облизполкоме кого-то из руководителей. Я бух перед ним ниц: “Спасайте!”. Он оперативно разыскал бригаду стекольщиков, те быстрехонько примчались и сделали все как положено. На завтра они уже стеклили окна. А мне то стекло потом долго вспоминалось. Не легче достались чучела и их выделка. А сколько спирта извел тот специалист! Думала, умру от всей этой затеи. Вот уж поистине от задумки и идеи до исполнения – не один шаг.

Конечно, то, что мы оформили экспозицию по археологии, истории дооктябрьского периода, природе, все это было хорошо.

Но от нас требовали современность. Да и мы это прекрасно понимали. Но где взять силы и средства, чтобы достойно отразить промышленный край – Кузбасс, да еще промышленные предприятия, угольные шахты?

И вот тогда со всеми этими раздумьями я пошла к зампредседателя совнархоза Валентину Дмитриевичу Никитину, ставшему вскоре замминистра угольной промышленности СССР. Просторная приемная. Справа кабинет В.Д.Никитина, слева – зампредседателя совнархоза В.Г.Кожевина (под его руководством мне довелось

Сотрудники музея “на привале”. 1958 г.

потом работать доцентом в Кузбасском политехническом институте (КузПИ), где он потом ректорствовал). Приемная заполнена угольными, промышленными “генералами”. И тут я со своими музейными проблемами. В душу закралось смущение. Минута в минуту назначенного времени меня пригласили в кабинет зампредседателя совнархоза. Он вышел из-за стола навстречу, приветливо поздоровался, усадил за маленький, “неправительственный” столик и, видимо, заметив мое душевное состояние, сказал что-то располагающее к изложению сути вопроса. Затем вызвал начальника отдела, слово в слово повторил нашу проблему, словно всю жизнь только и занимался музейным делом, и обозначил ему задание. Мне же сказал: “После беседы со мной зайдите к этому заведомому и

оформите все документально. Но этого будет недостаточно. Вопрос большой, и его нужно решать совместно с обкомом партии". И тут же позвонил секретарю обкома КПСС по идеологии З.В.Кузьминой, договорился о встрече на следующий день.

На встрече с З.В. Кузьминой В.Д. Никитин представил меня и шутливо сказал: "Вот эта "школьница" хочет, чтобы я выделил ей миллион или в крайнем случае полмиллиона на обустройство музея. Но у меня таких денег, пожалуй, не найдется. А вот вместе с Вами, Зинаида Васильевна, мы сможем ей кое-чем помочь". И лаконично изложил наш план: каждое крупное предприятие, шахта представляют музею социальный паспорт-характеристику, образцы продукции, оформленные художниками в стенды в соответствии с требованиями музея, возможные документы и по утвержденному списку изготавливают необходимые макеты. Далее музей работает с ними сам. Вот так деликатно зампредседателя совнархоза перевел меня через площадь, организовал встречу с секретарем обкома партии по идеологии, согласовал план помощи музею, получив от З.В.Кузьминой "добро", и тем самым оказал нам неоценимую помощь и поддержку. Сама я вряд ли бы сумела пробить все эти вопросы. Далее службы совнархоза подготовили распоряжение за подписью В.Д.Никитина. Заведующему того же отдела были даны соответствующие указания. Валентин Дмитриевич пожелал мне успеха. Я была на седьмом небе.

Но радость моя оказалась преждевременной. Когда я прошла по второму-третьему кругу, поняла – придется вновь идти в кабинет высокого начальника. Не успела рассказать о своем фиаско, как В.Д.Никитин тут же оценил ситуацию: "В механизме не срабатывает звено", – и вызвал к себе все того же начальника отдела. Не хотела бы я в те короткие минуты быть на его месте. Проводил меня зампредседателя совнархоза словами: "Всем, чем смогут, предприятия помогут. Я в этом убежден. Спасибо, что зашли, не отступились".

Уверенность В.Д.Никитина действительно очень скоро воплотилась в нашей музейной экспозиции, посвященной современному советскому периоду начала 60-х годов. От предприятий мы получили богатые, прекрасно оформленные стенды, макеты, продукцию. Из всего этого великолепия требовалось создать достойную заботе, проявленной о музее, экспозицию. И с ней успешно справились научные сотрудники А.А. Халиулина, Г.А. Грякова, Г. Мезенцев, художники-оформители, фотограф. Потом, глядя на то, что получилось, я удивилась прозорливости Валентина Дмитриевича Никитина. Экспозиция и впрямь стоила очень дорого, и нам одним ее никогда бы не удалось одолеть. С той поры

прошли десятилетия. И все эти годы в сердце живет память о Человеке, поддержавшем меня в начале жизненного пути и многому научившем своим поступком.

Вспоминается такой вот небольшой эпизод. Закончился напряженный, заполненный до отказа рабочий день. И вдруг звонит директор областного книжного издательства В.В. Банников: "Слушай, сейчас мы с французским журналистом придем к тебе в музей. Он понимает без переводчика и немного говорит по-русски. Покажешь ему музей, обозначишь основные контуры Кузбасса: "его богатство, люди, достопримечательности". (Это обком партии поручил В.В. Банникову сопровождать зарубежного гостя). Моя реакция: "Не хватало мне только этой напасти". Провела их по экспозиции, кратко рассказала, беседу продолжили в кабинете – она шла в духе вопросов-ответов. Француз оказался интересным собеседником. И я забыла потом об этом. Вдруг однажды Виталий Васильевич Банников передает мне французский журнал с опубликованной статьей того самого журналиста и ее перевод. В ней наш зарубежный посетитель тепло отзывался о Кузбассе и его музее.

Большое внимание мы уделяли формированию нашей музейной библиотеки. Началось это с Анатолия Ивановича Мартынова, от него перешло ко мне. Приобрели многие раритетные книги, среди которых были: Атлас Ремезова, "Русско-японская война", "Герои Отечественной войны 1812 года" и т.п. В библиотеке работала Ольга Алексеевна Антипова, ставшая истинным собирателем книг.

Организационная, руководящая, хозяйственная работа, финансовые вопросы и т.п. поглощали все рабочее время, а нередко и не только его. Поле научной деятельности стремительно сокращалось, словно шагреновая кожа в бальзаковском романе. Все чаще настойчиво возникала мысль уйти на педагогическую работу. И в феврале 1963 года я обрушилась на Е.А. Благовещенскую с просьбой принять на себя музей. В ответ упорно звучало: "Нет, нет и нет!" Уговорила: "Временно!". Написала заявление об увольнении и с ним – в областное управление культуры к А.М.Лыткину. Он и слышать ничего не хотел. Я в обком партии к М.Л.Карпенко. И снова: "Нет". И все-таки мне удалось разрушить эту крепость до приезда из командировки З.В.Кузьминой. Мой уход ошеломил музейных сотрудников.

Уволилась, стала работать в КузПИ, а все думы были о музее. Как-то на улице встретился А.М.Лыткин, спросил, довольна ли я новой работой. Ответила: "Реву". – "Так вернись в музей, там же нет директора!" – "Не смогу, стыдно." – "Хорошо, приходи ко мне замом". Он убедительно аргументировал свое предложение – ог-

Сотрудники музея. 1-й ряд (слева направо):

*Н. Маслова, Е. Благовещенская, Д. Нейвирт, З. Верховцева,
Т. Осипова. 2-й ряд: 3-я слева - М. Мельникова. Февраль, 1963 г.*

ромное поле деятельности, зарплата, возможности роста и т.п. – и одновременно не оставлял времени на размышление. Я согласилась назавтра утром вместе с ним идти к секретарю обкома партии З.В.Кузьминой на собеседование. На новой работе завкафедрой В.А.Кадейкин охладил мой пыл: “Ты ушла из музея из-за организационной, руководящей, хозяйственной и прочей работы, пришла в науку, так оставайся в ней и делай свое дело. Вот я ушел с должности завотделом обкома партии и не жалею, пишу докторскую диссертацию (тогда он только что поступил в докторантуру). Так что никуда я тебя не отпущу”. И вроде как расставил точки над *i*. На следующий день я пришла в кабинет З.В.Кузьминой (там уже находился А.М. Лыткин) и с порога сказала: “Александр Михайлович! Простите, но я не пойду на эту должность”. Полагаю, далеко не всегда я делала правильный выбор, правильные шаги. Не всегда знала, куда нужно было идти: налево, направо, прямо, чтобы принести людям большую пользу. Знаю только одно – не сбивалась с главной столбовой магистрали.

Вскоре вслед за мной ушла в госархив, затем в Кемеровский неединститут А.А. Халиулина. Там она успешно защитила кандидатскую диссертацию, работала доцентом и трудится в нем (теперь уже в университете) по сей день. Г.А. Грякова перешла старшим научным сотрудником в областной партархив. В музей пришли другие люди и продолжили его жизнь.

Я же всю жизнь занималась педагогической работой в вузах, наукой (не кабинетной!), много, очень много работала в архивах страны над документами Великой Отечественной войны по Кузбассу, Сибири, проводила многочисленные встречи с ветеранами войны разных поколений, фронтов и направлений, с родными и близкими погибших, записывала, обрабатывала, публиковала их рассказы, воспоминания, увековечила десятки тысяч имен живых и павших за Родину кузбассовцев, провела 36 экспедиций по местам боев кузбасских дивизий, организовывала многочисленные выставки, участвовала в научных конференциях, создавала книги, писала статьи, публиковалась в газетах, выступала по радио, телевидению, постоянно занималась военно-патриотическим воспитанием молодежи, оказывала научно-методическую, профессиональную помощь в создании и работе целой сети школьных музеев (не только Кузбасса), делилась опытом, знаниями со школьными краеведами – десять лет работала с ними в институте усовершенствования учителей, отвечала на сотни, тысячи писем, поступавших со всех концов страны, – меня ими засыпали, буквально заваливали, обращались с запросами. И я была обречена на поиск, порой подключала к работе всю свою семью, спешила успеть порадовать людей, огорчалась, переживала, когда узнавала, что опоздала. Объем работы обуславливал стремительный жизненный ритм, он сохраняется и сегодня. Меня постоянно не покидало ощущение, что выполняю объем работы за какой-то несозданный институт. И я не только делала всю эту работу, но и была разработчиком передовых методик, научных концепций. Обо мне говорили живущие и ныне: “Ты генератор идей”. К сожалению, научный поиск, неумность в работе зачастую оказывались наказуемыми. Это било по рукам, требовало немалых сил выстоять.

Всегда дорожила временем (мне его хронически не хватало и не хватает). Вот и сейчас, если бы не эдакая мягкая, исключаящая отказ настойчивость Любви Федоровны Кузнецовой, вряд ли я сумела бы выкроить его на собственные воспоминания, хотя официально находилась в отпуске. Скупилась выделить полгода на оформление докторской диссертации. Даже когда появилась возможность спокойно сработать докторскую, вмешался В.В.Банников, директор областного книжного издательства:

- Ну скажи, кому нужна твоя докторская диссертация? Ну напишешь, защитишь, положат ее на полку пылиться. А книги твои нужны людям, ветераны их ждут: смотри, сколько заявок на переиздание “Солдаты Сибири” понаслали (В облкниготорге на полу стоял крафтмешок, доверху наполненный письмами-заявками на

мою книгу. Почти в каждом из них был запрос на пять-десять-пятнадцать-двадцать экземпляров). На носу сорокалетие Победы. Давай не дури, пиши книги.

И получалось так, что ни я, ни моя судьба не брались в расчет. И я доделала "Стояли насмерть", переработала "Солдаты Сибири". Обе книги вышли в свет к 40-летию Победы десятитысячным тиражом каждая. Обе разошлись за рекордно короткий срок – за неделю. Ветераны войны, поисковики приобретали их пачками и рассылали однополчанам, в школы. Конечно, это радовало. Но защитить я докторскую диссертацию, насколько легче мне было бы творить, служить и ветеранам войны, и памяти погибших, и их родным и близким, воспитывать молодежь делать то, что делала всегда. Однако одновременно делать то и другое не хватало времени. Идея продолжает жить: "Вот разгребу, переработаю работу, выкрою время..." Надо сказать, В.В.Банников внес существенную корректировку в траекторию моего творческого полета.

Путь был нелегким, нередко тернистым. На нем не всегда встречала Никитиных. Но их поддержка, личный пример помогали не сбиться с пути, держаться жизненных ориентиров, хотя порой опускались руки, наступала апатия, потом снова бралась за дело. Не всегда удавалось с ходу взять ту или иную высотку, но шла вперед. Теперь сама уже вырастила не одно поколение учеников.

Что значил музей в моей жизни?

Пожалуй, он не отпускал меня от себя никогда и был моим земным притяжением. Во мне постоянно жил краевед. Примечателен такой вот факт: начинала работать под руководством областного управления культуры (начальник А.М.Лыткин) и завершаю свой трудовой путь под эгидой департамента культуры, возглавляемого моим бывшим студентом В.И.Бединым, являющимся заместителем председателя редколлегии Всекузбасской Книги памяти. Народную мудрость: "Учитель, воспитай ученика, чтобы было у кого учиться" я стремилась воплотить в жизнь, и, возможно, в какой-то степени мне это удалось. Значит, не пропали даром, проросли посеянные мной семена.

В преддверии юбилейной даты – 70-летия Кемеровского областного краеведческого музея благодарю его сотрудников за память сердца. Желаю всем крепкого здоровья, счастья, радости жизни, везения, удачи, семейного благополучия, мирного неба над головой и больших творческих успехов!

С праздником вас, дорогие коллеги!

А.А. Халиулина

МОЯ РАБОТА В МУЗЕЕ

Халиулина Ася Аркадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории Кемеровского государственного университета. Автор более 70 научных работ, посвященных истории историографии Сибири и Кузбасса. Среди них: "Историография рабочего класса Сибири - 1917 - конец 1930-го годов" (Кемерово, 1979), "Земля Кузнецкая в летописях и трудах (XVII - начало XX вв.)" (Кемерово, 1995, учебное пособие); "История Кузбасса. Возвращенные имена" (Кемерово, 1998); член редколлегии "Историческая энциклопедия Кузбасса", т. I, "А-К", (Кемерово, 1996).

В областном краеведческом музее работала зав. советским отделом с 1958-го по 1963 год.

Музей был для меня первым местом работы. В 1958 году я окончила пединститут в Новокузнецке. Получив свободное распределение, мы с мужем приехали в Кемерово. И по рекомендации обкома комсомола я пошла в музей. Встретил меня Анатолий Иванович Мартынов – высокий, худощавый, озабоченный молодой человек. Чтобы выяснить, есть ли у меня интерес к научным планам, он спросил об оценках по курсовым и специализации. У меня были пятерки. А специализацию у нас вела д.и.н. Зинаида Георгиевна Карпенко. Под ее руководством мы собирали материалы для будущей книги по истории Кузбасса. Тогда еще были закрыты фонды с рукописью В.И. Шемелева, и история писалась с чистого листа. А.И. Мартынов повел меня в подвал и показал в угол со словами: "Вот это экспонаты советского периода". В одной стороне лежали огнеупорные кирпичи, а напротив лежали фотопла-

каты корреспондентов ТАСС. Я на него недоуменно посмотрела.
- Да, это экспонаты, привезенные с гурьевского завода, и их надо зафондировать, - сказал Анатолий Иванович. - Есть еще несколько экспонатов шахтовой техники. Мы начали на пустом месте. От старых материалов осталась библиотека.

Я занималась советским периодом, Верховцева досоветским. К юбилею революции 1905 года она собрала богатый архивный материал о прибытии Кирова на станцию Тайга.

Я начала сбор по двум юбилейным датам: 40-летие освобождения Сибири от Колчака и 20-летие формирования 22-й добровольческой дивизии в годы Великой Отечественной войны. Какие люди тогда приходили! Какой материал открывался! Работали самозабвенно, могли сидеть вечерами, хотя у меня тогда был маленький ребенок. Но нам было интересно, да и народ к нам шел вечерами, после работы. Они приносили документы, фотографии, мы их рассматривали, а они обсуждали события, называли новые фамилии, адреса. Так создавался совет ветеранов.

Были и курьезные случаи. Среди ветеранов был Иван Белов. Он называл себя командиром партизанского отряда, утверждал, что его отряд действовал в районе села Березово. Летом 1959 г. мы поехали туда в экспедицию. Она была сборная. Поехали на автобусе планетария, Евгения Михайловича Долгих. Среди ее участников были сотрудники разных отделов: я и молодая сотрудница-студентка из советского отдела, были археологи, сотрудник досоветского отдела Князев. Мы проехали по адресам, данным Беловым. Он нам указал людей. Мы их нашли, поговорили, и выяснилось, что он был всего лишь командиром разведки, которая состояла из двух человек: его самого и мальчика 15 лет. Когда мы вернулись, он сразу же пришел. Сидит и говорит:

- Ну что, были там?

- Да, - говорю, - я была там.

- И что вам сказали?

Я не знаю, на что он рассчитывал...

- Иван Петрович, но ведь вы были командиром разведки, в которой было всего два человека вместе с вами.

Он ответил:

- Да, да, да, но бой был...

Если говорить о партизанских отрядах Кузбасса, то их скорее можно назвать группами. В деревне собиралось несколько чело-

век, и именовали себя партизанским отрядом. Желание числиться партизаном 20-х годов имело тогда и меркантильный интерес: существовала так называемая партизанская комиссия, выдававшая документы участникам гражданской войны (для этого достаточно было свидетельства трех человек), – и ты получал удостоверение, которое давало определенные материальные льготы. Поэтому и существовала круговая порука, желающих приписать себе подвиги находилось немало. Кроме Белова был еще один – Денисов, очень старенький. Выдавал себя за командира, но, как выяснилось, таковым не был. Чтобы выявить истину, приходилось много работать в архивах, но, бывало, подделывали и архивные документы, как, например, в случае с именем Соколовского.

Помню, когда я работала в музее, мне пришлось заниматься сбором материалов по пароходу “Дедушка”, на котором в 1918 году красногвардейцы коксохимзавода поплыли в Кузнецк для подавления мятежа, но на обратном пути вступили в бой с превосходящим противником и были разбиты. Пятерых расстреляли. Очень много противоречивых сведений об этом событии, и мне пришлось основательно посидеть в архиве. Я работала с фондом партизанской комиссии, уже в те годы он был под угрозой утраты, поскольку все тексты на папиросной бумаге выцветали. По воспоминаниям очевидцев можно было восстановить имена погибших, но нигде не было имени Соколовского. Когда жена Соколовского в 1920 г. пришла на партизанскую комиссию, ей подтвердили, что он находился в составе красногвардейского отряда, но на пароходе “Дедушка” не был и в бою у Бычьего Горла не участвовал. Среди пяти погибших был один неизвестный. Будь это Соколовский, его бы узнали: человек он известный.

Мне пришлось участвовать в перезахоронении останков погибших красноармейцев. В состав комиссии по перезахоронению меня включили еще в бытность моей работы в музее. Кстати, эта комиссия сначала называлась комиссией по установлению имен погибших, и лишь позднее она занялась перезахоронением. В 1963 году я перешла работать в архив, но в комиссии осталась. И здесь мне пришлось столкнуться с дочерью Соколовского, Стихией Соколовской, которая пыталась доказать, что на памятнике должно быть имя ее отца. Она утверждала, что он и был тем самым неизвестным. За год до захоронения Стихия Соколовская прихо-

дила в архив. И когда встал вопрос о перезахоронении, она отправила письменный запрос об отце. Я в это время замещала ушедшую в отпуск директора архива Татьяну Высотскую. Светлана Иващенко, молодая сотрудница, готовившая ответы на запросы, принесла их мне на подпись. Среди них я увидела фамилию Соколовского. В справке подтверждалось участие Соколовского в сражении у Бычьего Горла в 1918 г. Я удивилась: несколько лет назад мы искали подтверждение этому и не нашли...

- Света, где ты это нашла? - спросила я.

- А вот Стихия Михайловна указала мне номер фонда и дело.

Я попросила принести дело. На папиросной бумаге с выцветшими буквами я увидела свежие фиолетовые чернила с текстом о Соколовском: Стихия вписала имя своего отца. Взяв дело, я пошла в комиссию. Разбирались долго. Стихия писала, что это я подделала. Дело доходило до того, что почерки сличали. В итоге убедились, что виновата Соколовская.

В то время многое открывалось впервые. Из Новосибирска пришло много писем от сына командира партизанского отряда В.Шевелева-Лубкова. Я ездила в Новосибирск и привезла много материалов: документы Шевелева, фото В.И. Ленина (снят с сибирской делегацией на IX съезде партии, среди них Шевелев), рукопись истории отряда Н.Буинцева, картины, наброски сражений. Жива была жена Василия Ивановича Шевелева. В 1959 г. состоялась встреча участников гражданской войны в связи с 40-летием освобождения Сибири от Колчака. Из Москвы приехал Григорий Шувалов, А. Геласимова, П. Федорец. Москвичи не знали, что Шевелевы приедут. И надо было видеть момент встречи! Особенно меня поразил Шувалов. Когда он увидел жену Шевелева, было впечатление, что он готов провалиться сквозь землю. Он покраснел, у него задрожали руки. Я знала от Василия Александровича Кадейкина, зав. отделом пропаганды и агитации партии, который работал над кандидатской диссертацией по гражданской войне, что в деле Шевелева были наветы на него. К этому времени Шевелев был реабилитирован. В.А. Кадейкин позвонил и сказал: "Приходите, я покажу интересный материал." Я пришла. Тогда я впервые увидела дело на репрессированного Шевелева-Лубкова. Я успела его лишь бегло просмотреть. В деле были и доносы на Шевелева, который работал на заводе в г.Сталинграде, его там и арестовали. На первом же допросе он сказал, что в последнее время ему в почтовый ящик подбрасывают пакеты с запрещенной литературой. Вероятно, кто-

то пытался дискредитировать его. В деле было несколько ответов из Новосибирска на запросы о Шевелеве. Давали ему отрицательную характеристику. И в одном из ответов пересказывалась легенда о том, что Шевелев присвоил себе золотой фонд, найденный во время гражданской войны партизанами в тайге.

В деле Шевелева были страницы, где он признавал себя троцкистом, фашистом. Последние страницы сообщают: суд приговорил его к расстрелу и предоставил последнее слово. И Шевелев отрекся от наветов: "Я всю жизнь был верен партии, никогда ей не изменял, как мог служил и был ей предан".

Тогда в кабинете Василия Александровича мы впервые так близко столкнулись с судьбой этих людей.

В 1957 г. был издан сборник документов "Установление советской власти в Кузбассе". В его составлении принимал участие В.А.Кадейкин. Материалы были подобраны не случайно. Они опровергали версию, что никаких партизанских отрядов не было. Я сама несколько раз выезжала в Крапивинский район по следам отряда Шевелева, проверяла достоверность содержания рукописи Буинцева. Если отряд Белова был фикцией, то Шевелев – человек, которого репрессировали, – был командиром действительно существовавшего отряда. Когда части Красной Армии приближались к Кузбассу, партизаны решили объединиться – это были отряды Пугачева, Шувалова, Шевелева и др. Командиром избрали Шевелева. Он единственный знал военное дело, был унтер-офицером на фронте в годы первой мировой войны. Там же вступил в партию.

Что касается А.Н. Геласимовой и П.Ф. Федорца, мне трудно сказать... Знаю, что они приехали с Востока, а как туда попали – неизвестно. Полностью их участие отрицать нельзя, но того, что они приписывают себе, конечно, не было.

Среди партизанов были члены РСДРП, не считавшие себя большевиками. К их числу, по некоторым сведениям, относились А.Н. Геласимова и П.Ф. Федорец.

Дело в том, что в Сибири была единая организация РСДРП, фракции появились с апреля 1917 года. Первыми отдельную организацию создали красноярские большевики, отправив своих агитаторов по Сибири. В Кузбасс приезжал Боград. Он читал лекции (мы нашли билеты) – проехал по всему Кузбассу.

Тех, кто выступал против разъединения РСДРП, большевики считали своими врагами. Например, В.И.Шемелева, члена РСДРП, в

1905 г. – Барнаульской организации (которая, как и Томская, осталась единой и в полном составе не признавалась большевиками). В 1924 г. он вынужден был публично каяться. Поэтому имя историка Шемелева мы так долго не знали. Не знали, что существует его рукопись истории Кузбасса. В 1990 году я работала в Новосибирском архиве и попала в момент открытия фондов партийного архива. Тогда-то я впервые увидела эту рукопись. Шемелев был, пожалуй, единственным историком тогда, писавшим о Кузбассе. Образование у него – незаконченное высшее. Студента Казанского университета В.И. Шемелева исключили за участие в забастовках и сослали на Алтай, откуда он был родом. Здесь же он и революцию встретил.

Активным участником совета ветеранов по гражданской войне был Погребной – родственник Демьяна Погребного. Это был энтузиаст и наш добровольный помощник. Его активность объяснялась желанием восстановить правду о своем родственнике. Он очень подробно все изложил о Кольчугинском восстании, даже сделал макет домика, в котором собирались подпольщики. В музее макет должен быть. Делали домик по его макету. По эскизам ветеранов мы делали муляж знамени 5-й Красной Армии. Мы старались сделать интересную экспозицию. У нас ведь ничего не было из материалов того времени. Штыки, гильзы – все это мы собирали в Крапивинском районе на месте боев. Выставили в первой экспозиции. По эскизам Денисова сделали партизанскую трещотку.

В декабре 1959 года отметили 40-летие освобождения Кузбасса от Колчака. Но связи с ветеранами не потеряли, продолжали встречаться.

К отбору материала по гражданской войне мы относились очень осторожно, проверяли его достоверность, если была такая возможность. Я помню, по Кольчугинскому восстанию мы дотошно отбирали материалы, выясняли все противоречия. Я работала в архивах Москвы, Новосибирска, Томска. Помогали и краеведы: из Гурьевска – Александров, из Прокопьевска – Елькин. Вслед за советом ветеранов гражданской войны по инициативе участников Великой Отечественной войны был создан совет. Им нужно было место, где собираться. Днем они работали, приходили вечером, и нам тоже приходилось оставаться. В основном это были ветераны 22-й гвардейской дивизии. Собиралось до 50 человек. Материалы собирать начали с 1960 г. Ветераны группировались по годам формирования дивизии. Они помогали нам не только тем, что передавали материалы, но и давали адреса, по которым я ездила в Ново-

сибирск, Ленинград, Ригу... Среди ветеранов много было женщин-санинструкторов. Одна из них, К.И. Воробьева, преподавала в политехническом институте. У нее от ранения в челюсть остался небольшой шрам. Очень активная была. По адресам, которые она дала, я связалась с ветеранами дивизии в Ленинграде, Новосибирске.

В Новосибирске тоже был совет ветеранов Великой Отечественной войны. Тогда ими была написана книга "22 добровольческая." Фильм о дивизии тоже попал к нам с их подачи. Новосибирцы приезжали к нам в гости, мы помогали друг другу.

Строить экспозицию было сложно. В институте этого не преподавали, поэтому я была полным профаном. Очень помогал А.И. Мартынов. Через месяц после приема на работу он послал меня в Красноярский музей. Он произвел на меня огромное впечатление. Зав. отделом советского периода – пожилая женщина, опытный музейный работник – передала мне опыт, знания музейной работы. Я до сих пор вспоминаю ее с чувством благодарности. В экспозиции были представлены и материалы по восстановительному периоду, тогда-то мы сделали еще один макет-агитпоезд "Октябрьская революция". Потом появился макет шахты № 9/15 Анжеро-Судженска.

Особенность комплектования по советскому периоду состояла в том, что нам передавали материалы выставок, проходивших по отраслям промышленности. Помню, было совещание по угольной промышленности, и после его окончания нам все передали. Нам очень помогал обком партии: сначала В.А. Кадейкин, а потом З.В. Кузьмина. Если мне надо было выехать за экспонатами, я шла к ней, она давала мне письмо за своей подписью, и тогда мне открывались все двери. Благодаря ей нам передали огромное количество макетов. Оставили мы комбайн Гуменника, макет шахты Михельсона и др.

До 1961 г. не было экспонатов по пятилеткам. Этой темой занималась Галина Андреевна Грякова. По сбору материала мы ездили группами, помогали друг другу. Интересной была поездка в Новокузнецк. Мне надо было посетить в Новокузнецке несколько человек и несколько человек в районах, в том числе Героев Советского Союза и семьи Героев. Материалы о них мы начали собирать еще при А.И. Мартынове. Возвращаясь к той поездке, хочу сказать, что каждая встреча с Героями и их семьями отзывалась болью: в какой нищете и бедности они жили! В Новокузнецком районе жил в леспромхозе Зорькин, чей сын за форсирование Днепра удостоен звания Ге-

*О.К.Орбет, ветеран гражданской войны (в центре),
сдаёт документы в музей. 1958 г.*

роя посмертно. Сын был совсем мальчиком, лет 17, еще не успел ничего в жизни увидеть. А отец, уже старик, жил один в избушке, очень бедно. Смотрит на меня с мольбой и говорит: "Мне бы хоть мешок муки..." Дело было весной, все, что заготовил с осени, закончилось, а выехать не может: деревня глухая, дороги никакой. Когда мы добирались туда, я боялась, как бы не застрять.

В Беловском районе я встретила с Якушкиным. Помню, у него было ранение в голову, след от войны. Тоже бедствовал. Никаких льгот тогда у ветеранов не было. Выложил перед нами все документы, доказывающие, что он действительно Герой Советского Союза. Он, как и все, с кем мы встречались, были нам благодарны за внимание, и они видели в нас людей, которые могут им помочь. Позднее я встречалась с Васильевым, героем -панфиловцем. Жил он в Крапивино. Я побывала у него, еще когда мы собирали материалы по отряду Шевелева. Работал он пастухом и жил не просто бедно, а нищенски. Я уже имела опыт сбора материалов по войне – ветераны несли нам плащ-палатки, обмундирование, планшетки... А Васильев говорит: "Что же я могу вам дать? Шинелка, которую я привез с фронта, служит мне одеялом. Так уж прости, нет ничего больше". Каждая такая встреча отдавалась болью в душе: тяжело было видеть, что люди, все здоровье

*Сотрудники музея на демонстрации. Слева направо:
(Э.И.Биглер, А.А. Халиулина, Е.А. Благовеценская). 1960 г.*

отдавшие за Родину, оставлены ею и забыты. Только несколько лет спустя они получили льготы.

Среди музейных встреч были разные. Иногда приходилось несколько раз встречаться с человеком, чтобы получить экспонаты. А вот с Ю.В. Грдиной я встречалась всего один раз. Никогда не забуду эту встречу. Она состоялась в ту же поездку в Новокузнецк. Он работал в Сибирском металлургическом институте зав. кафедрой. Нас интересовали тогда материалы по выпуску броневой стали в годы Великой Отечественной войны, из которой делали автоматы Чалкова. Грдина был одним из создателей этой стали. Смотрю на него – высокий старик, совершенно лысая голова, строгое лицо. Он посмотрел на меня, достал чистый лист бумаги, положил на стол и сказал: “Вот мой экспонат”. – “Да, это экспонат. Я сейчас возьму ручку и буду писать”. Так начался наш разговор, и потом я уже не помню, каким образом и почему он ко мне подобрел и спросил: “Вы здесь долго будете?” Я рассказала ему свою программу, и он назначил мне день, пригласив домой. Жил он в центре по улице Бардина, в районе почтамта. Первое, что я увидела в квартире, – живописные полотна на стене: пейзажи Горной

Цорни, окрестностей Новокузнецка... Не зная, что автор сам Грдина, я дояла и смотрела на них, забыв зачем пришла. Мне они очень понравились. Я сказала об этом Грдине. Он был польщен и с увлечением рассказывал о них. Это была его жизнь. Я потом много думала о судьбе картин. Надеюсь, что они сохранились. После этого между нами прогнулась невидимая ниточка. И когда мы перешли к делу, он не только поделился своими воспоминаниями, но и передал в музей много своих документов.

В свое время я побывала в семье Полосухиных. Комдив В.И. Полосухин погиб на Бородинском поле при обороне Москвы в 1941 году. Стало известно, что в Новокузнецке жил его брат. Мне дали адрес дочери комдива. Звали ее Аврора, жила она в Риге. Я написала туда письмо и получила ответ с приглашением. В апреле нас обычно собирали в Москву на семинар. В тот раз мы поехали с Зинаидой Прокофьевной Верховцевой и оттуда добрались до Риги. Она — по своим делам, а я — к Авроре, которая тоже работала в музее, и я надеялась на ее отзывчивость. Рига нас встретила неприветливо. Тогда я впервые узнала, что такое национализм латышей. Мы знали название гостиницы, где забронированы нам номера. Но на нашу просьбу сказать, где это, все, к кому мы обращались, мотали головой и говорили: не знаем. А мы с чемоданами вертелись, крутились. Я успокоилась, а Зинаида та уже почти плачет. Я подошла к милиционеру и спросила, где найти гостиницу, и он показал на здание напротив: "Да вот же она!" И так же я добиралась до музея. Сначала я пыталась дозвониться, но там еще был коммутатор, и только я произносила: "Будьте добры..." по-русски, как на другом конце, со словами по-латышски, клали трубку. Вот тогда мне стало страшно.

Встретила меня Аврора очень хорошо, я побывала у нее дома. Она очень много рассказывала об отце — все, что помнила. По возрасту она была старше меня года на 2-3. Вышла замуж за латыша, двое детей у них было. В последующие дни, чтобы попасть в музей, я как пароль называла ее фамилию (до сих пор помню: "Виталс"). Две недели мы жили в Риге, и каждый день я ее произносила при входе в музей.

О Полосухине можно много рассказывать. Это был удивительный человек. Новокузнецанин, командовал 32-й дивизией на Дальнем Востоке. В начале войны полковник Полосухин со своей дивизией героически защищал Москву, где и погиб. Талантливый

командир, В.И. Полосухин водил солдат в бой, показывая пример мужества и стойкости. Аврора пережила целую драму, пытаясь добиться присвоения отцу звания Героя, но так и не добилась.

Я побывала на Бородинском поле – съездила специально, чтобы поклониться праху Виктора Ивановича Полосухина и увидеть воочию поле боя. Удивительно то, что Полосухин очень хорошо знал Бородинскую битву 1812 года: свою дивизию разместил на тех же позициях, в тех же редутах. Использовался не только опыт предков, но и дух того времени. Если об этом написать книгу, она получится очень интересной. Памятник Полосухину стоит на месте одной из старых могил.

Судьба не раз сводила меня с удивительными людьми, когда я собирала материал о Великой Отечественной войне.

Я была и у Клавдии Лукьяновны Волошиной. Это она отдала мне гитару, вещи Веры. Познакомилась я и с писателем Фроловым, была у него в Москве, мы вместе ездили в Петрищево. Когда я брала у Клавдии Ивановны материалы, единственное, что она оставила себе, это косы. Вера их отрезала перед уходом на фронт. Мать их сохранила. Все хлопоты о присвоении Вере Волошиной звания Героя Советского Союза тогда не принесли успеха. Клавдия Ивановна рассказывала мне о встрече с матерью Зои Космодемьянской, которая проходила в старом цирке г. Кемерово. Так вот, после встречи Клавдия Ивановна решила подойти к ней, чтобы сказать, что их дочери воевали вместе, были рядом, да и погибли почти одновременно. Мать Зои встретила ее словами: “Что вы ко мне лезете? Примазываетесь к моему горю!..” Это был как ушат грязи. Ничего, кроме разговора о детях, Клавдии Ивановне не нужно было от этой женщины.

Ветераны 22-й дивизии рассказывали о страшных боях. Дивизия дошла до Риги, и в рижских лесах полегло очень много наших солдат. При встрече с Авророй я ей сообщила об этом, и она познакомила меня с сотрудником, который работал над этой же темой. Я ему сказала, что мы бы хотели приехать сюда походить по местам боев, поскольку очень много погибло здесь наших земляков. В ответ услышала: “А кто вас сюда звал?” Я поняла, что общей экспедиции у нас не получится. Но материалы они собирали, правда под другим углом. Ему я ничего не сказала, а с Авророй поделилась. Она мне ответила, что работать здесь нелегко. Нигде, кроме музея, она не могла устроиться, хотя окончила МГУ.

Коллектив музея. 1-й ряд: третья слева – директор музея З.П. Верховцева, 2-й ряд: вторая справа – заведующая советским отделом А.А. Халиулина. 1962 г.

Позднее, когда я уже не работала в музее, ветераны 22-й дивизии осуществили свою мечту, проехали по местам боев (от музея с ними была Г.Грякова).

Музей для меня был всем. Все, чем я обладаю, что я умею, получено в музее. Я пришла девчонкой, ничего не зная о музейной работе, было лишь желание работать. Проработала с 1958-го по 1963 год. Из музея ушла в госархив, затем в лабораторию гуманитарных исследований Зинаиды Георгиевны Карпенко. Защитилась в 1971 г. Тема диссертации: "Изменение численности и состава рабочих кадров Кузбасса в 1950-60-х гг." Опыт работы в музее мне помог в сборе документальных материалов по диссертации, и в чтении спецкурсов по истории Кузбасса, и в умении общаться с людьми, понимать их боль и радость. За все я благодарна музею.

Г.А. Грякова

В РИТМЕ МУЗЕЙНЫХ БУДНЕЙ

Грякова Галина Андреевна с 1959-го по 1974 год работала в Кемеровском областном краеведческом музее научным сотрудником, зав. советским отделом, зам. директора по науке.

Она автор многих музейных экспозиций и выставок, таких как "Гражданская война в Кузбассе", "Кузбасс сегодня", "Ленин и Кузбасс". Организатор и участник экспедиций по местам боев сибирских дивизий. Соавтор пяти краеведческих сборников, среди которых "Были земли Кузнецкой", "С Лени-

ным в сердце", "Кузбасс – фронту". Прекрасный специалист во всех областях музейной деятельности, краевед по призванию, Г.А.Грякова объединяла вокруг себя краеведов, коллекционеров, ученых.

Краеведением я начала заниматься еще в студенчестве. На третьем курсе исторического факультета Кемеровского пединститута меня направили в Томский государственный архив – я должна была найти материалы по комсомолу.

Институт я окончила в 1959 году и сразу пошла работать в музей, где директором был Анатолий Иванович Мартынов.

Перед окончанием института произошел неприятный инцидент. Мои сокурсницы, в числе которых были и мои подруги, основали рукописный журнал, в котором писали стихи, фельетоны о политических событиях в стране. Это было время правления Н.С.Хрущева, и предметом критики была кукуруза. Журнал увидел секретарь комсомольской организации Юрий Котляров (он учился курсом старше), разразился скандал. Девушек разбирали в разных инстанциях и в итоге исключили на год. Я одна не попала в их число, потому что находилась в отъезде.

Музей располагался в том же здании, что сейчас. Природа была выставочного плана – около входа на небольшой площади стояли чучела животных и птиц, лежали полезные ископаемые, все, что имеет отношение к природе. Создавал выставку Павел Фотьевич Шахматов. Он тогда ведал и Томской писаницей.

Я пришла накануне знаменательной даты, к которой музей готовился, – 40-летие освобождения Кузбасса от колчаковщины. В живых еще было очень много ветеранов – участников гражданской войны, но они не могли найти друг с другом точки соприкосновения: выясняли, кто был главным, а кто второстепенным. Мы пытались записывать их воспоминания, но они были весьма сумбурны и субъективны. И тем не менее к 40-летию мы открыли выставку.

А после этого занялись советской историей и современностью. С годами я поняла, что музей – это не только знания, но и эмоции. Если это не так, это уже не музей. Часто бывая в Москве, в Историческом музее, я в своей работе следовала установкам, разработанным сотрудниками ГИМа, которые считали, что эмоциональность музея – его подлинные вещи.

В это время строился Запсиб, и мы с Риммой Алексеевной Трифоновой поехали туда собрать экспонаты. И когда нам удалось найти гитару Юрия Лейбинсона – вожака молодых строителей Запсиба, я была очень счастлива. Так же радовалась я, когда мы разыскали два подлинных паспорта, которые были выданы строителям в городе Горьком. Эти документы свидетельствовали о том, что Запсиб строила вся страна. Приехавших из Горького было много – улицу, где они поселились, назвали Горьковской.

Потом Запсиб отстроился, был пуск домны. Первый чугун был именным, каждому из присутствующих подарили отливку с надписью "Первый чугун Запсиба. Июль 1964". Я с удовольствием собирала эти подлинники. Понимала, что мы должны искать те материалы, по которым воссоздается история.

Когда шла подготовка к юбилею Великой Отечественной войны, мы с ветеранами войны поставили перед собой задачу пройти по местам боев 22-й гвардейской дивизии. Начальником областного управления культуры тогда был Александр Михайлович Лыткин. Он меня знал и неплохо относился, поэтому, когда встал вопрос об экспедиции, я пошла к нему, и он помог. Подготовка была большая, ветераны были очень активные, боевые. Я съезди-

ла в Подольский архив, где уточнила путь дивизии: места их дислокаций, наиболее крупных сражений.

В составе экспедиции были три ветерана 22-й гвардейской дивизии, журналист М.А. Лобанова, фотограф музея Д.Ф. Нейвирт и я.

Во время экспедиции на местах нам оказывали большую помощь исполкомы городов и областные органы, особенно в средствах передвижения. В поиске помогали местные жители, краеведы. Особенно запомнились леса Смоленщины, где проходил путь дивизии и после войны находили много трупов. Леса были заминированы, а в каждой школе висел маленький плакатик: "Будь осторожен, мина может взорваться".

В тех местах мы нашли нашу ложку с клеймом "КМК", находили патрончики с данными о солдате и массу вещей – каски, гильзы, светильники из гильз, патроны... Мы соприкоснулись с боями, в которых участвовала наша дивизия. Путь наш пролегал от Великих Лук до Риги, за взятие которой дивизия получила название Рижская. В Прибалтике мы увидели резкий контраст. Вместо рытвин и окопов хорошо ухоженные могилы, за которыми постоянно следили. На братских могилах установлены доски с именами погибших, среди которых нашли и кузбассовцев. Это была первая экспедиция. Но у нас формировались и другие дивизии, в том числе 303-я стрелковая. Она прошла путь от Воронежа, где в первом же бою погиб и мой отчим, до Праги. Экспедиция по местам боев 303-й дивизии состоялась несколько лет спустя. Там уже не было таких ярких последствий боев – все было собрано и закопано. Но кое-что нам удалось найти и привезти...

Еще одно крупное событие, к которому мы готовились, произошло в то время – 100-летие со дня рождения В.И. Ленина. Мы очень много сил потратили на поиски материалов по Автономной индустриальной колонии "Кузбасс", созданной в 1921 году по инициативе В.И. Ленина. И мы нашли их – журналы из библиотеки АИК "Кузбасс", орудия труда, что привезли с собой аиковцы, выполняя условия договора, подписанного В.И. Лениным.

Поисками этих материалов занималась я.

Мы не только искали материалы, но и много ездили с лекциями, и не только на промышленные предприятия, но и на село — в колхозы и совхозы.

В ходе подготовки к 100-летию В.И. Ленина у нас возникла идея создать агитпоезд, который бы курсировал по области. Новосибир-

цы такой создали. Но мы решили сделать его побольше и получше. Обком партии поддержал эту идею, и в течение месяца поезд работал. С нами ездили художники, которые рисовали передовиков производства и принимали заказы на портреты и картины. С собой мы брали студентов культпросветучилища, они давали концертную программу. Я выступала с лекциями. Большую работу провел музей по материалам о Героях Советского Союза. З.П. Верховцева – она уже была директором – выявила в архиве наградные листы на всех Героев-кузбассовцев. Впервые был составлен общий список Героев Советского Союза-кузбассовцев. Работа, конечно, проделана колоссальная. А собирали материалы всем коллективом.

Были и неожиданные встречи. Я занималась многими темами. Однажды услышала, что живет в Кемерове старичок, который знал художника В.Д. Вучичевича-Сибирского, и не только знал, но и ремонтировал ему телескоп. Я в одно из воскресений с дочкой пошла к нему. Жил он один. Я начала расспрашивать его, но отвечал он односложно. А потом вдруг говорит: “Я ведь и к Ленину имел отношение. Строил ему шалаш в Разливе. Он в нем потом скрывался.” И здесь я поняла, с кем имею дело, и быстро ушла.

Музей в основном работал на современность. Мы собирали экспонаты на кузбасских предприятиях, чтобы показать тему “Кузбасс сегодня”. Основными экспонатами по промышленности была, конечно же, продукция. Существовало постановление Совета Министров РСФСР, по которому мы получали эту продукцию безвозмездно.

Одной из сложных работ в музее была экспозиционная. Собрать было нелегко, но еще труднее построить выставку или экспозицию, интересную для посетителей. Надо было найти красивую форму подачи. Для этого мы привлекали художников. Ведущими были художники В.А. Алексеев и В.А. Селиванов. С ними мы разрабатывали эскизы экспозиций по современности. Для химической промышленности, например, мы придумали большие шары, соединенные в соцветие. Нам пришлось заказывать эти шаровые конструкции в Новосибирске. И так образно мы пытались показать основные отрасли Кузбасса.

Что касается тем ранней советской истории, гражданской войны например, здесь было сложнее. Подлинных вещей было мало, поскольку к тому времени уже ничего не осталось. Основными материалами были архивные документы. Я работала по гражданс-

Коллектив музея. 1-й ряд (слева направо): М. Мельникова, Г. Грякова, Э. Готовцева, 5-я В. Мальшева, Н. Маслова, М. Паньков. 1968 г.

кой войне в ЦГАОРе. Там Кузбасс был представлен очень слабо. Бои в районе Тайги, самые крупные, вела уже 5-я Красная Армия. А о наших партизанских отрядах находились лишь крохотные документы, чаще всего белогвардейские, в которых можно было отыскать всего несколько фраз: “в... районе действует банда Шевелева-Лубкова, Лубкова” и т.д. Когда отмечали 50-летие освобождения Кузбасса от колчаковщины, мы собрали их воедино и выставили. Но это были в основном бумажки, к сожалению.

Для школ мы готовили фотовыставки и продавали их, получая дополнительные средства для музея.

Тесно сотрудничали с радио и телевидением, часто печатались в газетах, выпускали научные сборники.

По оперативности музейные сотрудники опережали радио и прессу. Например, к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина кузбасские строители помогали создавать мемориальный музей в Шушенском. Мы побывали там, собрали материалы об этом, и по приезде я подготовила передачу на телевидении.

Мне пришлось собирать материалы по Кемеровской ГРЭС. Я ездила в Москву к директору строительства В.Ф. Соколовскому.

Привезла оттуда документы, альбомы (правда, без подписей). И много фотопленок. Виктор Филиппович не хотел их отдавать. Но я так основательно его уговаривала, что он отдал. Тем более, что их надо было реставрировать. По приезде мы с Виктором Болотниковым сделали передачу на радио. На ней присутствовало много строителей Кемеровской ГРЭС. Подготовка была очень большая. Виктор Болотников так серьезно относился к этому, что приезжал на работу ещё до 9 часов. Поджидал меня на крыльце музея со словами: "С утра у ваших ног". Передача получилась хорошая, добротная. В ходе подготовки мы даже нашли модель ЛЭП. Когда-то их выпускали массово, в качестве производственного образца.

В 1972 году с приходом Л. Винчиной стали целенаправленно заниматься массовой работой. Ходили в школы, техникумы. Устраивали семейные праздники. Людмила разрабатывала экскурсии. В школе проводили уроки истории, в культпросветучилище – занятия по краеведению.

Лекции читали почти все – и в музее, и вне музея.

Музей для меня был почти всем. Я его очень любила. Он был для меня и семья, и дом родной. И ушла-то я потому, что зарплата была маленькая.

Я была секретарем парторганизации управления культуры, и мне это в музейной работе очень помогало. Работа в музее доставляла мне большую радость.

*Сотрудники музея
О.Н. Баронская,
М.А. Мельникова,
Г.А. Грякова. Кемерово, 1968г.*

Л.П. Кравцова

БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

*Кравцова Людмила Петровна,
директор Кемеровского областно-
го краеведческого музея с 1975 г.*

21 июля 1999 г. исполнилось 30 лет, как я пришла работать в Кемеровский областной краеведческий музей. 1969 год – очень жаркое лето в Кемерове, июль и до конца августа жара под 40°. И вот в эту жару после окончания Томского государственного университета я приступила к обязанностям научного сотрудника массового отдела. Зарплата тогда у меня была такая же, как пенсия у моей мамы, - 79 рублей. И эту сумму мы с мамой скрывали от моего отчима, тоже пенсионера, в прошлом шахтера. Ему, человеку, очень уважающему ученых людей, было непонятно отношение государства к своим ученым гражданам.

Наш музей тогда только начал расширяться, ему дали дополнительные штатные единицы (расширение штатного расписания было строго регламентировано даже не управлением культуры, а Советом Министров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики). Нас было тогда четверо молодых. Вскоре кто уехал, кто в декрет ушел и не вернулся. Я одна ушла в декрет и через 4 месяца вернулась, оставив маленького сына на попечение мамы, хотя уже тогда женщины могли сидеть дома с малышами до года.

Музеем руководил Юлий Васильевич Барабанов. Он отличался тем, что был молод (было ему чуть больше тридцати), холост и очень красив. Заместителем директора была Галина Андреевна Грякова. Как я теперь понимаю, она тоже была молодой, была толковым заместителем и просто умным человеком. С тех пор я заметила: в музеях любят водиться не просто талантливые, а еще и умные женщины. Было еще несколько колоритных личностей, но они

ушли на более высокооплачиваемую работу: в милицию, в профсоюзы, в партийный архив. А с двумя старшими научными сотрудниками – Одой Николаевной Баронской и Марией Андреевной Мельниковой я работала до их выхода на пенсию в самом конце 80-х – начале 90-х годов. Очень долго (почти тридцать лет) я работала с бессменным завхозом Татьяной Гавриловной Осиповой.

То, что научные сотрудники работают подолгу в музее, даже после выхода на пенсию, я считаю правомерным, потому что они становятся кладезем знаний, информации, опыта. К нам в музей часто обращаются за справками. И опытный сотрудник с ходу, не заглядывая ни в какую справочную литературу, дает искомый ответ, научную консультацию, определение экспоната. На сегодняшний день таким многознающим сотрудником по очень большому кругу исторических знаний является старший научный сотрудник Любовь Федоровна Кузнецова.

Все наши 70-е годы прошли под знаком расширения выставочной и экспозиционной работы по истории советского общества, то есть истории после 1917 г. Вообще, пропаганда этого “советского образа жизни” попортила нам много крови. Будучи нормальными краеведами, понимая, что в музее все отделы должны получать краеведческое освещение согласно своим функциям, мы и пытались освещать все. Но эта была “неправильная точка зрения”. И, когда в январе 1975 г. я стала директором, вдалбливалось мне это на каждом совещании-семинаре – от управления культуры до министерства – вплоть до 1987 г.

Вернемся в начало моей работы. В 1970 г. Вся страна – СССР – отмечала 100-летие со дня рождения В.И. Ленина. Повсюду транспаранты, плакаты, новые фильмы, значки, книги и пр. Музеям предписано открывать новые выставки и экспозиции, посвященные В.И. Ленину и связанные с его именем. Наш музей проводил цикл мероприятий “Именем Ленина”. В музее выступали Герои Социалистического Труда, герои войны, орденосцы, награжденные орденом Ленина. В основном это были руководители крупных предприятий, управляющие больших учреждений. И что-то я не помню, чтобы кто-то нам отказывал, все, кого приглашали, приходили.

Кроме того, наш музей строил выставку “Ленин и Кузбасс”. Здание было одно – по пр. Советскому, 55; места мало – свернули часть отдела природы, разобрали всю палеонтологию и разместили там материалы, посвященные В.И. Ленину. На каждом стенде в заголовке ленинская цитата, в витринах – материалы по углю,

по химии, по образованию, по войне. Так умело, но главное – патетически показали роль В.И.Ленина в развитии Кузбасса, что мы все верили в это, гордились этим. А как вели экскурсии! Посетителей было много. Не один Карнеги находил лимон и делал из него лимонад. Мы этому тоже учились в музее.

С выставкой связан еще один яркий эпизод. В 1972 г. (или в 1973 г.) наш музей пригласил замечательного специалиста по археологии, сотрудника университета и бывшего нашего директора А.И. Мартынова с целью сделать у нас экспозицию по археологии – благо, экспонатов было много. Экспозицию построили, а выставку “Ленин и Кузбасс” разобрали. Тогда я впервые познакомилась, еще будучи просто научным сотрудником, с И.Л. Курочкиным – начальником областного управления культуры. Он пришел на открытие экспозиции по археологии. Речь его, как всегда, была эмоциональна, красочна и даже страшна. Суть ее – как смели мы убрать такое выдающееся произведение “Ленин и Кузбасс”, вычеркнуть Ленина, который открыл всех нас, а археологию – с этими мамонтами, с этой рухлядью – вытащить на всеобщее обозрение. Из-за недопонимания “текущих моментов”, мне кажется, он недолюбливал Ю.В. Барабанова, а позднее и меня. Это теперь я понимаю, что он был типичным чиновником по культуре, должен блюсти вверенные ему учреждения в идеологически верном тогдашнему положению дел ракурсе, иначе сам бы вылетел с работы за “мягкотелость”, а мы все про историю да про природное богатство. Очень долго И.Л. Курочкин на всех активах и собраниях тряс „мамонтовой шерстью” (Ю. В. Барабанов из-за этого, я думаю, ушел из музея), вызывая у меня чувство стыда за музей, а в зале подхалимский, а может быть, и искренний смех.

В январе 1975 г. мне предложили временно исполнять обязанности директора. Не знаю, было ли у меня честолюбие, вряд ли – в директора я не рвалась, а вот желание получать на несколько рублей больше было. У старшего научного сотрудника зарплата составляла 90-100 рублей, у директора на 36 рублей больше. Пусть меня простят читатели, тогда этот фактор сыграл свою роль. Это уже потом были и высокие материи, и особые роли директорской власти, особый вкус управленческой музейной работы, главное из которых – встречи с исключительно неординарными людьми, с несущими особый аромат экспонатами.

1975 г. – год тоже юбилейный. 30 лет победы советского народа в Великой Отечественной войне с Германией. Наш музей готовил маленькую выставочку, денег, как всегда, не было, а тут 10 февра-

ля меня пригласили к заместителю председателя облисполкома Г.В.Корницкому на совещание по этому самому юбилею. Там уже были художники, представители архитектуры, строители, наши управленцы по культуре, кажется А.Е.Демин, но точно не помню кто. Суть совещания: по просьбе ветеранов войны здание по адресу Набережная, 1а (рядом с памятником-обелиском воинам), в котором должен был разместиться салон-магазин, отдают музею для размещения там экспозиции по Великой Отечественной войне. На дворе февраль, к маю совершенно не приспособленное помещение в 330 квадратных метров мы должны превратить в музей военной славы. Теперь я знаю, что с тогдашними своими соратниками — Г.П. Калишевой, М.А.Мельниковой, А. Пермяковым, Т.С.Сахно мы совершили подвиг. Пусть меня простят за высокие слова, но, во-первых, это так, а во-вторых, высокое я сама же и снисвелирую — потом таких „подвигов“ у нас было довольно много, да и свойственны они были перед открытиями всем музейщикам области. Страну эти подвиги не обходят стороной до сих пор.

Сначала наше старшее поколение как бы отстранилось от нас, снисходительно наблюдая за нами. Конечно, совершенно неопытный человек взялся командовать сначала реконструкцией помещения, а потом и созданием экспозиции. Но тут нам повезло: прорабом на нашей стройке была Г.Ю. Цыганкова, тогдашний зам.начальника областного управления культуры. Правда, у нее было одно нехорошее качество, которое оставило на мне зарубки: когда что-то не получалось, например, гвозди запаздывали или ткань везли не сразу (машина была одна, мы просто не успевали), она при всем честном народе или у начальника управления обвиняла меня. Я оправдывалась, будучи неопытной в чиновничьих играх, с пафосом, категорически. Помогало. Но за то, что мы все же сделали к 8 мая 1975 г. музей Великой Отечественной войны, нужно сказать большое спасибо художникам В.А. Селиванову и В.А. Алексееву — двум китам художественного оформления: их был проект интерьера, их художественный проект экспозиции, их общее руководство научными сотрудниками и художниками, которых было не меньше 15 человек. Музей открыли вовремя, торжественно, экспозиция получилась эмоциональной: на слайдах старушки плакали, дети от бомб закрывались, были звуки этих летящих и взрывающихся бомб, много подлинных предметов, связанных и с войной и тылом.

Гардероб, чтобы посетители раздевались, предусмотрели, а кабинета для научных сотрудников не было. Я кое-как строителей убедила туалет сделать, но за кабинет драться не захотела — все

шипели, дергали и смотрели на меня как на врага. Позднее сотрудники сидели за стендами, потом (после перестроек, а было их четыре) все утряслось.

Нынешняя экспозиция по военной истории края получилась также неплохо: она в меру академична, вписывается интерьерными в эпоху, но и она досталась нам с кровью. Когда мы только сделали фор-эскиз, решили на его рассмотрение пригласить ветеранов, ученых, руководителей управления культуры, общественность. Что такое фор-эскиз? Это практически схема-проект и научная концепция, объясняющая, что хотим мы видеть в музее первостепенного. Здесь дала нам жару тоже наш бывший директор З.П. Верховцева, не сказала ни одного хорошего слова, а разнесла в пух и прах. Заступились преподаватели университета, но наш тогдашний зам. по культуре А.И. Креницын хотел уволить нас с Э.В. Алексеевой, автором концепции, тогда же. Но уволить-то ладно, но он отказал нам с Элей в уме, ну очень уж неправомерно. Теперь З.П. Верховцева любит проводить в залах этого музея презентации Книг памяти, редактором которых она является. Организует их старший научный сотрудник Эльвира Васильевна Алексеева – человек, который сросся с этим военным музеем, прекрасно, душевно работает со всеми ветеранами: и Отечественной войны, и локальных войн (Даманский, Чечня, Афганистан).

После того как мы завершили экспозицию по войне, средств на другие экспозиции мы практически не имели года три, а даты-то оставались: то наступало 120-летие со дня рождения В.И. Ленина, то завершалась какая-нибудь пятилетка, то открывался новый съезд... И к этим датам по всей стране во всех музеях проводились разные мероприятия, открывались новые экспозиции и выставки. Построили такую выставку и мы. Собственными средствами. Что-то вроде "Кузбасс от съезда к съезду", где демонстрировались всевозможные достижения и рекорды в угольной, химической, металлургической и других отраслях. С тяжелыми отраслями путь был относительно накатан, а тут в Кемеровской области стали интенсивно развиваться легкая промышленность, сельское хозяйство. В этом случае что показать музею? Конечно, чучело хряка вроде бы кемеровской особой породы, а легкая промышленность – это уже вышедшие из моды плащи из болоньи и женские сорочки Беловской трикотажной фабрики. И вот зам. зав. отделом тяжелой промышленности ЦК КПСС И. Ястребов пожелал посетить именно областной краеведческий музей, в который практически не ступала нога партийного руководства (кроме военного отде-

*Встреча сотрудников музея с ветераном партии И.Я.Перцевым.
1988 г.*

ла). Как мы потом узнали, он таким образом выяснял отношение главного руководства области к культуре. И пришел он неожиданно, когда в музее не было ни меня, директора, ни зама. Зама нашли, вызвонили, но экскурсию пришлось вести нашему ст. научному сотруднику Л.Н.Винчиной. Хотя экскурсовод она прекрасный и провела ее хорошо, но это было не по субординации, не по ранжиру – первому руководителю надо было вести или уж заму, а зам наш, хотя и была партийная дама, с краеведением не дружила. Ястребов задавал квалифицированные вопросы, Людмила Николаевна на них давала квалифицированные ответы, но вот почему легкая промышленность выпускает устаревшие товары или почему карта по электрификации в музее какая-то бедноватая и другие вопросы он задавал руководителям области. Им пришлось повертеться и покраснеть. Первым секретарем обкома партии был Л.А. Горшков. Его еще нигде не критиковали, а тут при всех было высказано недовольство. Это недовольство потом по цепочке: до меня дошло не сразу, я все еще была на больничном. Если бы сразу, то, скорее всего, уволили бы. С тех пор денег нам выделяли нормально: на художественное оформление экспозиций, на капитальные и текущие ремонты помещений. И тут возникали другие вопросы: трудно было найти строителей, а художников прийти

Экспозиция "Космонавты - наши земляки". Встреча школьников с Ю.С.Котляровым, корреспондентом "Труда" (на заднем плане). 1991 г.

заставить оформить экспозицию можно было после многих ходатайств в те же партийные органы – расценки на музейное оформление были уж очень низкими.

В течение долгих лет ежегодно мы всем коллективом оформляли какие-нибудь отделы, опыт накопился у нас большой. И когда стали возникать разные городские и районные музеи, мы его могли передать спокойно.

Интересным эпизодом нашей музейной жизни были выезды на село с агитпоездами. Начались они еще в 60-е годы и продолжались практически до конца 80-х годов. В этих поездках лично я читала лекцию "Кузбассовцы - Герои Советского Союза". Пока артисты из культпросветучилища переодевались, готовились к выступлению, я выходила на сцену клуба и минут 30 рассказывала о наших земляках. И видела внимание, иногда слезы. Аудитория была очень благодарная, поэтому чувство удовлетворения тоже было хорошее после таких агитпоездов. Хотя выступали мы не только в клубах, но и на полевых станах перед трактористами или рано утром перед доярками и телятницами. Позднее в школах мы проводили целые уроки по краеведению: о растительном мире, о животном мире, о тех же пятилетках и пр. Конечно, я не скажу, что мы рвались читать эти лекции, тем более время выезда выпадало почти всегда на дождь, слякоть и грязь. Гостиниц, как правило, не было, и спали мы, бывало, прямо на сцене и не всегда в теплом клубе. Это уже позднее я

разрешила своим сотрудникам жить в городской гостинице, а на лекции выезжать на машине, благо водитель был хороший.

Очень часты у нас были командировки по сбору экспонатов: каждую неделю кто-нибудь куда-нибудь выезжал – на Запсиб, на КМК, на шахту “Распадская”, в Москву – к нашим знаменитым землякам-космонавтам. В 70-е годы также начались систематические учебно-методические командировки в музеи г.Москвы, Ленинграда, музеи республик, во все города страны. Это было нашим большим преимуществом, потому что мы видели, как живут другие музеи, какие формы массовой работы у них в ходу, как оформлены экспозиции. Наше Министерство культуры рассылало нам обязательные методические письма-указания по сбору экспонатов, оформлению экспозиций и выставок. Мы читали их обязательно, поэтому многие экспозиции, особенно по советскому периоду, были похожи, как братья и сестры, одним и тем же набором экспонатов, формами подачи, тематическим раскладом, ударными фразами. Выручало только художественное оформление, поэтому художников мы очень уважали и любили. Назову нескольких: А. Сидоров, П. Веремеев, Б. Григорьев, А. Хуторной, Е. Бабкин, Б. Семенников, В. Атучин. Признаю, что все они были талантливы, поэтому и наши выставки и экспозиции получались разнообразными и непохожими друг на друга.

Помимо обязательных выездов по работе была у нас и общественная обязанность: уборка картофеля, капусты, прополка турнепса, то есть сельскохозяйственные работы. Прополка турнепса в самую жару и косьба сена подорвали здоровье у многих сотрудников нашего музея: повышалось или падало давление, случались приступы, люди после сельхозработ надолго уходили на больничные. Это был бич для нашего женского, совершенно городского коллектива. Просто уборка или прополка куда ни шло. Но косьба сена! Мы его косили, сушили, перекладывали, выезжали рано утром – часов в шесть, но, должна сказать, результат был один – сено погибало. Командовал этими покосами наш заместитель начальника управления культуры А.И. Криницын. Был он человеком несдержанным, иногда бормотал ругательства про себя, но был работящим, обязательным и добрым по натуре, хотя в работе с нами выглядел ужасным самодуром. Пусть простит меня Александр Иванович за эти слова, царствие ему небесное, но я теперь то понимаю – иначе он не мог. Ну как заставить этих творческих личностей выполнять волю высшего начальства? Только на угрозах, на ругани и скандалах. Там, где вопрос касался нашей про-

фессиональной работы, решить его можно было просто и разумно – одними убеждениями и нормальными доказательствами. Вскоре А.И. Криницын понял, что справку о том, что мы выполнили норму по селу, получить очень просто: выпил с руководящим сельским составом или нанял тех же сельчан – и справка в кармане. До конца 80-х выезжали мы на село.

Опыт и знания – большое дело. В первые годы моего директорства мне бывало трудно: опыта не было, авторитета, похоже, тоже. А сотрудники были людьми, строго следовавшими букве закона, музейного конечно: выдаче, учету, хранению. Но есть буква, а есть жизнь. В результате с некоторыми фондовиками деловые разногласия выливались в личные прохладные отношения. Я-то это понимаю, понимают ли они?

Должна сказать, что к современному периоду в нашем музее сложился очень работающий коллектив, который умеет делать практически всю музейную работу, даже без денег. Но с деньгами все формы музейной работы: выставки, экспозиции, презентации и прочее – выходят ярче, эмоциональнее, экспрессивнее, шумнее. Жизнь задает альтернативу: коммерция или душа? Надо и то и другое в меру. Но пока на первое место выплывает она, коммерция, рынок. Пока что мы живем на заработанное: бензин, детали, бумага, газеты и даже ремонт, материальная помощь – все из спецсредств. Раньше нам давали деньги на наши нужды, включая обязательные экспозиции, а мы возмущались государственным диктатом, идеологическим прессингом. Теперь, в конце 90-х годов XX века, отношения с государством тоже ненормальны: оно временами дает нам зарплату, на которую мы можем только не умереть с голоду, а мы ведь все равно обязаны делать работу, выставки, принимать посетителей в чистых и подготовленных музейных залах.

В октябре этого, 1999 г. музей отмечает свое 70-летие. Юбилей и рубеж. А на пороге новое столетие и даже тысячелетие. Какие идеи должны главенствовать в новое время, какие замыслы осуществляться, будет ли вообще наш музей жить в другую эпоху? На некоторые вопросы уже есть ответы, на другие будем ответы искать. Но, я думаю, найдутся они, ответы – ведь в музее всегда работали скромные, но в большинстве своем умные и талантливые люди. Но об этом будет писать уже другой директор.

У ИСТОКОВ КРАЕВЕДЕНИЯ КУЗБАССА

Н.П. Голдаева

ИЗ ИСТОРИИ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В АНЖЕРО-СУДЖЕНСКЕ (по материалам личных архивов)

Голдаева Надежда Петровна, научный сотрудник Анжеро-Судженского краеведческого музея.

Краеведческий музей в г. Анжеро-Судженске открыт в 1981 году. Возник и вырос он из общественного музея, который, в свою очередь, корнями уходит в 1920-е годы – к началу краеведческого движения в стране. Создателями и организаторами городского общественного музея стали краеведы-любители, старожилы и ветераны, еще пионерами и комсомольцами участвовавшими в первых краеведческих кружках.

Сегодня в фондах музея среди 10 тысяч музейных экспонатов хранятся материалы семейных архивов краеведов-любителей В.О. Болдырева и М.В. Лянге, Л.П. Шубиной, К.П. Агудина, Д.Ф. Худякова и других, воссоздающие историю возникновения и развития краеведения в нашем городе.

Краеведческое движение в Анжеро-Судженске зародилось в конце 20-х – начале 30-х годов нашего столетия. Изучением истории края занимались в основном пионеры – члены детской организации, появившейся в городе в 1922 году. Их интересовало революционное движение 1905-1907 г.г., гражданская война, установление Советской власти.

По воспоминаниям Т.П. Девяниной, К.П. Агудина, активных участников городской общественной жизни, в то время молодежь часто устраивала встречи с бывшими красными партизанами, участниками забастовок 1905-1907 годов, ветеранами партии, ходили в походы по местам боевой славы, например, совершали переходы по маршрутам движения партизанских отрядов А.Е. Сергеева и П.К. Лубкова, по местам боев шахтерской Красной гвардии – под Литвиново и Яшкино, под Мариинс-

ком, на строящиеся предприятия первых пятилеток – Антоновский кварцитовый рудник, Яйский лесокомбинат, в колхозы района.

В пионерских клубах при шахтовых ячейках, а позднее в городском Доме пионеров были оформлены специальные уголки, в которых помещались собранные материалы – фотографии, личные документы участников революционного движения, газеты, воспоминания.

Строительство Урало-Кузнецкого комбината – второй угольно-металлургической базы СССР – поставило задачу привлечения краеведов для проведения исследований во всех районах строительства.

Центральное бюро краеведения на десятой сессии в январе 1931 года в резолюции отмечало: “Вся краеведческая работа Урала и Западной Сибири должна в максимальной степени активизироваться... В деле изучения производительных сил и общей характеристики зоны действия комбината особенного внимания заслуживает систематическое изучение физико-географической среды, водного режима, поиски новых ископаемых, изучений местного транспорта, выявление конкретных условий климата в отдельных точках практикуемого строительства...”(1).

Работа созданного городского краеведческого общества в Анжеро-Судженске (одним из активных его организаторов был В.О. Болдырев) определялась этими задачами, а также непосредственными потребностями развивающейся промышленности: реконструкция шахт № 9-15, 5-7, Центральной электрической станции, начавшееся строительство хлебо- и мясокомбината, рудоремонтного и молочного заводов, большой объем жилищного и социально-культурного строительства требовали создания собственной минерально-сырьевой базы стройиндустрии.

В августе 1932 года с целью выявления полезных ископаемых в районе реки Яи по инициативе Анжеро-Судженского горплана городское краеведческое общество вместе с работниками технической станции организовало поисковую экспедицию из двух партий. В состав второй вошел руководитель Анжерской технической станции В.О. Болдырев. За 12 дней похода был пройден маршрут от с.Арышево до с. Выдранка – 55 км и от села Яя-Венедиктовка до устья р.Кельбес – около 40 км. Участники экспедиции, используя естественные обнажения, выявили выходы пород, которые позднее изучались Анжерской геологоразведочной партией.

Собранная коллекция – известняки, пески кварцевые и строительные, различные глины (белые, светло-желтые, зеленые, темно-серые), охра, кварциты, мрамор – положила начало созданию в технической станции геологического кабинета. По результатам экспедиции

В.О. Болдырев и А.Н. Воронин – главный геолог рудоуправления – издают брошюру “Краткое описание полезных ископаемых реки Яя”, в которой на основании описанных обнажений был сделан вывод о возможности эксплуатации месторождений стройматериалов на обследованном участке, а наличие железной дороги (Транссиб) открывает выход материалам и изделиям из них в различные регионы страны. Вдобавок такая крупная река, как Яя, способна обеспечить потребность в воде для технических целей.

Созданный В.О. Болдыревым геологический кабинет два десятилетия выполнял функции краеведческого музея: ведь, кроме обширной коллекции угля и других полезных ископаемых Анжерского района, в кабинете были собраны различные карты и схемы месторождений, разрабатываемых предприятиями Анжеро-Судженского промкомбината, материалы по геологии и экономике района. Вячеслав Олимпьевич проводил беседы и экскурсии с учащимися школ города, горного техникума, молодыми рабочими для знакомства с Анжерским промышленным районом и перспективами его развития. Т.П. Девянина, ветеран народного образования, вспоминала, что Вячеслав Олимпьевич часто проводил встречи и с учителями-географами. Он не только давал полезные советы по организации практических работ по предмету, но и рассказывал много интересного по истории города, в частности легенды о появлении поселка Лебедянка (основавшие село переселенцы с Украины назвали его так потому, что построенные дома, выбеленные известью, на фоне чернеющей тайги смотрелись белыми лебедями; в Лебедянке долгие годы работал известковый карьер). Изучению минерально-сырьевой базы для местной промышленности В.О. Болдырев отдал более 20 лет. Он занимался созданием химической лаборатории при станции, организовал изучение Кайлинского месторождения кварцевых песков для возможности использования их Анжерским стекольным заводом (1941-1947 гг.). К своей работе Вячеслав Олимпьевич привлекал учителей-географов и учащихся школ города, кружковцев детской технической станции.

Но интерес к родному краю этим не исчерпывался. Человек увлекающийся, получивший разностороннее образование (он окончил полный курс Томской классической гимназии, естественно-научный и историко-философский факультеты Московского горного народного университета им. Шанявского, курсы библиотекарей, изучал педагогику), он собирает материалы по истории угольных предприятий, о революционных событиях, о людях, с которыми был близко знаком, дружил, работал.

С именами Вячеслава Олимпьевича и Марии Войцеховны (его жены) связаны многие события в Анжеро-Судженске. Оба занима-

лись культурно-просветительской деятельностью в двадцатых годах. Болдырев создавал первую рабочую библиотеку в 1917 году, затем в 1931-м – городскую централизованную библиотеку, хлопотал об организации детской технической станции – первой в Кузбассе, работал директором первого в Судженске детдома – в 1921 г.

А с именем Марии Войцеховны связана постановка дошкольного образования в Анжеро-Судженске.

Собранный огромный материал по истории города был передан этой семьей городскому краеведческому музею.

Состав документов домашнего архива самый различный – фотографии, мандаты, удостоверения, членские билеты, справки, отражающие трудовую и общественную деятельность их владельцев, отчеты (вторые экземпляры) Анжеро-Судженского горисполкома за 1931-1947 годы, материалы геологического кабинета, технической станции, газеты, журналы, письма и воспоминания, а также личные документы Вячеслава Олимпьевича и Марии Войцеховны.

Особую ценность представляет их переписка с бывшими соратниками по работе на Судженских копях в 1917-1920 гг. и членами семей комиссара копей Ф.Г. Чучина, профсоюзного лидера И.Н. Кудрявцева.

До сих пор для многих исследователей представляют интерес первые профсоюзные билеты судженцев (1917 г.), журналы “Сибирский горнорабочий” за 1919 год, рукописный сборник о революционере-подпольщике М.М. Рабиновиче, материалы о развитии дошкольного образования, подлинные фотографии из семей репрессированного И.Н.Кудрявцева и Ф.Г. Чучина.

Большой интерес для учебно-воспитательной, экспозиционной и научно-исследовательской работы музея имеет архив К.П. Агудина.

Имя Константина Петровича знакомо и памятно анжеро-судженцам. Он был активным участником многих событий – вступил в комсомол в 1920 году на Судженских копях, участвовал в создании молодежных ударных бригад шахты № 5-7, руководил бригадой “синеглазочников” в 30-х годах, учился на первом рабфаке, воевал.

Обо всех этих событиях в семейном архиве сохранились документы и воспоминания не только самого Константина Петровича, но и его родственников. Его двоюродный брат – Николай Ефимович Агудин был первым пионерским вожатым на Судженских копях, организовывал пионерские отряды в 1922-1924 годах. Дядя – Ефим Иванович – служащий конторы копей Михельсона. В доме Агудиных была небольшая библиотека, которой пользовались многие судженцы, в том числе сам Константин Петрович. Из этой биб-

лиотеки в фонды музея поступили сохранившиеся журналы "Русское слово" за 1900 год, техническая литература, брошюры 30-х годов. А еще Константин Петрович увлекался фотографией и рисованием. В 1927 году он приобрел фотоаппарат "Фотокор" Государственного оптико-механического завода (передан в музей). Он не был профессионалом, поэтому снимал все, что его интересовало: новые жилые дома шахтеров, любимые уголки старой Судженки, сцены из любительских спектаклей при Доме культуры им. М.М. Рабиновича, друзей-комсомольцев, родственников, общественные и административные здания, новую технику.

Собранная фототека позволяет довольно полно представить общественно-культурную жизнь горожан.

Но особый интерес вызывают рисунки Константина Петровича. Из-за отсутствия бумаги (а рисунки выполнены в период 1925-1930 гг.) он использовал различные бланки конторы Судженских копей Л.А. Михельсона, корешки квитанций, бланки счетов и т.д. На рисунках мы видим многие здания и сооружения, которые были снесены в период строительства 40-60-х годов, например церковь во имя Святого духа, пожарное депо, клуб им. Профинтерна, план конторы шахты № 5-7, жилые дома и многое другое. Но не только рисунки, а сами бланки представляют интерес как образцы производственной деятельности предприятий.

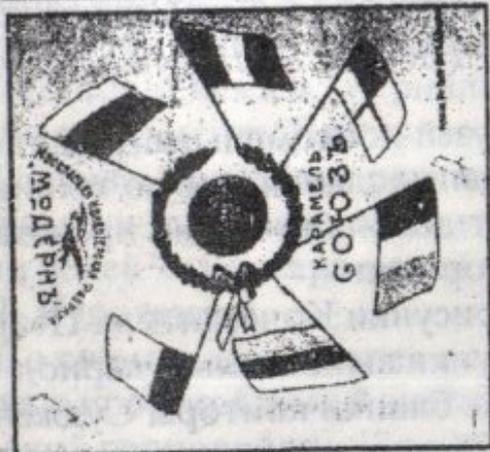
Юношеское увлечение Константина Петровича – коллекционирование бытовой графики, упаковочных оберток конфет, чая, мыла, табака, то есть товаров, которые продавали в лавках, магазинах рабочего кооператива в то время. Они позволяют любому интересующемуся историей страны получить достаточно достоверную информацию о многих событиях жизни России в первой трети XX века. Так, например, на обертках карамели "Союз" и "Военная" (Московской карамельной фабрики) изображены флаги стран-союзниц России в первой мировой войне 1914 года, эпизоды боевых действий, а Томской карамельной фабрикой "Бронислав" выпускалась сливочная карамель "Болеро", на обертках которой изображались летящие российские аэропланы.

*Церковь во имя Святого духа.
Рисунок К.П. Агудина. 1929 г.*

МЫЛО "ПИОНЕР"
ГОСНАБЭРИН

СОЗДАНИЕ МОЩНОГО
ВОЗДУШНОГО
ВОЛОТА
ДЕЛО ТРУДЯЩИХСЯ

ВСТУПАЙ ТЫ
В ЧЛЕНЫ
ОБЩЕСТВА
ДРУЗЕЙ
ВОЗДУШНОГО
ФЛОТА

СЕКРЕТАРИАТ ОДВФ - ГЭВ ЛЕНИНГРАД, ТАВАЗЬСКИЙ, КВАНТ
ТРАКТОРНОГО ЗАВОДА В ЧАСТИ ВРА И ВРЕМЯ ПИШЕТСЯ ОТ 15 К.

АН АДИНЕР ЗАВУСА

ЛЕНИНГРАД ГОСНАБЭРИН
ТРЕСТ ПИЩЕВОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ГОСНАБЭРИН ТРЕСТ
ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕН
ЛЕНИНГРАД

ГОСНАБЭРИН ТРЕСТ
ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕН
ЛЕНИНГРАД

Бытовая графика из коллекции К. П. Агудина

Обертки продукции Первой государственной кондитерско-шоколадной фабрики им. К.Самойловой и кондитерских фабрик “Красный Октябрь”, “Моссельпром” носили агитационный характер: на них изображались портреты политических деятелей (например, карамель “Юбилейная” была с портретом Августа Бебеля), сцены жизни нового советского периода, герои труда, новая техника и т.д. (карамель “Победы”, “Пролетарская” и др.) Иногда на обертках помещались лозунги, например “Да здравствует школа РСФСР!”.

Константин Петрович был активным участником художественной самодеятельности, пел, играл на баяне, декламировал. Часто на встречах с молодежью, которые проходили в музее, он и его товарищ Н.М. Степанов не только вспоминали о трудовых успехах или делах судженских комсомольцев в 20 – 30-х годах, но и рассказывали легенды о происхождении наших поселков, о владельце копей ЛА. Михельсоне. Старые рабочие рассказывают, что последний приезжал со своей семьей в Анжерку, и в память об этом событии один из угольных отводов был назван Льво-Александровским (по имени Льва Александровича Михельсона), рудник получили имя “Надежда” (по имени жены), а дочь Анджела потребовала и ее именем назвать что-то, назвали реку – Анджела, но трудно было произносить это иностранное имя рабочим, и они “переделали” по-своему – Анжера, а потом и поселок так назвали – Анжерка. Иногда рабочие на наших с ними встречах пели старинные шахтерские песни, такие как “Доля горняка”, “Коногон”, частушки. От них мы узнали об одной версии названия поселка Анжерский (неграмотные рабочие называли поселок, где живут инженеры, “анжинерский”, отсюда – “Анжерский”), легенду о происхождении богатства Михельсона (женился на осужденной дочери богатого купца, затем убил своего компаньона Зелинского).

Константин Петрович был активным участником первого городского фестиваля молодежной песни в 1958 г. “Споем, друзья”. В его архиве сохранились брошюры, изданные к этому фестивалю городским комитетом комсомола и Кемеровским обкомом ВЛКСМ.

К.П. Агудин знал и любил наш город, его прошлое и настоящее. И у него был особый интерес к просветительской работе по пропаганде истории города и края. Он занимался составлением истории Судженки, часто публиковал свои воспоминания в городской газете “Борьба за уголь”, вел переписку со многими редакциями области, которым предоставлял свои материалы, выступал на уроках истории и факультативах, на историко-краеведческих мероприятиях в школах города, на встречах с молодыми рабочими. Его огромная фототека часто использовалась на различных выставках, при создании школьных краеведческих уголков, он вел боль-

шую работу с активистами клуба "Поиск" Дома пионеров по сбору материалов для общественного краеведческого музея – об участниках революции и Великой Отечественной войне, о передовиках производства, о создании пионерских отрядов и комсомольцах. Во многом Константину Петровичу помогал его домашний архив, в котором были собраны самые различные документы – справки, расчетные книжки, всевозможная литература, фотографии, мандаты, письма – все, что было дорого, памятно.

И еще об одном краеведе хотелось бы рассказать. Дмитрий Федорович Худяков. Начинал свой трудовой путь в колхозе учетчиком, заведовал избой-читальней, работал фотографом Яйского райпромкомбината, а позднее корреспондентом газет "Заря коммунизма" и "Вперед к коммунизму" Ижморского и Яйского районов. Он знал многих людей, умел слушать их. Наверное, поэтому герои его публикаций люди интересные. Он известен жителям не только нашего района, но и далеко за его пределами как автор очерков по истории гражданской войны в Кузбассе. Будучи всего лишь любителем-краеведом, Д.Ф. Худяков собрал воспоминания участников партизанских отрядов П.К. Лубкова, А. Е. Сергеева, В.В. Крылова, записывал рассказы очевидцев, вел переписку с архивами музеев, друзьями и родственниками партизан. Итогом его изысканий были очерки в областной газете "Кузбасс". На основе собранного материала он пытался создать хронику партизанского движения в нашем районе. Сегодня, когда оценка гражданской войны изменилась, когда опубликованы и стали доступны многие ранее неизвестные документы, архив Д.Ф. Худякова приобретает особую ценность: в нем воспоминания очевидцев и участников событий. Часть архива хранится в школьном музее села Улановска, а часть передана в Анжеро-Судженский музей.

Большинство документов, вещей, предметов быта из его и других семейных архивов собраны в 30 – 50-е годы. Их владельцы стремились сохранить для потомков свидетельства о героическом времени, в котором они жили. Разноплановость этих архивов дает возможность более полно и реально представить ушедшие годы, события, людей.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЙ ИСТОЧНИК

1. Просвещение Сибири. - 1931. - №9-10 (87)

С.Д. Тивяков

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Тивяков Сергей Дмитриевич, выпускник геофака 1962 года, профессор Новокузнецкого педагогического института.

В 1939 году в Кузбассе был образован географический факультет учительского института, который в 1944 году реорганизован в естественно-географический факультет педагогического института. 60 лет здесь готовятся кадры географов для школ области. За эти годы на факультете подготовлено около пяти тысяч специалистов. Более 80 процентов учителей географии и биологии Кузбасса – его выпускники. Среди них председатель Кузнецкого отдела Русского географического общества Ф.И. Габов, декан факультета Н.Г. Евтушик, заведующие кафедрами Н.Т. Егорова и В.М. Тараканова, академик Э.М. Казин, зав. аспирантурой Новокузнецкого ГИДУВа Н.А. Зорин, доценты Волгоградского и Ярославского педагогических университетов Ф.И. Жбанов и Н.А. Селищев, ректор Новокузнецкого ИПК учителей Г.А. Вержицкий, главный специалист по туризму Кузбасса В.Я. Северный и многие другие. И всегда в памяти выпускников остаются преподаватели, стоящие у истоков географического образования Кузбасса.

Первым деканом географического факультета был Александр Алексеевич Мытарев. Воспитанник рязанского комсомола, получивший путевку на учебу во 2-й МГУ (так в тридцатые годы назывался Московский государственный педагогический университет), Александр Мытарев слушал лекции выдающихся географов России: Н.Н. Баранского, Н.П. Никитина, И.А. Витвера. Перед студентами выступали Н.К. Крупская, нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов. Параллельно с учебой А.А. Мытарев работал в Центральном бюро краеведения, публиковался в журнале "Советское краеведение". После окончания университета он по-

Участники экскурсии по Горной Шории. Во втором ряду первый слева - А.А. Мытарев (середица 30-х годов, г. Сталинск)

лучил направление в Сибирь – сначала на Алтай, а с 1934 года начал преподавательскую деятельность на рабфаке при Металлургическом институте в городе Сталинске (ныне Новокузнецк). Именно здесь им были организованы первые экскурсии и экспедиции по изучению Горной Шории.

Александр Алексеевич вспоминал: “Край был дикий, мы много плутали. Картам рискованно было довериться. Но уже чувствовалось, что жизнь в этих суровых местах круто меняется, стройки начинались, создавали леспромхозы. Из таких походов и родилась моя любовь к этому краю”. Поэтому когда образовался географический факультет, вопрос о том, кому быть деканом, решался просто – Александру Алексеевичу Мытареву. Но только один выпуск успел сделать факультет: началась война.

В августе 1941 года А.А. Мытарев стал политруком Виленского пехотного училища, которое к тому времени было эвакуировано в город. После войны А.А. Мытарев возвращается на родной факультет и успешно работает деканом, проректором по учебной работе, заведующим кафедрой географии. Он первым из преподавателей факультета защитил кандидатскую диссертацию по экономике Горной Шории. Эта работа легла в основу его книги “Южный Кузбасс” (экономико-географический очерк), изданный в 1956 году в Кемеровском книжном издательстве.

*Декан геофака А.А. Мытарев с комсомольцами
(начало 70-х годов, г. Новокузнецк)*

А.А. Мытарев стоял у истоков учебной географии и краеведения Кузбасса. Со своими единомышленниками он подготовил в 1964 году учебное пособие для учащихся 8-10-х классов - "Экономическая география Кемеровской области". Работая над материалами по географии Кузбасса, А.А.Мытарев задумал географический словарь Кузбасса, и в 1970 году выходит первый, не потерявший актуальности и сегодня словарь "От Абы до Яи". Мне пришлось в то время работать рядом с Александром Алексеевичем на кафедре, и я помню, с какой скрупулезностью, тщательно выверяя каждую цифру, трудился он над словарными статьями.

В 1960 году по инициативе А. А. Мытарева в Новокузнецке создается Кузнецкий отдел Русского географического общества, и он избирается председателем президиума отдела. Под его руководством издаются "Известия Кузнецкого отдела РГО", сборники научных статей "Краевед Кузбасса", "Вопросы географии Кузбасса и Горного Алтая", "Природа и экономика Кузбасса", где он выступает как автор и как редактор. Его перу принадлежит более пятидесяти научных работ и 150 научно-популярных статей. Он воспитал тысячи учителей географии. Он был первый.

В.Н. Шульгин проводит снегомерную съемку в районе Темиртау. Зима 1950 года

Поверхность слоя известняка с шаровидными колониями водорослей из среднего протерозоя (фото В.Н. Шульгина), 1977г.

Шульгин Владимир Николаевич – декан геофака с 1947-го по 1962 год. В своей автобиографии Владимир Николаевич пишет: “Родился в 1917 году в городе Кушва на Урале. В 1933 году после окончания 8-го класса средней школы переехал с родителями в город Сталинск (ныне Новокузнецк), в том же году поступил на металлургический рабфак, который окончил в 1934 году. С 1934-го по 1940 год учился сначала в Сибирском металлургическом, а затем в Томском индустриальном институте. И получил квалификацию – горный инженер. После окончания института в 1940 году сначала работал геологом на Алтае и в этом же году был призван в Красную Армию. После увольнения в 1942 году (по состоянию здоровья) направлен геологом на рудник Темиртау”. С 1946 года Владимир Николаевич Шульгин – преподаватель геологии пединститута.

Всю свою энергию и талант исследователя Владимир Николаевич направил на изучение природы Горной Шории. Он первый из преподавателей факультета защищает кандидатскую диссертацию по физической географии Горной Шории в 1956 году. Его работы по

геоморфологии Горной Шории получили российское признание. После 1964 года В.Н. Шульгин работает в педвузах Тамбова, Карелии. Но он не порывает связи с факультетом и его выпускниками, помогает им ценными советами, научными материалами. Именно В.Н. Шульгину принадлежит честь открытия водорослей из среднего протерозоя (абсолютный возраст 1 миллиард 760 миллионов лет), которые по месту открытия (р. Шуя в Южной Карелии) и фамилии исследователя получили название *Shujana Shulgini Corde*. В своем письме автору этих строк Владимир Николаевич писал: "Интересные сведения были доложены в 1977 году в Японии, а нынче (апрель 1979 г.) будут доложены в Париже на международном конгрессе по водорослям". Таковы пути и дела одного из первых руководителей кузбасского геофака.

Судьба Петра Степановича Шпиня сродни метеору. Он промчался по географической орбите яркой звездочкой и сгорел, оставив за собой научные труды, многочисленных учеников и светлую память о себе в сердцах выпускников геофака.

В своей автобиографии Петр Степанович указал: "Родился в 1943 году в Приморском крае, в семье рабочего. В 1947 году семья переезжает на Сахалин, а в 1954 году умирает отец". Рано повзрослевший подросток старается учиться. Он успешно оканчивает в 1961 году школу в г. Кемерово и работает инструктором-методистом на областной детской экскурсионной станции под руководством основателя детского туристского движения в Кузбассе, заслуженного учителя РСФСР Петра Павловича Чепкасова. Походы по родному краю, методическая работа по краеведению определили выбор дальнейшей учебы. С 1965 года Петр Степанович – студент-заочник географического факультета Новокузнецкого педагогического института. Окончив в 1970 году с отлич-

*Экспедиционный отряд
идет по леднику. Кузнецкий
Алатау, 1977г.*

Петр Степанович Шпинь (с гитарой) на вечере встречи с выпускниками геофака, 1970-е годы

чем институт, он продолжает работать на кафедре физической географии. Еще во время учебы в институте П.С.Шпинь начинает гляцио-климатические исследования в Кузнецком Алатау. В 1970 году выходит его книга "Горы зовут" (совместно с В.В.Князьковым), готовятся к изданию статьи по физической географии Кузнецкого Алатау. В 1971 году Петр Степанович поступает в очную аспирантуру Томского университета. В отзыве о его работе научный руководитель, заслуженный деятель науки РСФСР профессор М.В. Тронов писал в 1973 году, что "аспирантом Шпинь П.С. программа обучения выполнена досрочно. Рекомендую представить диссертацию к защите в декабре 1973 года". По независящим от П.С.Шпиня условиям защита состоялась в Иркутском университете в начале 1975 года. Молодой ученый с ещё большей энергией продолжает научные исследования в Кузнецком Алатау. Издание в 1980 году монографии П.С.Шпиня "Оледенения Кузнецкого Алатау" в издательстве "Наука" стало научной сенсацией не только российского, но и международного масштаба.

Выдающийся гляциолог Алтай Михаил Васильевич Тронов в предисловии к книге писал: "Обнаружение большого числа ма-

лых ледников в Кузнецком Алатау – важное географическое открытие. Существование их на необычно низких абсолютных уровнях – уникальный случай для внутриматериковых областей Северного полушария. Оледенение Кузнецкого Алатау не является реликтом какого-то более обширного в прошлом оледенения. Оно отнюдь не деградирует, а наоборот, в последнее десятилетие увеличивается. Ледники лежат на высоте 1200-1500 метров над уровнем моря, где средняя температура лета... весьма высокая, около +10 °С. Ледники существуют лишь благодаря обильным осадкам и огромной их концентрации на подветренных склонах и в понижениях, куда снег сдувается ветром при метелях”.

П.С.Шпинь обследовал 91 ледник, 28 снежно-ледовых образований, более 250 горно-ледниковых озер, в одном из которых он установил предельные глубины озер области – 80 метров. Им изучена снеголавинная опасность Кузнецкого Алатау и разработана методика многолетних прогнозов максимальных паводков и наводнений бассейна реки Томи. Эта работа получила высокую оценку администрации Кемеровской области.

Великолепный организатор и исследователь, Петр Степанович был разносторонним человеком. Писал стихи, пел и играл на гитаре, рисовал удивительно проникновенные пейзажи-акварели. В его научных трудах, а их было издано более пятидесяти, чувствуется поэзия слова, душа художника. Может, поэтому молодые люди тянулись к нему в экспедиции, и не только в студенческие годы, но и после окончания института, получая от общения с ним душевное тепло и радость первооткрытия.

Мы приоткрыли всего три страницы из шестидесятилетней истории естественно-географического факультета, и все они посвящены первопроходцам, занимавшимся изучением родного края. Они брались за неизведанные дела и с честью доводили их до конца, являя собой пример научного мужества, образец для подражания.

Р.Ф. Павловская

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

Павловская Раиса Федоровна, старший научный сотрудник Кемеровского областного краеведческого музея.

Музейные работники, даже очень заслуженные, посвятившие жизнь сохранению Исторической Памяти, как правило, остаются в тени. Не исключение и Елена Михайловна Полянская, создатель и первый директор научно-технического музея Кузнецкого металлургического комбината, имя которой даже не было упомянуто в 55-летний юбилей ее детища (1988 г.). Допущенную несправедливость пыталась исправить новокузнецчанка Э. А. Сусакина, опубликовав 15 апреля 1989 года в газете «Кузнецкий рабочий» статью о Полянской.

Позднее выяснилось, что в семье Сусакиных сохраняется архив трех поколений Философовых — Полянских, и возникла мысль сформировать в областном краеведческом музее личный фонд Е. М. Полянской. Комплектование вела автор этих заметок, тогда главный хранитель Кемеровского областного краеведческого музея, затратив на этот труд три года (1994-1997 гг.).

Личный фонд нашей коллеги составляет 1050 единиц хранения — это вещественные предметы, документы, фотографии, письма, которые как бы иллюстрируют историю России и нашей области, охватывая в целом период с 1870-го по 1971 год. Вот, к примеру, письма с фронтов русско-японской (1904-1905 гг.) и первой мировой войн, где находились дяди Елены Михайловны — офицеры русской армии Николай и Александр Философовы. Для краеведов особую ценность представляет блок писем и фотографий самой Полянской из Сталинска (1930-1940 гг.), из которых мы узнаем о рыночных ценах, наличии товаров в магазинах, что и сколько отпускалось по карточкам, что выдавалось ИТР по спецпайкам, о застройке поселка Кузнецкого металлургического комбината (КМК) первыми многоэтажными домами, о благоустройстве города той поры и многое другое.

Фонд Полянской интересен еще и потому, что может быть использован при разработке тем и строительстве экспозиций различных направлений: военной, по истории КМК, экономики стра-

ны, по культуре, музейному делу и другие.

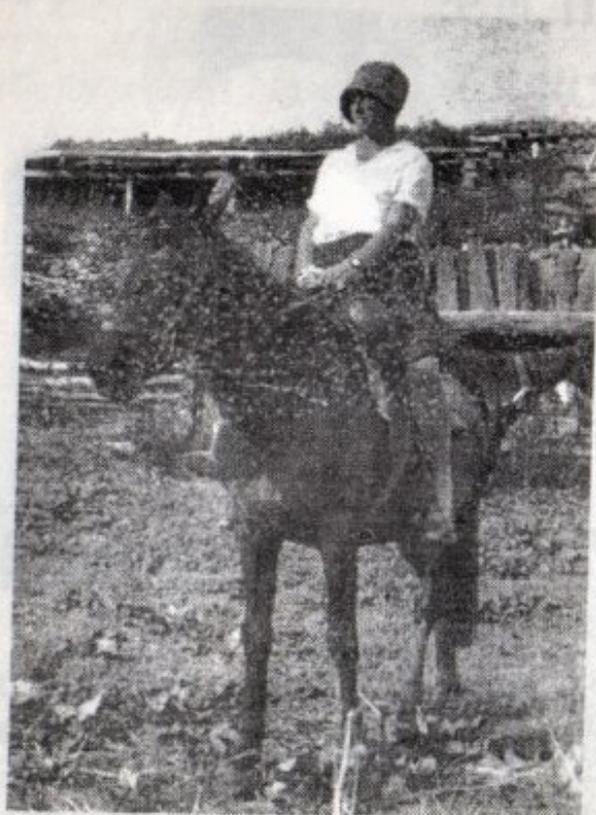
В Инструкции комплектования личного фонда рекомендуется всесторонний сбор материалов, связанных с объектом исследования. Поэтому в нем присутствуют материалы близких Полянской людей. Это комплекс Валентины Павловны Костиной, библиотекаря, инструктора библиотечной сети научно-технической библиотеки КМК, которая помогала Полянской в работе над книгой по истории КМК, а кроме того, жила рядом, они дружили семьями. И комплекс Григория Никитовича Сусакина — инженера и журналиста, который вместе с Еленой Михайловной входил в состав редколлегии книги по КМК, в соавторстве они написали несколько статей для нее. В его семье, в основном, и сохранялся архив Полянской.

За три года формирования фонда, изучая документальные источники, письма, слушая воспоминания, я как бы познакомилась с Еленой Михайловной лично, оценила цельность ее натуры, профессионализм специалиста музейного дела. Не все у нее было гладко в жизни — преследования за непролетарское происхождение, конфликты с окружающими ее людьми... И все же преодолела она эти невзгоды, состоялась как личность, краевед, ученый.

Е.М. Полянская (1902-1971 гг.) родилась в г. Костроме, в семье потомственного дворянина, офицера русской армии, участника русско-японской и первой мировой войн Михаила Сергеевича Полянского. Мать Полянская Екатерина Николаевна (в девичестве Философова) тоже из семьи потомственных дворян и военных. В 1919 Елена Михайловна окончила Костромскую женскую гимназию и сразу начала работать в Костромском краеведческом обществе. Затем поступает в Ярославский педагогический институт, который и оканчивает в 1925 г. Обучение в высших учебных заведениях в те годы стоило немало, но Полянская, как дочь инвалида II группы, имела право на бесплатное обучение. Об этом свидетельствует справка из гормилиции г. Костромы № 235 от 16 декабря 1924 г.: "... дочь Елена

Е.М. Полянская, научный сотрудник научного общества, г.Кострома. 1929 г.

Полянская Е.М. во время этнографической экспедиции Костромского научного общества. Кострома. 1929 г.

Михайловна 22 лет учится в Ярославском пединституте и тоже нигде не служит, а живёт на случайные заработки в студенческой артели”.

Дальше её жизнь и работы проходят в г. Костроме. Она принята научным сотрудником этнологической станции Костромского научного общества (КНО), которым руководил В.И.Смирнов. Все складывалось хорошо, любимая работа, рядом родители и бабушка, в Москве – друг. Сохранившаяся картотека-отчет о текущей работе в период с 1926 г. по 1929 г. рассказывает о вкладе Елены Михайловны в КНО: этнографические экспедиции по губернии, участие в раскопках доисторической стоянки Ватажка около Костромы, посещение базаров по изучению хомутов,

шорного дела, организация выставок в этнографическом отделе Костромского государственного музея, чтение лекций на краеведческих съездах, рабочим заводов и крестьянам.

“1927 г. С 1-го по 20 июня работала в этнологической экспедиции Костромского научного общества в качестве научного сотрудника. Тема экспедиции: этнография корёжских “дворян”. Работа производилась в Буйском уезде. Сделано зарисовок и записей 95 листов, фотоснимков 15. Пройден пешком и обследован район трёх центральных пунктов”.

“ В период осень-весна 1926-1927 гг. обработаны материалы:

1. Сборы базаров по орнаменту хомутов и клещей, по росписи и резьбе.

2. Материалы, собранные у шорников...

“ В апреле 1927г. сделала подробное описание орнамента на хомутах...”;

“ 29 ноября 1928г. на этнологическом субботнике прочитала свой перевод с немецкого из Зелинского “Volkskunde” главы “Одежда и обувь” (Зеленин Дм. Конст. 1878-1954 гг. – советский этнограф, член-корр. АН СССР).

“Зимой 1928-1929г. распространила по губернии свою программу по орудиям земледельческого труда, благодаря чему выявился ряд корреспондентов, с которыми всё время поддерживаю связь путём переписки и инструктирования их”.

В записях четко обозначен подход к созданию монографии “Костромской хомут”, изданной в Костроме в 1927 г. и получившей высокую оценку специалистов. “Она [монография] мне нравится, - сообщает в письме Елене Михайловне А.А. Спицын, профессор, археолог, член-корр. АН СССР (1858-1931), - обстоятельно, ясно, коротко, много рисунков. Первая хорошая работа на тему... По Вашей книжке легко составить и отличную программу для изучения хомутов.” “Я считаю, что Вы дали в этой работе чрезвычайно много: эта работа производит великолепное впечатление и по обилию материала, и по стройности его изложения... Сейчас в этнографии нужна именно в таких работах. Ваше исследование должно иметь значение для практических работников... Вы стали обладательницей сокровища... И даже такая узкая тема выливается в увлекательную монографию”, - читаем в письме из Рязани в 1928 г. “...В работе в виде приложения даются таблицы орнамента костромского хомута. Исполнены таблицы с такой тщательностью...”, - отмечается в сборнике “Против вредительства в краеведческой литературе”, изданном в Москве в 1931 г.(1).

Заметим: еще со школьной скамьи Елена Михайловна прекрасно рисовала с натуры, будучи же научным сотрудником КНО, овладела и техникой фотографирования.

В 1929 году развернулась кампания против Костромского научного общества, его руководителя В. И. Смирнова. Полянская подвергается проверке на благонадежность по ст. 58, п. 10: в вину ей ставится происхождение — дочь царского офицера, клеймится ее монография “Костромской хомут”: “...Сама тематика, самый выбор объектов изучения выдает с головой классовую природу “ученых” деятелей Костромского научного общества...”(1). Елену Михайловну пытались даже отнести к категории людей “...не приемлющих революцию, далеких от кипучей борьбы и бурного строительства наших дней...”(1). Но эта классовая буря пронеслась, не затронув молодого ученого (видимо, цели выбирались более крупные) она же, пройдя чистку, продолжила работу в КНО, а в 1930 году была избрана заведующей этнологической станцией.

Всесоюзную перерегистрацию по секции научных работников (1929-1931 гг.), целью которой была проверка общественно-политических взглядов ученых, Елена Михайловна перенесла безболезненно. Более того, в своем постановлении комиссия СНР за-

писала: "Признать тов. Полянскую Е. М. по ее общественной и научной значимости удовлетворяющей требованиям, предъявляемым положением о СНР в деле соцстроительства". Ее поставили на учет в Союзе научных работников, что давало право на дополнительную жилплощадь. Позднее, после его ликвидации, Елена Михайловна стояла на учете в секции научных работников Сибирского металлургического института в г. Сталинске, что также обеспечивало некоторые житейские льготы.

В Сибири Полянская оказалась за "грехи" отца. В 1931 году его осудили за службу в царской армии и выслали в Кузнецк. То, что он "с февраля 1918 года находился в Красной Армии, на службе в губсовнархозе г. Костромы, помощником командира Терполка, начальником школы комсостава милиции, окончил в 1920 году Высшие военные академические курсы в Москве при Главном штабе Красной Армии", служило лишь смягчающим обстоятельством — высылка все же не стенка! Не принимается во внимание и то, что на спецпоселении в Кузнецке М. С. Полянский "...обучал рабочих коммунистов и ответственных работников". Елене Михайловне ставят в вину связь с осужденным отцом, что она публично не отказалась от родителя. После профсоюзного собрания на этнологической станции, где были озвучены все эти обвинения, Е. М. Полянской выносятся административное взыскание: поселение на три года в любом месте страны, кроме 14 городов. Она выбирает Кузнецк, где свой срок отбывает отец.

В ее письмах в Кострому ни одной жалобы. "Сняла угол в землянке, как раз у окошка, которое выходит в лагерь, где сидит папочка, и каждый день вижу его, когда арестантов выводят на прогулку", — сообщает она маме (2).

В 1933 году Полянскую решением Московской коллегии ОГПУ освобождают от высылки. Ура! Свобода! Можно вернуться в центр России, где сосредоточена наука, культура, есть человеческие условия быта. Но... Здесь отец. И главное: она уже влюблена в крупнейшую стройку страны — "Кузнецкстрой".

Сохранившиеся документы, письма как личные, так и деловые дают богатый материал для характеристики бытовых условий, общественной жизни в кузнецкий период Е.М. Полянской. А они свидетельствуют о её жизни, которая была ох как неблагосклонна к Елене Михайловне! Бесконечные напоминания о её непролетарском происхождении, слежка за каждым шагом, открытая травля. Увы, пришлось пережить и такие удары судьбы, как "исключение из кандидатов в члены ВКП (б) в 1947 г.", снятие с должности директора музея.

Но у Елены Михайловны был бойцовский характер. Спецпоселенка, она смогла в Кузнецке устроиться в экономический отдел труда при горсовете (в мае 1931 г.). И здесь продолжает научно-исследовательскую работу. Изучает быт рабочих. Результатом явилась статья "Быт рабочих Кузнецкстроя", помещенная Центральным бюро краеведения в журнале "Советское краеведение" (№ 10, 1931 г.).

По воспоминаниям современников, ещё на стадии возведения основных производств на КМК И.П. Бардин, главный инженер Кузнецкстроя, вынашивал идею создания музея по истории строительства крупнейшей металлургической базы на востоке страны. И вот 7 марта 1933 г. С.М. Франкфурт, начальник строительства КМК, подписывает приказ № 165

о создании технического музея и составе его специального штата. Елена Михайловна, как единственный специалист с высшим образованием по музейному делу в Кузнецке, была приглашена и включена в состав штата музея. Благодаря её знаниям, энергии и целеустремлённости музей состоялся в 1934 г., и Полянская назначается его директором. Этому первому в Сибири производственно-техническому музею предоставил свои страницы журнал "Советский музей" (№2, 1934 г.). Статья Полянской "Технический музей Кузнецкстроя" явилась своеобразным обменом опыта по созданию тематико-экспозиционного плана музея (ТЭП), нашедшем продолжение во вновь разработанном ТЭПе для новой экспозиции на увеличенной площади в построенном Дворце металлургов в 1937 г. И опять в журнале "Советский музей" публикация Елены Михайловны "Опыт создания производственно-технического музея Кузнецкого металлургического комбината им. товарища Сталина": "...специфичность данного производственного музея заключается в том, что он должен отображать не обычное предприятие, а гигантский комбинат-новостройку, являющуюся одним из первенцев первой пятилетки, имеющую огромное политическое значение в общем

Е.М. Полянская - директор музея КМК - в экспозиции музея, г.Новокузнецк, 1935 г.

*Титульный лист
первой научной работы
Полянской Е. М.*

*Титульный лист книги
директора музея КМК
Полянской Е. М.*

плане строительства социализма в СССР”(3). Едва ли не со дня открытия музей был признан лучшим из музеев металлургической промышленности страны. О нём писали газеты “Большевицкая сталь”, “Советская Сибирь” в марте 1937 г. Журнал “Советский музей” тоже откликнулся: “За эти годы музей обогатился ценнейшими экспонатами и сделался действительным музеем Кузнецкстроя, отображая историю этого грандиозного строительства. Вместе с тем музей становится опорной базой техпропаганды для рабочих и стахановцев Кузнецкого комбината. За помощью к нему обращались Магнитогорский комбинат, Уральский Дом техники и др.”(4).

Э.А. Сусакина вспоминает, как однажды Р.В. Белан, бывший директор КМК, приехав в командировку из Москвы и посетив музей, сказал о Елене Михайловне: “Без этой женщины такого музея не было бы”(2).

Надо отдать ей должное, что, несмотря на успехи, она понимала необходимость повышения своих знаний по музееведению. Из письма её мамы Екатерины Николаевны от 30 июня 1936 г. мы узнаём, что дочь “решила учиться заочно, не снимаясь со службы, вот теперь всю весну и служит и учится, ложится спать в 3-4 утра. Конечно, страшно устала...” Журнал “Советский музей” писал: “Из студентов-заочников Высших музейных курсов выделяется своими высоки-

ми показателями академической успеваемости Елена Михайловна Полянская. Это опытная музейная работница со стажем и высшим образованием. Тем не менее не желая останавливаться на достигнутых успехах, она поступила без отрыва от производства студентом-заочником на Высшие музейные курсы, успешно соединяя отличную учёбу с ударной работой.”(4)

Как специалист технического музееведения, она приглашалась на различные конференции. Во время одной из них в феврале 1937 г. была в Москве. В письме своей бабушке в Кострому сообщает: “Вчера присутствовала на похоронах нашего наркома тов. Орджоникидзе. Потеря его для нас огромна, особенно для тяжёлой промышленности, в которой я работаю. И как человек он прекрасный (он приезжал к нам в Сталинск)”. По роду своей работы она встречалась с такими значимыми в истории страны людьми, как И.П. Бардин – академик, С.М. Франкфурт – начальник строительства КМК, Р.В. Белан и Б.Н. Жеребин – директора КМК. Я слышала от новокузнецчан, что большая дружба до конца жизни была у Елены Михайловны с семьёй И.П. Бардина, особенно с его женой Лидией Валентиновной, которая и организовала похороны Полянской, перевезя её тело из Костромы, где она скоропостижно скончалась во время отпуска, в г. Новокузнецк.

Без преувеличения можно утверждать: свою жизнь Елена Михайловна посвятила музею КМК. Заложенные ею основы экспозиционной и пропагандисткой деятельности музея нашли отражение в дальнейшей работе учреждения, с коллективом которого отношения складывались сложно, трудно. Не многие могли принять её требовательность, строгость, принципиальность. Все превратности, производственные и общественные, проходили на глазах у любящей её мамы, не покидавшей Елену Михайловну ни на один день со времени переезда их в Сталинск. И только поэтому могла появиться запись, сделанная в книге, подаренной в 1959 г.: “Сегодня, 28 мая 59 года, исполнилось 40 лет твоей трудовой деятельности, моя дорогая дочурка Леля! Сколько невзгод ты перенесла за эти годы! Последние годы как будто улыбнулась тебе радость, так дай же Бог, чтобы больше не было горестей, и ты спокойно бы работала, к чему ты стремилась всю жизнь”. А бесконечные разбирательства выматывали, не давали сосредоточиться на научной работе. Снятие с должности директора, конечно, больно ударило по самолюбию, но Полянская не дала возобладать обиде, не оставила музей — свое детище, продолжила работать в нем научным сотрудником.

Собранный ею материал по истории КМК вылился в диссертацию на звание кандидата исторических наук (1953 г.), а позднее в книгу "Из истории борьбы за создание металлургии Кузбасса", которая в 1957 году вышла в Кемеровском книжном издательстве.

В 1963 году партком комбината поручает Е.М. Полянской возглавить коллективный труд по написанию книги "История КМК".

Книга писалась мучительно и долго. В одном из писем Б.Н. Жеребину (главному редактору книги) в Москву она писала 18 июня 1966 г.: "Благодаря парткому, к написанию истории довоенного периода привлечены в помощь мне Ю.А. Шпарог, Ю.А. Иванов из СМИ [Сибирский металлургический институт], а также Г.Н. Сусакин. Сейчас мы все усиленно работаем над окончанием довоенного периода... Эта часть книги получится, кажется, наиболее интересной. Прошу побывать в издательстве "Металлургия", просмотреть рукописи, т. к. есть опасение, что, как данное издательство технической литературы, может значительно сократить именно этот период". Книга вышла в 1973 г. – после того, как Елены Михайловны не стало. Но она была вторым детищем Полянской. Из 13 глав книги ею написаны первые четыре, а шесть глав – в соавторстве. Параллельно с написанием книги создавался ценнейший архив по истории КМК, куда стекались тысячи уникальнейших документов из многих центральных и областных архивов страны: фотокопии документов, фотографии, воспоминания и пр. "Е. М. Полянская, собирая материалы для книги по истории КМК, оказала неоценимую услугу, оставив воспоминания активисток Бежановой, Берстенёвой, Безлюдной, Вейкель и др. Их ценность в том, что они несут в себе приметы ушедших в отдалённое прошлое 30-х годов", - пишет Л.И. Фойгт, заведующая отделом Новокузнецкого краеведческого музея (5). И действительно, в книге собран исчерпывающий материал о комбинате. Такого солидного труда о нём больше нет.

Научно-технический музей Кузнецкого металлургического комбината сейчас располагается в новом здании, в центре г. Новокузнецка, на проспекте Металлургов. Прекрасная экспозиция, созданная к 50-летию КМК, рассказывает об истории строительства, развития мощной металлургической базы в Сибири за годы советской власти. В экспозицию включены документы, фотографии, инструменты строителей, модели и макеты, собранные Е.М. Полянской.

Здесь же мемориальный музей-кабинет И.П. Бардина, привезенный из его московской квартиры, кстати, передан в Новокузнецк не без активного участия Елены Михайловны.

*Авторская группа по написанию книги "История КМК".
(Нижний ряд: 1-я слева – Е.М. Полянская;
верхний ряд: в центре – Г.Н. Сусакин), г.Новокузнецк, 1963 г.*

А вот о Полянской, чей труд и знания дали жизнь музею, посетителям ничего не известно. Хотя первый его директор более чем заслуживает признания.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Против вредительства в краеведческой литературе./ Под ред. Рубинштейна – М.– Иваново-Вознесенск: ОГИЗ, 1931.
2. Кузнецкий рабочий. – 1989. – 15 апр.
3. Советский музей. – 1938.– №2.
4. Советский музей. – 1937.– №5.
5. Фойгт Л.И. Формирование новой женщины-строительницы социализма // Новокузнецкому краеведческому музею 70 лет./ Под ред. Ю.Шерина.– Новокузнецк. 1998.– С.14.

КОЛЛЕКЦИИ РАССКАЗЫВАЮТ

Т.И. Кимеева

ПРЕДМЕТЫ ДРЕВНИХ РОДОВЫХ КУЛЬТОВ ДОШАМАНИСТСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ У ТЕЛЕУТОВ

Кимеева Татьяна Ивановна, научный сотрудник музея археологии и этнографии Южной Сибири Кемеровского государственного университета

Культовые предметы, как памятники культуры, служат одним из источников познания истории далекого прошлого аборигенных народов, ранних элементов их духовной культуры. К числу древних родовых культов дошаманистского происхождения у народов Саяно-Алтая относятся, например, культы огня, гор, медведя и др. Отличительная черта этих культов – почитание

того или иного родового божества. Моления, обращения или жертвоприношения божеству происходят без участия шамана. Шаманизм, конечно, использовал и включил в себя эти древние родовые культы, например культ древних родовых покровителей, так как он вырастал на их основе (1, с. 315).

Предметы древних родовых культов шорцев, хранящиеся в музеях Кемеровской области, вошли в состав каталога шорских этнографических коллекций в музеях России, где имеется их подробное описание, сделана типология (2). Предметы родового дошаманистского культа телеутов ждут своего исследователя. В Кемеровской области предметы духовной культуры телеутов хранятся в Кемеровском областном краеведческом музее (КОКМ), Новокузнецком краеведческом музее (НКМ), музее "Археология, этнография и экология Сибири" КемГУ (КМАЭЭ), Гурьевском краеведческом музее (ГКМ) и совсем молодом историко-этнографическом экомузее "Чолкой" (ИЭЭЧ).

Изображения религиозного назначения телеутов во многом близки к объемным фигуркам шорцев. Так, антропоморфные фигурки из войлока и кудели напоминают шорских орекеннеров, носящих у телеутов название эмегендеры. О том, что орекеннеры имеют отношение непосредственно к телеутам, говорит следующая легенда: "Орекен (старуха) была сильной шаманкой. Однажды она решила принести жертву Ульгену. Известно, что женщины-шаманки не могли камлать Ульгену. Ульген разгневался на нее и в наказание послал жить под землю. Однако та сумела выбраться из-под земли и поселилась среди телеутов по рекам Большой и Малый Бачаты. Оттуда она часто проникала к шорцам через замужество, торговлю и т.д. Словом, достаточно было поехать за чем-нибудь к бачатским телеутам или телеуту приехать к шорцам, как ене-кижи появлялась среди шорцев и начинала вмешиваться в жизнь охотников. Поэтому охотники ее почитали и "кормили" раз в год или раз в три года" (3).

Эмегендеры, олицетворявшие предков по женской линии, шились из домотканого холста в виде цилиндрического мешочка, зашитого в области головы, и набивались куделью (рис. 1). Руки и ноги не пришивались. Глаза обозначались нашитыми бисеринками или кусочками перламутра. Встречались у телеутов фигурки, у которых, кроме глаз на лице, красной краской изображались сросшиеся брови, нос, переходящий в линию рта. Вокруг туловища эмегендеры обматывались лоскутом ситцевой ткани. В отличие от шорских орекеннеров фигурки эмегендеров редко делались парными, а чаще сшивались по три или составляли серии, в которые входило несколько десятков изображений. Они накапливались постепенно, каждое поколение женщины добавляло к имеющейся цепочке сшитые ею фигурки. И когда в семье с течением времени их накапливалось слишком много, эмегендеров разрешалось заменить одной или тремя новыми фигурками, добавив к ним из старых часть кудели как частицу души предка. Старые же, сложив в мешок, уносили в лес и подвешивали к дереву.

Невеста при выходе замуж брала в дом будущего мужа изображения своих предков. Существует мнение, что женщина перед родами ездила к родителям за эмегендерами (4). Как бы то ни было, фигурки непременно должны быть рядом для благополучного истечения родов, для рождения здорового ребенка. В дальнейшей жизни мать и ее потомство будут всегда охранять эмеген-

Рис. 1. Эмегендер (Кол. КМАЭЭ 18/9)

Рис. 2.
Бубен эмегендерое
(Кол. КМАЭЭ 18/68)

Рис. 3. Енекелер (Кол. КМАЭЭ 18/98)

Рис. 4. Канатулар (Кол. КМАЭЭ 18/64)

Рис. 5. Курмуш (Кол. КМАЭЭ 18/74,78)

деры, требующие к себе определенного внимания: два раза в год, весной и осенью, их необходимо вынимать из мешка, в котором они хранятся, и кормить саламатом, выстроив в ряд, произнося при этом особый алкыш. Раз в десять лет было принято приносить им в жертву барана (5, с. 47; 6, с. 178; 7, с. 110-111).

В коллекциях кузбасских музеев хранятся изображения эмегендеров с головой, увенчанной птичьим перышком, что свидетельствует о их принадлежности к шаманкам. К таким фигуркам принадлежали небольшие бубны чалулар с колотушками, представляющие собой деревянный обруч с помещенной внутри плоской антропоморфной фигуркой либо просто обруч, обтянутый тканью или кожей (рис. 2.)

У телеутов имелись изображения енекелер, которым нет аналогий среди культовых предметов шорцев (рис. 3.). Это плоскостные изображения на прямоугольном куске домотканого холста, выполненные красной краской. Их облик архаичен: линейное туловище, расставленные ноги, вытянутые в стороны, иногда согнутые в локте руки. Лицо со сросшимися бровями, носом, переходящим в линию рта, изображалось также красной краской, иногда пришивались глаза из кусочков перламутра. Одежду изображал пришитый лоскуток ситца. Фигурки располагались в ряд по три, семь, девять. Считалось, что они олицетворяли "дочерей (девиц) Ульгеня" (5, с. 47). По мнению же некоторых информаторов, являлись матерями эмегендеров (8, с. 132). Енекелеры также требовали к себе внимания – их бережно хранили и кормили вместе с эмегендерами. И они, в свою очередь, тоже оберегали домашний очаг и семейное благополучие.

Эмегендеры и енекелеры характеризуют глубинный пласт представлений народа, истоки которого уходят глубоко в эпоху родового строя, и связанные с ним виды и формы изобразительной деятельности древнего человека. Эти культовые предметы, несомненно, относятся к домашним пенатам.

Однако функции предметов домашнего и охотничьего культов иногда тесно переплетались. Так, канатулар (крылатый), почитаемый телеутами, как и шорцами верховьев Томи и среднего течения Мрассу, сочетал покровительство охотничьему промыслу с охраной дома от злых сил, обитая в печной трубе. Он представлял собой естественную развилку ветки березы с тряпочкой посередине (рис. 4.). В отличие от шорцев, телеуты иногда изобра-

жали на этой тряпочке красной краской антропоморфную фигурку, ниже которой укреплялась ее одежда – лоскуток ситца. К концам развилки или вдоль верхнего края тряпочки прикреплялись птичьи перья.

Многофункциональным был и другой идол – курмуш, сочетавший способность охранять домашний очаг и семейное благополучие с покровительством охотникам (рис.5.). Идолы вырезались из дерева в виде антропоморфных фигурок, напоминавших шалыги и тайгамы шорцев. Голова идола могла быть круглой или овальной. Глаза либо просто вырезались в виде углублений, либо обозначались медными или железными бляшками. Форма носа варьировала от прямого и длинного, занимавшего половину лица, до небольшого, треугольного в сечении выступа. Рот обозначался не всегда. Руки иногда совсем отсутствовали, иногда имели вид коротких обрубков или вырезались опущенными вниз либо прижатыми к телу. Ноги всегда были расчленены, ступни обозначались редко. Скульптуры с обозначением знака пола в музейных собраниях встречаются нечасто.

Таким образом, фигурки курмуш трактованы по-разному и обнаруживают различные художественные традиции и приемы. Это свидетельствует либо о том, что у телеутов еще не сложился устойчивый тип антропоморфной скульптуры, либо о том, что в ней нашли свое отражение приемы, выработанные различными компонентами телеутского этноса (5, с.52).

В начале XX в. курмуши у телеутов не считались особо почитаемыми духами и имелись не в каждой семье. Возможно, это объясняется тем, что изначально главной функцией этих идолов, как и сходных с ними шорских тайгамов и шалыгов, было покровительство охотникам, а охота никогда не являлась основным занятием этого народа, в отличие от скотоводства. И вполне вероятно, что курмуши были почитаемыми идолами тех представителей телеутского этноса, вошедших в разное время в состав телеутов, основным занятием которых являлся охотничий промысел.

Существовали у телеутов и обереги, призванные защищать от злых сил. Маленький деревянный лук со стрелой, которые подвешивала над колыбелью новорожденного мальчика старшая в семье женщина, обеспечивали ребенку безопасность и здоровье. К стреле привязывалась белая тряпочка, символизирующая Майене – божество, покровительствующее младенцам. Для девочки

лук со стрелой заменялся двумя бусинками с неизменным символом доброго божества – лоскутком белого цвета. Возможно, первоначально лоскуток, привязанный к стреле, просто выделял последнюю из ряда бытовых предметов, предназначенных для охоты, а позднее стал символом Майене. Что касается стрелы и лука, то у народов Саяно-Алтая они еще в эпоху материнского рода были тесно связаны с культом указанного выше женского божества (9, с. 74).

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Потапов Л.П. К изучению шаманизма у народов Саяно-Алтайского нагорья // Филология и история монгольских народов. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1938. – С. 314- 322.
2. Кимеева Т.И. Традиционные культы шорцев // Шорцы. Духовная культура. Каталог этнографических коллекций музеев России. – Кемерово, 1999. – С. 15-18.
3. Потапов Л.П. Очерки по истории Шории. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 41.
4. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. - Новосибирск: Наука, 1980. – С. 147.
5. Иванов С.В. Телеуты // Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. – Л.: Наука, 1979.
6. Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVII – первой четверти XX вв.: Историко-этнографическое исследование. – М.: ИЭА РАН, 1993.
7. Кацюба Д.В. Духовная культура телеутов. – Кемерово, 1998.
8. Дыренкова Н.П. Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков. // Памяти В.Г. Богораза. - М.-Л., 1937.
9. Потапов Л.П. Лук и стрела в шаманстве у алтайцев // Советская этнография. - 1934. - №3.

Г. П. Калишева

КОЛЛЕКЦИЯ МЕДНОГО ЛИТЬЯ КЕМЕРОВСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Калишева Галина Павловна, зав. отделом истории Кемеровского областного краеведческого музея.

За время существования нашего музея посредством случайного, бессистемного сбора сформировалась коллекция медного литья, которая неожиданно получилась довольно интересной и, несмотря на свою компактность, содержательной. Коллекция насчитывает более 70 экспонатов. Поскольку почти в каждом музее есть хотя бы несколько подобных предметов, музейщики пытаются найти возможность их систематизировать с целью включения в научный оборот. В декабре 1989 г. состоялся первый семинар по вопросам изучения, хранения и реставрации памятников медной пластики, который положил начало работе по атрибуции медного художественного литья. Работа эта непростая. Огромное количество бесконечно повторяющихся предметов, их многократное тиражирование с одного образца, территориальная разбросанность памятников с одинаковыми особенностями практически исключают возможность установления даты изготовления и места, где они были произведены. Известно, что медное литье было гонимо. Но указы 1722-1723 годов "О воспрещении употреблять в церковных и частных домах резные и отливные иконы", распоряжение "О повсеместном секвестировании всех металлических крестов и икон, закрытии заводов, занимающихся выделкой оных", правительственные меры репрессивного характера не принесли, однако, желаемых результатов. В донесениях правительству в 1846 году указывалось, что "употребление сих икон и крестов... есть повсеместное по всей России..., не исключая и лиц православного исповедания, так что иконы сии имеются почти во всех избах"(1).

Спрос рождает предложение. По данным металлических промыслов, к концу XIX-началу XX столетия меднолитейное дело

получило большой размах. Медные изделия отливали везде: в Поморье, Поволжье, Тюмени, Москве...

К примеру, в Московской губернии в одной только Новинской волости существовало 45 медно-латунных и медно-отливных заведений (1). Кроме этого, медным промыслом занимались отдельные мастерские, семьи и целые деревни.

Существовала даже особая отрасль промысла – подделка медных образов “в старинном виде”. Продукция оптом распространялась по городам и весям необъятной российской империи.

Исходя из этого, доставшееся музеям в наследство культовое медное литье не поддается систематизации по традиционным признакам времени и месту производства, стиливым особенностям, орнаменту, сплаву металла и др.

Похоже, единственно возможной формой систематизации литья, как предлагают некоторые музейные специалисты, может быть его классификация по типам с иконографическими признаками:

- сюжеты древнерусские;
- сюжеты старообрядческие;
- сюжеты новые, то есть те, что возникли в православной среде в XIX-начале XX века (1).

Древнерусские сюжеты, как правило, находим чаще всего в нагрудных иконах-подвесках. В каталоге произведений мелкой пластики XIII-XVII веков Загорского музея есть описание иконы “Никола Можайский”, датируемой XVI веком. Икона медная, ажурная, литая вместе с рамкой и оглавием с изображением Спаса Нерукотворного. На рамке сверху – оборонная надпись. Николай Мирликийский был очень популярен на Руси, и в многочисленных легендах он предстает спасителем от разных бед, в том числе защитником городов. В данном случае речь идет о появле-

Рис. 1. Нагрудная икона “Никола Можайский”, нач. XIX в.

*Рис.2. Нагрудная икона
"Георгий Победоносец",
нач XIX в.*

*Рис.3. Нагрудная икона
"Святой Никита".
Нач. XVIII в.*

нии Николы над осажденным татарами городом Можайском с мечом в правой руке и городом в левой (2).

В коллекции нашего музея есть две нагрудные иконы Николы Можайского. Одна из них (рис. 1) практически полностью соответствует описанию Николы в каталоге Загорского музея, вторая более позднего времени — нагрудный трехстворчатый складень с легкими створками встык, с четким рисунком тонкого низкого рельефа. На створках часто повторяющиеся в маленьких складнях изображения двенадцати святых, среди которых архангелы Михаил и Гавриил, апостолы Петр, Павел, Иоанн, святые Георгий, Василий, Дмитрий, Григорий, Василий.

Самый распространенный тип иконы нагрудной — трехстворчатый складень, где каждая створка равна половине размера средника, благодаря чему они закрываются встык. Конструкция, как утверждают специалисты, заимствована у византийских мастеров.

Есть свидетельство, относящееся к XVII веку, о том, что ратник имел "... на груди красивый образ в виде тройного складня, с которым он никогда не расстаётся и, где бы он ни остановился, ставил на видное место и поклонялся ему". Так

писал архидиакон Павел Аллепский о путешествии в Россию своего отца патриарха антиохийского Макария (3).

К древним сюжетам нагрудных икон относится и изображение Георгия Победоносца, убивающего змия.

В нашей коллекции также два Георгия. Один из них – средняя створка складня с кокошником, богато украшенная эмалевым орнаментом, – слишком велика для нагрудной, вторая же – маленькая нагрудная икона, с оглавием и отверстием для шнура, из красного медного сплава (Рис. 2).

К редким и древним относят изображение Никиты, избивающего беса (рис. 3.). Считается, что моделью для изготовления медных образков послужили первые каменные образки, имеющие закругленную верхнюю часть. Поэтому поздние литые иконы Никиты Бесогона имеют как бы двойной киот – внутренний, с закругленным верхом, воспроизводящий оправу каменной иконы, и наружный, прямоугольный, приданный литейной формой. Кроме Никиты Бесогона, в нашей коллекции редкими считаются: образ Дмитрия Солунского (средник и одна створка складня), нагрудный трехстворчатый складень с изображением святого Антипы. По библейскому преданию, Антипа был епископом Пергамским и во времена гонения Домициана был сожжен в раскаленном медном быке. Трехстворчатый складень со святыми на боковых створках замысливался как нагрудный. К оглавию со Спасом Нерукотворным припаяно ушко, но без отверстия, погрешности отливки на торцах не зачищены, что создает ощущение торопливой небрежности в изготовлении образа. Вместе с тем миниатюрные изображения Антипы в среднике и святых на створках отличаются тонкостью и неплохим качеством литья.

В коллекции есть несколько икон, которые отливались по типу нагрудных, но таковыми не являются, поскольку тяжелые пластины и отсутствие отверстий для подвешивания не позволяли носить их на груди. Это поздние иконы, изготовленные на потребу рынка в какой-нибудь кустарной мастерской. В основном это грубоватые, невысокого качества иконы Богородичного цикла “Умиление”, “Одигитрия”, “Знамение”, с эмалью и без оной, с орнаментом и без него. Отлитые с формы для ношения на груди, они превращались в маленькие киотные образа, обрастали навершиями и другими украшениями. Именно к таким относится трехстворчатый складень “Знамение Божьей матери” с навершием “Троица”, оглавием со Спасом Нерукотворным и двумя херу-

вимами, примыкающими к навершию. На створках – праздники: Въезд в Иерусалим, Сретение, Воскресение Христово, Вознесение.

В попытках наделить безымянные экспонаты хоть какой-то родословной работники музея по крупицам собирают сведения об интересующем предмете. Из разных источников известно, что трехстворчатый складень-девятка это соловецкое литье. Есть сведения, что в Поморье, на родине медного литья, девятки лили тоже, но образцом все-таки служило соловецкое. На среднике девятки изображен Деисус, на левой створке – Иоанн Богослов, митрополит Филипп и Николай Чудотворец, на правой ангел-хранитель, святые Зосима и Савватий. Было бы слишком самоуверенным считать, что девятка из нашей коллекции родом с Соловков, возможно, она изготовлена где-нибудь на Урале, на заводах Демидова, куда после раскола сбежал один из предводителей старообрядцев Трифон Петров. Возможно, ее отлили в Тюмени, где, как известно, с конца XVII века отливали кресты с особым изображением святого духа – в виде голубя. Впоследствии этот тип изготовления креста перешел к старообрядцам поповского толка, которые отливали крест Христов с Богом Саваофом и голубем (3).

Хорошо известен и широко распространен четырехстворчатый, с кокошниками складень “Двунадесятые праздники”, три створки которого – двунадесятые праздники, а четвертая – поклонение чудотворным иконам Божьей Матери.

Специалисты считают, что для отливки складня монтировался каркас из разборных перегородок. Набор отдельных рельефов давал мастеру большую свободу их перестановки. Без кокошников и четвертой створки получался трехстворчатый складень. Кокошник “Отечество” использовался в качестве навершия иконы “Покров Пресвятой Богородицы”. Клеймами праздников окружали верхнюю часть крестов. Отдельное клеймо могло являть собой нагрудную икону-подвеску. В коллекции музея хранится односторонняя нагрудная икона с двумя отверстиями для шнура, размер которой полностью соответствует размеру клейма “Рождество Христово” четырехстворчатого складня. Даже миниатюрное изображение чудотворных икон в четвертой створке складня могло существовать самостоятельно, о чем свидетельствует хранящаяся в нашей коллекции крошечная, размером 3х2,5 см, иконка “Умиление”. Медное литье XVIII-XX веков разнообразием и оригинальностью сюжетов не отличалось. Как правило, воспроизводились в металле популярные в то время живописные ико-

нографические сюжеты: “Всех скорбящих радость” в новой трактовке, с обилием жаждущих и страждущих вокруг Богородицы, “Неопалимая купина”, “Христос Вседержитель”, “Богоматерь Треручица”. Появляются новые святые.

В нашей коллекции есть литая икона с изображением преподобного Паисия Величковского (1722-1794) (рис. 4). В Сибирь образ попал, скорее всего, с переселенцами, поскольку рожден был Паисий в Полтаве, монашествовал на Афоне и прославился собиранием священных писаний (4). Орнамент из виноградовых гроздьев, окружающий средник, также указывает на то, что икона изготовлена в иных, не сибирских местах.

Рис. 4. Икона “Преподобный Паисий Величковский”, XIX в.

Иконы, как и складни, изготавливались на каркасной основе. В коллекции музея есть четыре иконы с разными средниками и одинаковыми полями, на которых в круглых клеймах поясные изображения 12 святых и ангела-хранителя в середине нижнего поля. Поля икон орнаментированы одним узором, отличаются лишь цветом эмали.

В нашей коллекции хранится икона с изображением Спаса Вседержителя, выполненным на пластине из медного сплава желтого цвета (рис. 5). Литье высокого рельефа. Поля иконы образованы надписью, идущей по всему периметру. Размер иконы 8x10,5 см, ширина полей 1,5 см. Интересно сложение пальцев Христа. В иконописи известны два благословляющих перстосложения. Первое, более раннее, именованное: распрямленный мизинец обозначает букву “Г”, подогнутый безымянный почти соприкасается с большим, образуя “С”, а выпрямленный указательный с подогнутым средним – “Х”. Таким образом, читаются инициалы “ИС ХС”. Второе, более позднее: три соединенных пальца – мизинец, большой и безымянный – сложены вместе, символизируя Святую Троицу. Два соприкасающихся пальца – указательный и средний – символ двух начал Христа: Бога и человека (5). На нашей иконе

Рис. 5. Икона "Христос Вседержитель," XIX в.

Саваоф, а на верхней перекладине писалось титло - Иисус Назарейский Царь Иудейский (ИН ЦИ). Старообрядцы же не признавали подобного написания и настаивали на другом "ЦРЬ СЛВЫ ІС ХС СНЪ БЖИЙ", а изображению Саваофа предпочитали Спаса Нерукотворного. Но и среди старообрядцев, разделившихся на разные толки, не было единодушия (6). На оборотной стороне креста часто помещался краткий текст молитвы кресту: "Крест хранитель всей Вселенной, крест красота церковная, крест царем держава, крест верным утверждение, крест ангелам слава, крест бесам язва". Реже, на более ранних крестах разных видов, в том числе и наперстных, текст размещался полностью.

В коллекции музея крестов-распятій несколько. Один из них - распятие с предстоящими и праздниками - может служить образцом старообрядческого креста (рис. 6): восьмиконечный, без титла, со Спасом Нерукотворным на легкой пластине красной меди. К верхней перекладине его примыкают два клейма с праздниками. В левом - "Сретение", в правом - "Троица". Над вершиной креста расположено "Воскресение Христово", слева от вершины "Въезд в Иерусалим", справа - "Вознесение". Украшено распятие

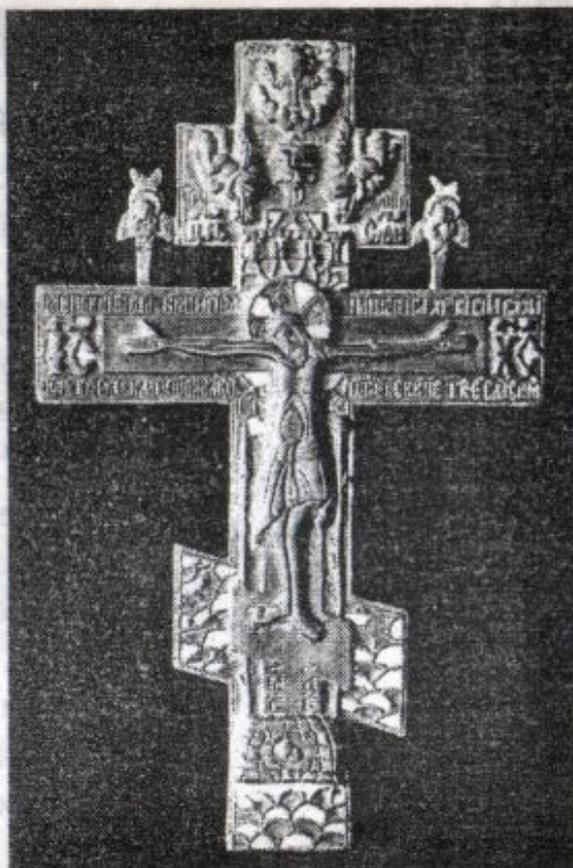
подняты два пальца - указательный и средний, остальные сжаты. С учетом мнения специалистов о том, что старообрядческие иконы отличаются обилием текстов и двуперстным сложением, отнесем ее к старообрядческим.

Целую группу медного литья составляют кресты.

Сохраняя иконографию распятия, они отличаются качеством литья, эмалью, оформлением оборотной стороны, дополнительными украшениями и принципиальными деталями, изображением в вершине креста и надписями.

Известно, что православным крестом считался тот, у которого в вершине был изображен Бог

навершием из шести херувимов. Есть в коллекции распятия, богато украшенные эмалью двух – трехцветной. Интересно, что из четырнадцати крестов-распятий, хранящихся в музее, нет ни одного абсолютно повторяющегося: расположение ангелов, наличие или отсутствие голубя, надписи, высота рельефа, его четкость, толщина пластины – вот детали, которые отличают изделия и одновременно свидетельствуют о популярности и широком распространении культового медного литья.

*Рис. 6. Распятие.
Начало XIX в.*

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Савина Л. Н. К истории производства и бытования медного художественного литья в XIX-начале XX в. // Русское медное литье. -М. -1993 г. - Вып. 1.

2. Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики XIII-XVII веков в собрании Загорского музея. -Загорск,1960.

3. Гнутова С. В. Медная мелкая пластика Древней Руси. // Русское медное литье. -М.,1993 г - Вып. 1.

4. Дружинин В. Г. О поморском литье. // Русское медное литье. М., 1993. - Вып. 1.

5. Жития русских святых. -М,1993.- Т. 5.

6. Филатов В. В. Краткий иконописный словарь. -М.,1996.

В.В. Кожевникова

ЗВЕНЯЩАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
(из фондов Алтайского государственного
краеведческого музея)

*Кожевникова Валентина Васильевна,
главный хранитель Алтайского государственного
краеведческого музея*

Десятки лет на российских дорогах раздавался звон колокольчика, подвешенного под дугой знаменитой тройки. И неудивительно, что упоминание о нем мы встречаем в произведениях едва ли не всех русских писателей. Откроем томик А.С. Пушкина:

Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

Это стихотворение "Бесы".

У П.А.Вяземского в стихотворении "Дорожная дума" читаем:

Колокольчик однозвучный,
Крик протяжный ямщика,
Зимней степи сумрак скучный,
Саван неба – облака!

Повинуясь объективным законам экономического развития, давно вымерли ямской и поддужноколокольный промыслы. Но сотни звонких изделий старых мастеров еще встречаются в разных уголках нашей страны, радуют совершенством формы и мелодичностью. Сегодня они сделались объектами коллекционирования. Сохранить эти предметы материальной культуры прошлого и использовать для изучения истории – благородное дело.

В России первое упоминание о колоколах в летописях относится к 988 г. В Новгороде они появились при церквях в самом начале XI в. В домонгольский период колокола существовали в Киеве, во Владимире на Клязьме (около 1170 г.), в Новгород-Северском, в Полоцке (1).

В Алтайском государственном краеведческом музее (АГКМ) коллекция колокольчиков небольшая – всего 32 предмета (рис. 1). Исследователи указывают, что самых разных колокольчиков существовало великое множество, однако классификация их представляет значительные трудности. Дело в том, что производство носило кустарный характер и каких-либо стандартов не было. Только по сохранившимся образцам и немногим документальным источникам можно судить о некоторых разновидностях (2, с.64).

Если попытаемся классифицировать наши колокольчики по назначению, то можно выделить подшейные – их три, бубенцы – тоже три, поддужные – 26.

Подшейные колокольчики трапециевидной формы выполнены из загнутого железного или медного листа. Они называются боталы, издают глухой звук, известны с глубокой древности; подвешивались на шею домашним животным при их свободном летнем выпасе. Им придавалось и магическое значение – играли роль оберега.

Поддужные колокольчики классической формы интересно сравнить с большими колоколами, у которых поперечник основания, или диаметр отверстия, равен его высоте с ушами.

Принято считать, что в России первым центром массового производства поддужных колокольчиков для продажи был г. Валдай Новгородской губернии. Город лежал на середине главной дороги страны, между двумя столицами: Петербургом и Москвой. Большие дорожные работы, проведенные в 1817-1834 гг., преобразовали ее в шоссе, по которому беспрерывно двигались повозки, обозы, мчались экипажи. На этой полноводной транспортной артерии Валдай процветал, развивал дорожные ремесла, крупно торговал, составляя серьезную конкуренцию новгородским купцам (3).

В Валдае было много кузниц, в среде кузнецов и зародился колоколотейный промысел. В 70-е годы XVIII в., когда с узаконением почтовой тройки колокольчик стал официальным атрибутом русской службы связи, Валдай получил статус города.

В начале XIX в. на колокольчиках стали обозначать год производства и отливать различные надписи, которые помогают исследователям восстановить основные вехи промысла. В нашей коллекции шесть колокольчиков гладкие, то есть не имеют надписей, вероятно, они самые старые, восемь датированы, 12 имеют надписи или рисунки. На каждом из них остановимся подробно,

уделяя особое внимание месту производства. По нашим предположениям, из Валдая у нас два колокольчика: один (оф. 10089) имеет надпись "Валдай", а второй (оф. 13117) – более подробную надпись: "Валдай Мастер Федор Алексеев 1873 года".

Самый ранний датированный колокольчик в нашей коллекции значится под № оф. 16885. По окружности читаем текст: "Мастер Илья Каркин... Слободском 1826". Наряду с Валдаем город Слободской принадлежал к числу самых старых центров поддужноколокольного промысла. Заложен Слободской в 1546 г. на берегу р. Вятки, в 35 верстах от г. Хлынова, так называлась тогда Вятка. Колокольный завод в Слободском, притом один из первых в России, основал в конце XVII в. Трифон Каркин, явившийся родоначальником целой династии мастеров. Первые подписанные поддужные колокольчики в Слободском изготовили в 1806 г. Лука Каркин и в 1807 г. Илья Трифионович Каркин (2, с. 90-91).

Девять колокольчиков в коллекции АГКМ – с пометками пурехских мастеров. И это не случайно. Пурех находился в северо-западной части Нижегородской губернии. Район издавна славился различными промыслами. Местные крестьяне Веденеевы и Трошины в 1830-1835 гг. были основателями колокольного промысла. В конце XIX в. этот район выдвинулся по производству колокольчиков на первое место в России. В начале XX в. пурехский колокольчик, по существу, единственный обращался на русском рынке. Этому способствовало падение промысла в связи со строительством железных дорог и сокращением ямского промысла в центральных районах страны. Периферия же по-прежнему нуждалась в колокольчиках и бубенчиках, которые охотно раскупались на Нижегородской ярмарке и отправлялись в Сибирь, Поволжье, Прикамье, на Север... В период наивысшего расцвета пурехского меднолитейного производства в районе действовало до 15 фабрик-мастерских и множество мелких кустарных заведений домашнего типа (2, с. 95).

Самой многочисленной была семейная династия Трошиных. Братья Макар, Алексей и Федор основали меднолитейный завод в 1847 г. Известны колокольчики, помеченные всеми братьями. Признанием пользовались колокольчики и бубенцы сыновей Макара Яковлевича Трошина – Федота, Михаила и Алексея.

В нашей коллекции колокольчик оф. 9937/4 имеет следующую надпись: "Завода "Нковъ" А.М.Трошина в селе Пурехе Нижегород.губ." Заведение Алексея Михайловича известно с 1891 г., оно было са-

Рис. 1. Из коллекции Алтайского краевого краеведческого музея

мым плодовитым среди трошинских предприятий. Завод производил поддужные (сибирские, валдайские), столовые, коридорные, подшейные колокольчики и бубенцы. В 1896 г. на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде продукция А.Трошина получила серебряную медаль. В 1902 г., после смерти владельца, заведение перешло к его наследникам – сестре Прасковье Макаровне и ее мужу Алексею, отсюда и надпись. “Нковъ” следует читать “наследников” и соответственно датировать колокольчик началом XX в. В 1908 г. это заведение на сельскохозяйственной выставке было награждено золотой медалью.

Довольно значительным меднолитейным предприятием района был основанный в 1879 г. завод колокольчиков и бубенчиков Егора Спиридоновича Ключикова, крестьянина деревни Остапово, расположенной в 2 км от Пуреха. Число рабочих достигало 25. Во всех списках завод Ключикова относили к фабрично-заводской промышленности. Он служил и своеобразной школой мастерства. За 35 лет изделия Ключикова неоднократно получали награды: в 1907 г. на выставке в Брюсселе – золотую медаль, в 1908 г. на 12-й Всероссийской выставке в Ростове-на-Дону – большую золотую медаль (за литые корабельные детали) и большую серебряную медаль, (за колокольчики), в 1913 г. в Риме – золотую медаль (за колокольчи-

Рис. 2.

Рис. 3.

ки). В 1914 г. предприятие было закрыто. В нашей коллекции четыре колокольчика (оф. 13288, 12886/2, 14426, 14005/5) имеют текст: “Завод Егора Спиридон. Ключикова в селе Пурехе Нижегород.губ.”.

Менее известны заведения Молевых, Макаровых, Ерохиных. В нашей коллекции имеется по одному колокольчику: с текстом “Мастер Андрей Молев 1879 г.”, на тулове четыре розетки с цветком (рис. 2); (№ оф 9987/8) – “Мастер Егор Макаров 1879”; колокольчик с трудно читаемым текстом, где четко отлиты слова “...Ерохин 1882 Пуриха”, по туловищу в трех розетках дано изображение Георгия Победоносца (рис. 3).

Георгий Победоносец на коне, поражающий дракона копьем, считался с 1856 г. гербом Московской губернии, но его охотно отливали на своих колокольчиках мастера и других центров промысла, особенно Слободского и Пуреха.

Излюбленным изобразительным мотивом были орлы, среди которых преобладали одноглавые на колокольчиках мастеров Валдая, Слободского, Касимова, Пуреха. В нашей коллекции колокольчик № оф 15044/3 на тулове имеет три розетки с изображением орла с короной, то есть герба России. А колокольчик под номером оф. 9937/3 имеет следующий текст: “1866 Лабзенков”. Лабзенковы известны как видные мастера по литью колокольчиков Касимовского района Рязанской губернии. К середине XIX в. Касимов стал соперником Валдая.

Как видим, мастера любили украшать поддужные колокольчики литыми надписями, рисунками. Хорошо, когда указан год, местонахождение предприятия, имя мастера. А вот колокольчик № оф. 13571 украшен только растительным орнаментом по окружности; на колокольчике № оф. 11276 изречение: "Купи, не скупись, с ним езд, веселись" - как бы воодушевляет того, кто его приобретет, или вот колокольчик (оф. 14005/1) с текстом: "М.А.-Трунов 1848". У этих колокольчиков или дату, или мастера, или место производства надо искать.

Значительным центром промысла в Западной Сибири считался уездный город Тюмень, через который проходил Сибирский тракт. Здесь знаменита династия Гилевых по отливу больших колоколов и колокольчиков. В середине XIX в. в Тюмени было два колокольных завода. Известностью пользовались колокольчики не только Гилевых, но и Михаила Полякова, Якова Серебренникова. В нашей коллекции два колокольчика сибирского производства: на одном из них сама за себя говорит надпись - "гор.Тюм. мещ.Яко.Сереб.1869 г". (оф 10872) ("город Тюмень мещанин Яков Серебренников. 1869 год"). Второй колокольчик, сибирский, резной, имеет широкий орнамент по всему туловищу (оф. 17230).

Теперь поговорим о типах колокольчиков и материалах для их изготовления. Разные типы отличаются друг от друга размером и плотностью (толщиной стенок). Они бывают обыкновенные (тонкостенные) и плотные (толстостенные). Колокольчики одного типа делятся по размерам, то есть по величине диаметра и высоте. Размеры характеризуются номерами: чем больше номер, тем меньше размер. На многих колокольчиках эти номера отлиты, как правило, внутри на цоколе. Поскольку размер колокольчика связан обратным соотношением с высотой звука, то номер определяет и высоту звучания: чем больше номер, тем выше тон. Но заметим, что у каждого типа колокольчика и каждого мастера была своя система номеров (2, с.67).

Два колокольчика нашей коллекции имеют отлитую надпись "С серебром" (оф. 13288, 9937/1). Специалисты показали, что увеличение доли серебра в колокольной бронзе не улучшает акустические свойства колокола, вопреки распространенному мнению. По всей вероятности, надпись "С серебром" свидетельствует о том, что эти колокольчики серебрились при изготовлении, но с течением времени слой серебра разрушился, а надписи остались. Подтверждением этому является второй колокольчик, он имеет черный цвет

(рис. 1, на заднем плане). Кроме того, при изготовлении в бронзу добавлено железо.

Иногда заказчик изъявлял желание, чтобы в сплав специально добавлялось серебро. Такое требование выполнялось неукоснительно, а колокольчики снабжались надписью “По особому заказу с серебром”. Заказные колокольчики были высокого качества (2, с. 68) В небольшой нашей коллекции имеется колокольчик с такой надписью, мы уже о нем говорили, он имеет на туловище изображение герба России (оф. 15044/3). Это самый лучший колокольчик коллекции. Кстати сказать, изображение герба страны на своих изделиях владельцы должны были заслужить, на это требовалось особое разрешение. Известно, что завод Н.Смирнова на Валдае, основанный его отцом в 1816 г., получил в 1840 г. за отливку колокола для Зимнего дворца привилегию на государственный герб для своих изделий (2, с. 89).

Как уже сообщалось, в нашей коллекции имеется три бубенца (оф. 10765/1-3). Бубенцы в России были распространены не меньше, чем колокольчики, и известны человеку с древнейших времен. В Новгороде при раскопках найден во всех слоях с X по XV вв. Бубенец, бубенчик, шаркунец – это предмет в виде полого шара с небольшими отверстиями и прорезями, внутри которого перекачивается маленькая дробина. Бубенцы прикреплялись к одежде людей, к животным, ловчим птицам, к предметам в жилых помещениях, к повозкам, игрушкам. Они не только украшали одежду, но и служили оберегом, защитой от злых духов. Звук был приглушенным, поэтому их стали использовать в XIX в. в конской упряжи, когда частным лицам стали запрещать использовать поддужные колокольчики. Бубенцы можно было подвешивать на каждую лошадь упряжки в неограниченном количестве. Они выполняли не столько сигнальную, сколько чисто художественную функцию. Иногда на шею лошади надевали ошейник с бубенцами, подобранными по размеру (а следовательно, по тону, в “гамму”), то есть в созвучную группу, издававшую удивительно мелодичные звуки (2, с. 71).

Говорить о музейной коллекции нельзя, не сказав ни слова о способе ее комплектования. В основном, это случайные находки жителей нашего города, края. Интересно, что один из колокольчиков найден на Ямской усадьбе Белоярска.

Интересно отметить и то, что путешественники и исследователи Алтая отмечали наличие колокольного производства в Бар-

науле в XVIII-XIX вв. Так, например, П.С.Паллас, посетив Барнаул в 1771 г., нашел здесь колокольное литье, стеклянную фабрику и паровую машину механика Ползунова. Н.М.Ядринцев из обзора частной заводской промышленности в Барнауле назвал содовый завод Пранга, завод Функа по изготовлению дробы, колокольный завод Вяткина, крупчатый завод Платонова и К° и другие (4). Так что тема по колокольному производству в г.Барнауле пока только обозначена.

С вырождением почтовых трактов поддужноколокольный промысел начал затухать. Во второй половине XIX в. железнодорожный транспорт стал оттеснять ямщичество, а вместе с ним и поддужный колокольчик, во все более глухие уголки России, в северные леса, сибирскую тайгу. Правда, значительное количество колокольчиков и бубенчиков еще покупалось в деревнях для украшения праздничной упряжи на масленицу или на свадьбу. И все же спрос на этот товар резко сократился еще в XIX в.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Энциклопедический словарь./ Издатели Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон.- СПб., 1895.- Т.XVa - С. 722.
2. Ганулич А.К. Слышен звон бубенцов издалека... - М.: Советская Россия, 1990.
3. Духин И.А. Валдайские колокольчики // Памятники отечества. - 1990. - № 2.
4. Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горно-Алтайский округ Н.М.Ядринцева. // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. - Омск: 1880. -Книга 2. - С.51.

Л. П. Смокотина

СИБИРСКИЙ ФАРФОР В КОЛЛЕКЦИИ КЕМЕРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Смокотина Любовь Пантелеевна, главный хранитель Кемеровского областного краеведческого музея

Фарфор в Европе долгое время оставался раритетом и хранился и собирался как редкость. Сначала собирался восточный фарфор, а затем и новый европейский, так что в XVIII в. коллекционирование было одной из главных форм бытования фарфора. Для него строили дворцы, создавали специальные комнаты. Главная функция первых фарфоровых производств – репрезентативная. Россия третье государство в Европе, самостоятельно освоившее произ-

водство твердого фарфора в подражание мейсенскому.

В коллекции Кемеровского областного краеведческого музея около 600 предметов из фарфора, фаянса, майолики. Систематического пополнения коллекции не велось – она пополнялась, в основном, в результате единичных даров и закупок. До сих пор возможности систематического пополнения коллекции у нас нет. Наибольшую группу представляет русский и советский фарфор, есть редкие вещи Востока и Западной Европы. Вся коллекция имеющегося фарфора по хронологии охватывает период XIX - XX вв. Лишь несколько предметов датируются XVIII в.

Располагая огромными богатствами, Сибирь на протяжении многих столетий оставалась отсталой окраиной России, имевшей полукустарную промышленность. В XIX в. близ города Иркутска работало несколько фарфоровых предприятий. Возникли они благодаря предприимчивым людям – купцу Сыропятову, братьям Переваловым, В. Катышевцеву, братьям Рождественским, В.Ф. Макавееву и другим. К началу 1880-х гг. купец Сыропятов выстроил вблизи Иркутска на реке Ушаковке фаянсовый завод, затратив на него двадцать тысяч рублей. Братья Переваловы, восточносибирские мукомолы и доставщики, познакомившись с Сыропятовым, предложили ему привозить глину из реки Белой, впадающей в Ангару. Эта глина оказалась по своей огнеупорности качественнее, и фаянс

стал значительно лучше. Тем не менее Сыропятов повел свои дела неумело, и его завод, просуществовав лет пять, перешел за долги к братьям Переваловым. С того времени совершенно случайно Переваловы сделались фарфоровыми фабрикантами. Дела их на первых порах шли тоже плохо, пока один из братьев не съездил в центр России и не привез оттуда трех мастеров-специалистов. Начиная с 1866 г., в Сибири, кроме фаянса, стал производиться и фарфор.

В начале 1870-х гг. этим же делом занялся и известный миллионер В.Катышевцев. Для этого он затратил до двухсот тысяч рублей, и его фарфор оставил далеко за собой переваловский. К концу 1870-х гг. появляется под Иркутском и третий завод – Еловский, братьев Рождественских, близ села Еловки, в 50 верстах от Иркутска. Один из Рождественских учился фарфоровому производству на Императорском заводе, а другой – бывший главный управляющий фабрики в Лиможе и на знаменитых Севрских заводах во Франции. Позже в Иркутске магазин Рождественских сгорел, в 1888 г. завод был описан за долги и опечатан.

Переваловский фарфоровый и фаянсовый завод славился в то время тем, что при заводе образовался целый городок в тысячу душ населения, едва ли не единственный фабричный городок в Сибири. Благодаря жене владельца Е.А. Переваловой в 1880 г. при заводе была организована школа для мальчиков и девочек, посещаемая 50 учениками и ученицами. Все ученики и ученицы до двух часов учились в школе, а после обеда у мастеров фабрики. Кроме практического изучения фарфорового производства, ученикам по вечерам и в праздничные дни одним из управляющих фабрикой читались лекции по этому производству. Жалованье у рабочих было от 12 до 30 рублей в месяц, и состояли они на хозяйских харчах. Сдельные мастера зарабатывали от 40 до 100 рублей. Сбыт переваловских изделий осуществлялся, главным образом, в Восточной Сибири, куда привоз фарфора и фаянса из России совершенно был прекращен. Владельцами фабрики, чтобы организовать сбыт в Западной Сибири, была предпринята попытка открыть магазин в Томске, где этот фарфор продавался со скидкой 20 процентов по сравнению с иркутскими ценами (1).

Завод братьев Рождественских и Попова существовал в 60-х гг. XIX в. близ Иркутска. Вырабатывался фарфор. Известна красная надглазурная марка в виде надписи “Ф. бр. Р. и П.” (2, с. 132).

Завод Щелкунова и Метелева основан в 1889 г. близ станции Половина Сибирской железной дороги, бывшего Иркутского уезда. В 1914 г. на заводе было 200 рабочих. Вырабатывались фарфор и фаянс, чайная и столовая посуда, туалетные и кабинетные

вещи, игрушки, изоляторы, огнеупорные кирпичи (2, с. 131). В музее хранится редкий экземпляр фаянсовой продукции этого завода – кружка-шутиха с отверстиями, из которых можно выпить жидкость не облившись только особым способом. Изделие цилиндрической формы, с утолщенным округлым венчиком, дно плоское, ручка С-образная, округлая, стилизованная под ветку дерева. На тулове, ручке и по венчику имеются округлые отверстия. Поверхность изделия рельефная, роспись подглазурная, имитирует ствол березы. На тулове рельефная надпись: “Напейся, но не облейся”. Рекомендация: чтобы из кружки-шутихи напиток и не облиться, надо правой рукой закрыть отверстие на ручке внутри вверху, левой рукой закрыть три отверстия над словом “напейся”. Высота изделия 14 см, диаметр 9,5 см.

Наша историческая справка будет неполной, если мы не упомянем об усольских (Иркутская губерния) кустарях, производивших фаянсовую посуду. Развитию усольского кустарного промысла содействовал В.Ф. Маккавеев, управляющий Усольским солеваренным заводом, который выучился по книгам лучшим приемам ручного производства фаянса. У господина Маккавеева был собран целый музей образцов фарфоровых и фаянсовых произведений усольских мастеров от самых простых до весьма хороших и изящных, мало уступавших фабричным произведениям (1).

Итак, в 1870-х гг. в устье реки Хайты, при впадении ее в реку Белую (близ Бельского острога, неподалеку от дома декабриста Громницкого), глубоко и прочно пустило корни фарфоровое производство, именуемое позже как “Хайтинский фарфор”. Продукция этого производства представлялась на Всероссийской художественно-промышленной выставке в 1896 году в Нижнем Новгороде. В 1906 г. фабрика была награждена золотой медалью в Антверпене (Бельгия). Изделия этой фабрики успешно конкурировали в восточной части России с “Товариществом М.С.Кузнецова”. В 1920 г. фабрика была национализирована, частично реконструирована. В 1925 г. построены формовочный и горный цеха с первой в России тоннельной печью системы И. Емельянова. Хайтинский фарфор до сих пор славится белизной, он едва ли не самый белый в России.

В нашей коллекции имеется 16 изделий Хайтинского фарфорового завода (п. Мишелевка Иркутской области). Наиболее интересными являются:

ваза цветочная цилиндрическая, с зауженным основанием, округлым плечиком, плавно переходящим в высокое горло. Дно вогнутое. Ваза белая, декорирована силуэтами деревьев с мелки-

ми золотыми шарами на ветках. Деревья черные и оранжевые. Роспись подглазурная. Высота 20 см, диаметр 8 см;

ваза декоративная пирамидальная, с округлыми ребрами. Горло с едва отогнутым фигурным венчиком. Ваза белая, по тулову горошины оранжевого цвета, по венчику отводка золотом. Высота 7,7 см, диаметр 4 см;

штоф в форме параллелепипеда, зауженного книзу, с округлыми гранями и плечиком. Дно плоское. Горло конусообразное, пробка округлая. Штоф белый. На тулове с обеих сторон стилизованные под узор оранжевые буквы "Ф" (фарфор), "Х" (Хайта). Буквы одна над другой в окаймлении трех оранжевых ромбов. По горлу обводка золотом. Высота 16 см, ширина 8 см;

кубок в виде вертикального параллелепипеда с округлыми углами, ручки стилизованы под лавровые ветви. Кубок покрыт люстровыми красками с радужными оттенками серебристо-золотого цвета. Роспись ручная. Кубок декорирован кедровыми ветками зеленого цвета с золотыми снежинками и коричневыми шишками. Вверху геральдический щит города Иркутска, в середине щита бегущее мифологическое животное, держащее в зубах соболя. Изделие серийное, выпущено по случаю дней культуры Кузбасса в Иркутской области в 1985 г. Высота 35 см.

Большую часть сибирской фарфоровой коллекции – 257 единиц – составляет свой, кузбасский фарфор. На территории нашей области работает Прокопьевский фарфоровый завод – первое крупное предприятие в Западной Сибири, выпускающее художественный фарфор. 3 апреля 1973 г. он вступил в строй со способностью выпускать в год 55 миллионов предметов столовой и кухонной посуды. Производство тарелок он начал 4 мая 1973 г. Продукция маркировалась стилизованной шахтерской лампой. Но в 1975 г. была разработана новая марка, и лампа была заменена на оленя. Думаю, что эта замена необоснованна. Ведь силуэты лосей и оленей на продукции заводов есть уже у Артемовского

Кружка - шутиха завода Щелкунова и Метелева. Конец XIX века

Кубок, посвященный Дням культуры Кузбасса в Иркутской области. Хайтинский фарфоровый завод, 1980-е гг.

Блюдо декоративное в честь 60-летия со дня рождения первого секретаря обкома КПСС А. Ф. Ештокина. Прокопьевский фарфоровый завод. 1973 г.

фарфорового завода (Приморский край), Башкирского фаянсового завода, Городницкого фарфорового завода (Украина), Дмитровского фарфорового завода (Московская область), Кузнецкого фарфорового завода (Московская область) и других.

В 1983 г., к 10-летию завода, прокопчане выпустили фирменный знак в виде круглой плакетки с выпуклым стилизованным оленем. Четверть века завод выпускает нарядные чайные и столовые сервизы, яркие подарочные чашки и чайники, оригинальные вазы, блюда и сувениры. Своеобразное композиционное решение, насыщенный колорит отличают роспись прокопьевских художников. Словно сама Сибирь, напоенная красотой рек, долин, лесов, вдохнула душу в фарфор, наполнила его ароматом живой природы. Более 200 рисунков-фантазий создано замечательными мастерами росписи по фарфору: А. И. Прочко, Л. Н. Володькиным, С. И. Бурковым и другими. Удивительны и разнообразны формы изделий: "Колосс", "Кузбасс", "Застольная", "Кадриль", "Каменный цветок", "Кристалл", "Теремок".

Из изделий мелкой пластики очень высокую оценку у специалистов получила скульптура "Олимпийский мишка-боксер", исполненная в виде фигуры медведя, стоящего на

задних лапах. Передние лапы в боксерских перчатках, правая поднята вверх, левая опущена вдоль туловища. Медведь белый. Перчатки, пояс с пятью кольцами покрыты позолотой. Глаза, нос, губы зверя черные. Изделие разработано на Дулевском фарфоровом заводе. Расписывалось вручную бригадой живописцев Рамили Янышевой. Выпуск был освоен к XXII Олимпийским играм, проходившим в 1980 г. в Москве.

Уникальным для нашей области является блюдо декоративное, которое было передано из семьи Афанасия Федоровича Ештокина (1913-1974) – первого секретаря Кемеровского обкома КПСС с 17 января 1963 г. по 19 августа 1974 г. Блюдо круглое, на двух кольцевых ножках. Борт прямой. Белое. На зеркале герб г. Прокопьевска с текстом в три строки: “Дорогому Афанасию Федоровичу от трудящихся Прокопьевска в день шестидесятилетия. 1973 г.”. Борт изделия поделен на прямоугольники и треугольники со стилизованным изображением видов деятельности и культурной жизни г. Прокопьевска: театр, хоккей, фарфоровое производство, ЛЭП, школы. Всего изображений около двух десятков. В изделии присутствуют зеленый, коричневый, палевый, желтый, красный и золотистый цвета.

В коллекции представлено несколько сервизов. Наиболее оригинальным является прокопьевский чайный сервиз, состоящий из двадцати предметов. Сервиз удостоен государственного Знака качества. Форма “Кузбасс”, автор формы Л.Н. Володькин. Рисунок “Пурпуровый”, автор рисунка Н.Д. Володькина. Изделие рельефное, украшено красивыми розанами. Торжественную нарядность сервизу придает обильная позолота. Заметно выделяется в сервизе чайник доливной, вместимостью два литра жидкости.

В коллекции также присутствуют изделия экспериментального завода художественной керамики “Богашевская керамика” (Томская область) и Красноярской фарфоро-фаянсовой фабрики.

Коллекция музея далеко не полная, поэтому необходимо разработать перспективный план ее комплектования: ведь комплектование массового фарфора должно быть четко ограничено задачами музея как хранителя и популяризатора истории материальной культуры.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Сибирская газета//1889 г.– 21 февр.– С. 9-10.
2. Салтыков А.Б. Русская керамика XVIII - XIX века.– М.: Госуд. изд-во культурно-просветит. литературы, 1952.

Е. В. Лежнева

СИБИРСКИЕ МОНЕТЫ В НУМИЗМАТИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ

Лежнева Елена Викторовна, научный сотрудник Кемеровского областного краеведческого музея.

Нумизматическая коллекция Кемеровского областного краеведческого музея насчитывает около семи тысяч единиц и занимает по праву важное место в фондах. Монеты специального выпуска, предназначенные для хождения на территории Сибирской губернии, представлены 60 монетами. Как видно из приведенных данных, сибирские монеты занимают в нумизматической коллекции нашего музея особое место ввиду их немногочис-

ленности, а также в силу специфики выпуска.

Комплектование нумизматической коллекции в музее было начато с момента его организации и продолжается в настоящее время. Особый интерес к сибирским монетам обусловлен самим назначением специального выпуска данных монет и ограничением по времени и тиражу.

Указ Сената о чеканке специальной монеты для Сибири был подписан императрицей Екатериной Второй 7 ноября 1763 года (1). Монетная стопа утверждена именным Указом от 5 декабря того же года: для всех номиналов (от полушки до 10 копеек) 25 рублей из одного пуда меди, в отличие от общегосударственной монетной стопы в 16 рублей (2, с. 408).

Данное расхождение было обусловлено тем, что для чеканки сибирской монеты использовалась медь Колыванских рудников, в которой содержалась примесь серебра, а иногда и золота. Технически разделение металлов в XVIII веке было нерентабельно ввиду незначительного количества примеси драгоценных металлов (3).

Время выпуска сибирской монеты – 1763-1781 гг. Пробные образцы монет с обозначением Колыванского монетного двора были изготовлены на Санкт-Петербургском монетном дворе в 1763-1764 годах и являются редкими.

*Лицевая сторона сибирской монеты номиналом 10 копеек.
1777 г.*

*Оборотная сторона сибирской монеты номиналом 10 копеек.
1777 г.*

Для чеканки монет был построен Колыванский (Нижнесузунский) монетный двор на основе медеплавильного завода, расположенного на притоке реки Оби в Нижнем Сузуне, в 130 верстах к северо-западу от Барнаула. Перевозка сибирской меди в европейскую часть Российской империи была дорогостоящей, и поэтому было рациональнее чеканить монету на месте.

Сузунский завод начал работать в 1764 году, а через два года, в 1766 году, монетный двор стал чеканить монету (4).

Внешнее описание сибирской монеты отличалось от общероссийской (5). На лицевой стороне был изображен вензель императрицы Екатерины II, составленный из литеры "Е", цифры "II" в обрамлении венка из ветвей лавра и дуба, перевязанных внизу бантом. Вверху большая императорская корона. Под вензелем обозначение места чеканки монеты "К М" (колыванская монета). На оборотной стороне изображен фрагмент герба Сибири: два соболя, стоящие на задних лапах, держат овальный щит, увенчанный городской короной. На щите обозначен номинал прописью, ниже — год чеканки. На монетах номиналом полушка на оборотной стороне вместо соболей изображен картуш с обозначением номинала. Гуртовая надпись "Колыванская медь", разделенная чередующимся узором, присутствует на монетах достоинством 2, 5 и 10 копеек 1763-1767 годов выпуска. В том же 1767 году был начат выпуск монет со шнуровидным гуртом (6).

Наличие сибирских монет в нумизматической коллекции музея демонстрирует таблица. В данной таблице представлены си-

Оборотная сторона сибирской монеты номиналом 5 копеек.
1777г.

Лицевая сторона сибирской монеты номиналом 5 копеек.
1777г.

Виды сибирских монет

Год чеканки	НОМИНАЛ						Всего видов
	полушка	деньга	копейка	2 коп	5 коп	10 коп	
1767	-	-	-	-	3	-	3
1768	-	-	1	-	-	3	4
1769	-	1	1	1	3	-	6
1770	-	-	-	-	1	4	5
1771	1	-	2	-	3	-	6
1772	-	1	-	1	2	-	4
1773	-	-	-	-	3	1	4
1774	-	1	-	-	1	1	3
1775	-	-	1	-	4	1	6
1776	-	-	-	-	-	2	2
1777	-	-	1	-	2	1	4
1778	-	-	-	-	3	-	3
1779	-	-	-	-	2	2	4
1780	-	-	-	-	-	3	3
1781	-	-	-	-	-	2	2
без указ. года (утрачен)	-	-	-	-	-	1	1
ИТОГО	1	3	6	2	27	21	

бирские монеты по номиналу и году чеканки, одиночных поступлений и в составе клада. Одиночные поступления рассматриваемых монет имели случайный характер.

Клад сибирских и общегосударственных медных монет Российской империи поступил в музей 1 октября 1987 года. В кладах 213 медных монет, но, по неофициальным данным, в нем содержались и серебряные монеты. Место находки клада – село Балахнино Красносельского сельсовета Яшкинского района Кемеров-

В. М. Лавринович дает интервью о находке клада сибирских монет оператору Кемеровского телевидения Ю. Я. Светлакову и сотруднику областного музея Л. Ф. Кузнецовой.

с. Балахнино, Яшкинского района. 1987 г.

ской области. Монеты были обнаружены при копке картофеля местным жителем.

В кладе содержатся монеты общегосударственные и монеты специального выпуска, предназначенные для хождения в пределах Сибири. Хронологически клад охватывает период с 1759-го по 1812 год. Место чеканки монет: Екатеринбургский и Колыванский монетные дворы, на монетах 1759-1761 годов (время правления императрицы Елизаветы Петровны) монетный двор не указан. В данном кладе насчитывается 43 сибирские монеты.

В нумизматической коллекции Кемеровского областного краеведческого музея представлены подлинные сибирские монеты 1767-1781 года выпуска, все они имеют шнуровидный гурт.

Характеризуя в целом сибирские монеты, можно указать на отсутствие монет 1763-1766 годов чеканки, что объясняется их высокой степенью редкости.

Наиболее полно представлены монеты номиналом 5 копеек – 27 единиц 1767, 1769 -1775, 1777-1779 годов. Выпускалась же данная монета в период с 1764-го по 1780 год. Причем все монеты этого номинала входят в состав клада, то есть единичных поступлений сибирских монет 5 копеек в коллекции не имеется.

Монета 10 копеек чеканилась в 1764-1781 годах (самый продолжительный период времени) и представлена 15 единицами в составе клада и шестью единичными поступлениями. Данный номинал представлен в нашей коллекции по годам: 1768, 1770, 1773-1777, 1779-1781-й.

В составе клада присутствуют две монеты 1781-го, последнего года чеканки указанного номинала и вообще специального сибирского выпуска.

В (2) эта монета значится под номером 4285 и имеет обозначение как "не совсем обыкновенная монета" (2, с. 338).

В указанном кладе монета номиналом 2 копейки 1772 года чеканки – единственная. Монета достоинством полушка чеканилась в 1766-1779 годах.

В нашем музее она представлена в одном экземпляре 1769 года. К сожалению, способ и источник поступления неизвестен. В (7) она не обозначена степенью редкости, хотя в (2, с. 337) данная монета значится как "не совсем обыкновенная монета" под номером 4218.

Монета достоинством "деньга" выпускалась в 1764-1779 годах. В нумизматической коллекции она представлена тремя годами – 1769, 1772, 1774-й.

Копейка имеется в количестве шести монет 1768, 1769, 1771 (2 единицы), 1775-го и 1777 годов чеканки. Все монеты – единичных поступлений.

Номинал 2 копейки представлен двумя монетами 1769-го и 1772 года выпуска. Вторая входит в состав клада. Время чеканки данного номинала – 1764-1780 гг.

Последние поступления сибирских монет относятся к 1994-му и 1997 году. Это монеты 10 копеек 1780 года выпуска и копейка 1771 года. Обе монеты были найдены при копке огорода местными жителями: первая – в селе Проскоково Юргинского района Кемеровской области, вторая – в селе Чесноково Ленинск-Кузнецкого района.

Интересно, что в селе Проскоково в 1859 году значилось 285 жителей и через него проходили Московский и Кузнецкий тракты. В Чесноково в 1859 году проживало 130 человек (8).

В июле 1994 года в Юргинский район выезжала экспедиция Кемеровского областного краеведческого музея, в состав которой входила и автор данной статьи.

Научное описание нумизматической коллекции было начато О.Г. Чулковым как этап подготовки к научной инвентаризации,

на данное время ее прошло более шести тысяч монет. Анализ сибирских монет является одним из направлений научной работы с нумизматической коллекцией нашего музея. Исследование монеты не только как средства денежного обращения, но и как материального свидетеля развития государства, техники, искусства, быта дает возможность более полного представления истории нашего края и в целом Российского государства.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Исаева Л.А. Из истории Сузунского медеплавильного завода// Сборник статей "75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею". – Новосибирск, 1995. – С. 104.
2. Узденников В. В. Монеты России. 1700-1917// Под ред. В. Л. Янина. М.: Финансы и статистика, 1985.
3. Спасский И. Г. Русская монетная система. – Л., 1962. С. 178.
4. Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700-1860-годах. – Новосибирск, 1963. – С. 69.
5. Зварич В.В. Нумизматический словарь. – Львов, 1975. – С. 115.
6. Тальская О.С. Уральские и сибирские монеты. – Свердловск, 1959. – С. 14.
7. Гиль Хр. Таблицы русских монет двух последних столетий: Практическое руководство для собирателей. – СПб., 1998. – С. 38.
8. Мытарев А. А. От Абы до Яи. – Кемерово: Кемеровск. книжн. изд., 1970. – С. 202.

Т.Н. Будилова

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ АИК “КУЗБАСС”

(по материалам Кемеровского областного краеведческого музея)

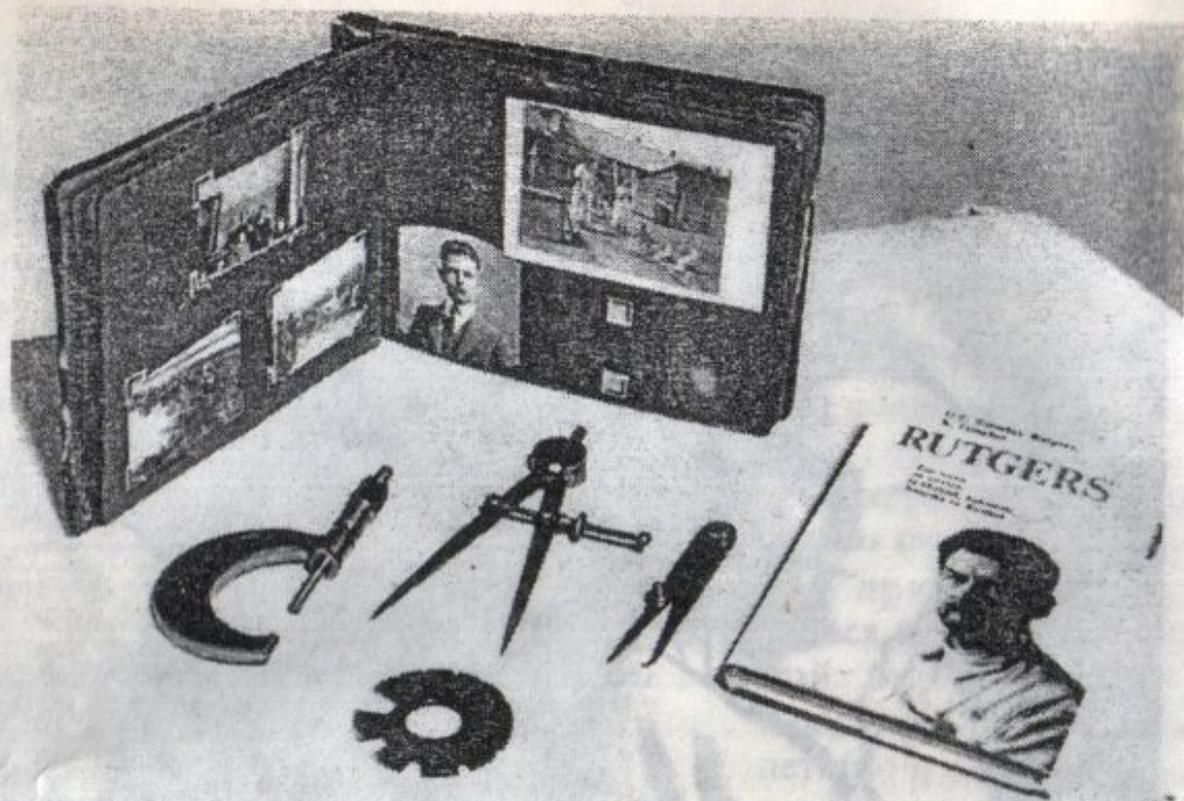
Будилова Татьяна Николаевна, зав. отделом истории советского периода Кемеровского областного краеведческого музея

Одной из ярких страниц в истории нашего края явилось создание Автономной индустриальной колонии “Кузбасс”. Семьдесят восемь лет прошло с тех пор, когда был подписан договор с организационной группой колонии, выросло не одно поколение людей, когда первые иностранные рабочие и специалисты ступили на сибирскую землю.

Автономная индустриальная колония “Кузбасс” сокращенно называется АИК “Кузбасс”. Об истории колонии написано много книг, статей, диссертаций, именами деятелей колонии в городах страны, в том числе и в Кузбассе, названы улицы. Тем обиднее сознавать, что мало известно об этой странице истории края нашим землякам. Перед неоднократно проведенными лекциями, экскурсиями на вопрос: “Что вы знаете об АИК “Кузбасс”?” – почти всегда следует отрицательный ответ, а дети вообще об этом ничего не знают, только старшеклассники иногда вспоминают телевизионную программу, которая существовала на Кемеровском телевидении – Агентство Информации Кузбасса и наперебой стараются блеснуть знаниями.

Фонды Кемеровского областного краеведческого музея представлены следующими видами исторических источников по теме АИК “Кузбасс”, которые комплектовались в основном по персональному признаку за все время существования музея и насчитывают более 200 единиц хранения: 1. Фотографии, негативы фотографий, фотоальбомы, открытки; 2. Документы – служебные, персональные, письма, записные книжки; 3. Книги – техническая литература, научно-популярная, брошюры; 4. Вещи – технический инвентарь, сундук, значки, правительственные награды; 5. Газеты.

Изучая музейные фонды, мы используем их в нашей работе: проводим лекции, экскурсии, викторины, занимаемся созданием и открытием новых выставок. Например, к семидесятилетию колонии АИК “Кузбасс” в октябре 1991 г. была подготовлена юбилейная выставка и совсем недавно – к восьмидесятилетию г. Кеме-

Фотоальбом семьи Косс, рассказывающий о сибирском периоде жизни 1922-1926 гг.

Слесарные инструменты Ж. Байскича - Зинченко Г.Г.

Книга "Рутгерс", рассказывающая о жизни и деятельности директора колонии АИК "Кузбасс", на голландском языке. Авторы дочь и зять С.Ю. Рутгерса - Г.Трингер, К.Трингер

рово. На выставках было представлено немало интересных экспонатов – документов, вещей, фотографий первых колонистов, стекавшихся в Советскую Россию со всех концов земного шара, всего того, что представляет наибольший интерес, историческую ценность, музейную значимость. Эти люди брались за выполнение ряда сложных и трудных проектов. Они отправились в далёкую, неизвестную Сибирь с насиженных мест не за наградами и славой, а для оказания посильной помощи в восстановлении народного хозяйства.

Не будем сейчас давать строгих оценок этому движению, но одно бесспорно, что такой поступок для колонистов был подвигом. Среди них мало было таких, которые искали приключений и видели в этом только романтику, в большинстве своём они искренне хотели помочь нашим людям и считали это своим долгом.

Готовясь к выставкам, просматривая музейные фонды, понимаешь уникальность собранного материала. Каждый экспонат

Нелл и Коос Фис. 1922 г., г. Амстердам. Перед отъездом в Сибирь

бесценен, он несёт большой поток информации, о каждом можно говорить долго и самозабвенно, но нас особенно заинтересовали некоторые из них. Например, судьба молодых людей со свадебной фотографии, сделанной в 1922 г. в г. Амстердаме перед отъездом в Сибирь. Как они оказались в наших краях? Как в дальнейшем сложилась их судьба? Эта фотография и ряд других из фотоальбома (оф. 7259), на страницах которого как завлекательный рассказ, повествующий о годах, проведённых молодой супружеской парой и их друзьями в г. Кемерово, который до 1932 г. назывался Щегловском, доносят до нас дыхание и ритм зарождающегося промышленного центра России, привлекшего к себе внимание всего мира. Молодоженов звали Коос и Нелл Фис (из Амстердама). Они были молоды и жизнерадостны: в то лето 1922 г. ему исполнилось двадцать шесть, ей чуть меньше. Коос только что защитил инженерный диплом. Правда, к защите ему пришлось готовиться в несколько необычных обстоятельствах: его упрятали в тюрьму за отказ служить в колониальной армии Голландии. В политике Коос, по существу, едва начал разбираться. Но ему посчастливилось: он сблизился с Рутгерсом – организатором и

*Сундук (корф), принадлежавший
одному из американо-русских рабочих.
Бытовал в семье А.И. Журкина
Передан в музей в 1988 г.*

руководителем колонии. И когда Рутгерс сообщил Фису, что есть возможность поехать в Россию, чтобы помочь русским строить новую жизнь, тот без колебаний согласился. Правда, в глубине души его грызло сомнение: он-то сумеет перенести всё, с чем придётся столкнуться в этой разорённой вконец стране. Коос – сын кучера, его детство и юность были суровыми. Но каково придётся Нелл? Ведь

она настоящая дама, родилась в состоятельной семье, привыкла к уютной, обеспеченной жизни. А в России, говорят, голод, люди едят древесную кору, их замучили вши. Нелл обиделась, когда Коос однажды вечером выложил перед ней свои сомнения. Какие у него основания для таких мыслей? Она сильная и упорная не меньше, чем сам Коос, и жизнь это доказала.

И вот наступил май 1922 года. Коос и Нелл на пароходе “Варшава” отправились из Амстердама в неведомую Россию. Пункт прибытия – г. Петроград. В порту была устроена торжественная встреча с флагами, с оркестром и митингом.

Потом был Надеждинск – это Северный Урал, там металлургический завод. В альбоме, указанном выше, есть фотографии, датированные 1922-1923 г. Потом Кемерово, жили в огромном доме-коммуне, сооружённом американскими плотниками, работали буквально до упаду и всё делили по-братски. Как было обусловлено в составленном договоре, каждый привёз с собой двухлетний запас продовольствия – консервы, сахар, чай, кофе... Но когда увидели, что люди вокруг страдают от голода, единогласно постановили: отдать весь запас еды в детские дома, а самим питаться так же, как и русские рабочие.

Жизнь в колонии была сурова. Работали день и ночь. Восстанавливали машины, рубили в шахтах уголь кирками, привезёнными из Америки, строили первые коксовые батареи. Данный период их жизни наиболее полно отражён в том же фотоальбоме.

Благодаря умелому руководству дела АИК «Кузбасс» шли в гору. Она помогла восстановить экономику не только этого района – её коксом снабжались все домы Урала. Рутгерс был отличным хозяйственником, он глядел далеко вперёд и уже в августе 1925 г. составил записку «Тельбес», в которой обосновал необходимость приступить к сооружению в Кузбассе металлургического завода. Как известно, эта идея была осуществлена в годы первой пятилетки.

Автономная индустриальная колония «Кузбасс», выполнив свою миссию, влилась в систему общегосударственных промышленных объединений. Но многие колонисты, и в том числе Коос и Нелл Фис, считали, что возвращаться на родину ещё рановато. И вот в 1927 г. семейство Фис оказывается под Москвой. Коос и Нелл работают на машиностроительном заводе в Мытищах, а живут в Тайнинке.

После Мытищ был Новочеркасск. В деле Фисов хранится фотография 1934 года, на которой изображён Коос за столом в домашнем кабинете. Затем Харьков. И этот период жизни Фисов отражен в фотографиях. Там Коос в тридцатых годах работал на машиностроительном заводе. С годами приходит опыт. Фиса теперь уважали, как выдающегося специалиста: он начал здесь мастером инструментального цеха, а закончил техническим директором. У Нелл тоже интересная работа: она преподаёт английский язык в харьковском институте.

Персональный фонд семьи Фисов в фондах нашего музея представляет собой фотографическую летопись этой семьи.

Просматривая фотографии, перелистывая страницы альбома, чувствуешь по всему, что это было хотя и трудное, но счастливое время.

О возвращении в Голландию они уже и не помышляли – слишком глубоко ушли корни в российскую землю. Мало кто знает, например, что именно Коос Фис сконструировал портативный ветродвигатель для папанинцев – он поработал на льдине дрейфующей станции «Северный полюс № 1». В 1941 г. Коос был поглощен установкой нового пневматического молота, с помощью которого завод должен был увеличить объем производства. И тут война. Гитлеровцы приближаются к Харькову. Коос день и ночь пропадает на заводе, Нелл в отрядах самообороны. Получен приказ: немедленно эвакуироваться в г. Ижевск. Нелл захватила лишь самое необходимое, уходит с детьми к заводскому эшелону. Погрузка в вагоны проводилась в лихорадочном темпе.

Коос приходит в последнюю минуту. У него почерневшее от горя лицо: он только что собственными руками взорвал своё детище – пневматический молот. Трудностей было очень много, но надо было жить, растить детей, да и дела на фронте к 1943 г. пошли веселее. Гитлеровцы отступали. Ижевск и сотни других про-

мышленных городов помогали ковать победу. 30 мая 1943 г. завод досрочно выполнил важное правительственное задание. Была получена благодарственная правительственная телеграмма.

Коос Фис выглядел именинником. Он без пальто носился из цеха в цех, произносил речи. В этот день его продуло сквозняком, и он тяжело заболел. Врачи ничего не могли поделать. 20 июня 1943 г. голландский инженер Коос Фис, ветеран АИК "Кузбасс", скончался в Ижевске. Нелл с детьми после смерти мужа ещё год прожила в этом городе. А в 1944 году о судьбе семьи узнал каким-то образом Георгий Димитров и вызвал их в Москву. Энергичная Нелл снова стала преподавать иностранные языки, дети учились. По правде говоря, где-то на самом доньшке души у Нелл время от времени просыпалось желание увидеть узкие улочки и каналы родного города, отведать молодой селёдки, которую в июне привозят с моря рыбаки, – родина есть родина. Но Нелл всегда гасила это желание: так много пережито на русской земле, так много друзей приобретено, что кажется уже немыслимым покинуть эту страну. Да и дети уже взрослые, они знают Голландию лишь по отрывочным рассказам родителей. Однако, взвесив все "за" и "против", Нелл Фис с детьми в 1948 г. все-таки вернулась на родину.

Вот такая сложная и интересная судьба этой семьи. В мае 1966 г. Нелл вместе с другими ветеранами колонии побывала в г. Кемерово. В эти дни она снова пережила ни с чем не сравнимое, никогда не забываемое возвращение в юность, а прощаясь с городом, увозила с собой вместе с многочисленными подарками и сувенирами частицу его щедрой души, память о взволнованных встречах с его людьми.

В июле 1984 г. в составе поезда "Дружба" с группой туристов приезжал сын Кооса Владимир Фис, который в качестве подарка и передал сотрудникам музея реликвии своей семьи.

Конечно, о людях, запечатлённых на фотографиях, также как и о каждом экспонате, хранящемся в фондах музея по теме, связанной с АИК "Кузбасс", можно говорить много и самозабвенно: записная книжка, редкие фотографии, которые относятся к сибирскому периоду и последним годам жизни колонии, документы, касающиеся организации и деятельности колонии, подписанные рукой С. Рутгерса; волнующая летопись АИК "Кузбасс", подробно и обстоятельно изложенная в книжках о ней на голландском и русском языках, написанная просто и доступно двумя непрофессиональными авторами – дочерью С. Рутгерса Гертрудой Тринчер и Карлом Тринчером, её мужем, живущими в Австрии... Все эти материалы прислала в наш музей в разные годы Гертруда Тринчер, с которой велась переписка.

Это он, голландский инженер Себальд Рутгерс, вместе с Мартен-

сом – первым представителем Советской России в США – и американцем Уильямом Хейвудом – лидером рабочего движения, Кальвертом, работавшим у Форда, членом знаменитого в ту пору интернационального союза “Индустриальные рабочие мира”, прислали в 1921 г. правительству России письмо стремительное и деловое, в котором был развёрнутый план создания рабочей индустриальной колонии, которая, действуя под непосредственным руководством Совета Труда и Оборона, восстановила бы и построила новые шахты, достроила коксохимический завод по производству кокса. Сделать это брались добровольцы – рабочие и техники из США, Германии, Англии, Голландии, Венгрии и многих других стран. Они были готовы оставить привычную жизнь, продать свое имущество, приобрести на вырученные деньги рабочий инструмент, станки, продовольствие и немедленно отправиться в далекую Россию. Примером тому супружеская пара из Голландии, о которой мы уже знаем.

О судьбе ещё одного замечательного человека, приехавшего из Америки, рассказывают экспонаты музея – редкие фотографии, документы, награды, книги, привезенные с собой, слесарные инструменты, которые передала на хранение в музей его дочь Галина Григорьевна Зинченко в августе 1982 г. Это Живко Байскич, серб по национальности, многое повидал и многое сделал. Родился в Венгрии, трудовой путь в качестве подмастерья начал в Белграде в 1912 г. В поисках работы эмигрировал в Соединённые Штаты, а в 1922 г. в числе первых приехал в Кузбасс и навсегда связал свою судьбу с этим суровым краем. Он был отличным специалистом, окончил Томский индустриальный техникум без отрыва от производства, награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Живко строил шахты в Осинниках, Прокопьевске, Киселевске. На одной из этих шахт он стал главным механиком. Его дети, а их у него семеро, живут в городах Кузбасса, остались на его новой родине.

На наш взгляд, одним из интереснейших экспонатов, поступивших в наш музей в 1988 г., является сундук (корф), принадлежавший одному из американских рабочих. Он бытовал в семье жителя г. Кемерово – Анатолия Ивановича Журкина, в нём хранили бельё, одежду. Достался сундук Анатолию Ивановичу от родной тётки после её смерти, муж которой работал вместе с колонистами. В таких сундуках из далёкой Америки везли всё самое необходимое для жизни в суровых условиях Сибири – инструменты, книги, одежду, запас продовольствия. Все условия пребывания иностранных рабочих и специалистов в Сибири, понимая тяжёлое положение во всей стране, были учтены при составлении пунктов договора между организаторами колонии и Советом Труда

и Оборона. Каждый из колонистов знал эти обязательства и сознательно готовил себя к самому неожиданному.

Много материалов о своей семье, воспоминания о жизни колонистов передала в музей Анна Прейкшас. Её отец американец Джон Прейкшас был одним из первых добровольцев, приехавших в Кузбасс, позже стал заведующим шахтой "Центральная". Он привёз с собой жену и троих детей. Трагически сложилась судьба Джона и старшего сына Эмиля в годы репрессий: они были расстреляны. К сожалению, судьбу узников сталинских лагерей разделили многие из колонистов - аиковцев. Анна Прейкшас долгие годы жила и работала в г. Днепропетровске, умерла в 1998 г. в преклонном возрасте.

В результате такого сотрудничества с родственниками колонистов, старожилами города, с людьми, которые были как-то причастны к деятельности колонии, сбор материалов продолжается.

По решению горисполкома, с большими трудностями, создаётся музейный мемориальный комплекс в Рудничном районе города Кемерово, в районе Красной Горки. Уже идут полным ходом реставрационные работы. Это доброе начинание необходимо жителям нашего города. Ведь ещё сохранились дома, целые улицы, в которых жили, по которым ходили эти люди. Еще живы дети первых колонистов, которые приезжают в Кемерово, чтобы посмотреть на город, в котором многие из них родились, уже выросли внуки, подрастают правнуки. И наша задача – сохранить обстановку, дух времени для них и для нас самих, для истории страны, наших детей, для продолжения интернациональных контактов с теми, кто как-то причастен к этой незабываемой странице прошлого.

Т.Д. Чернова

ЛИСТОВКИ В ФОНДАХ МУЗЕЯ

(К событиям в Москве в сентябре-октябре 1993 г.)

Чернова Татьяна Дмитриевна, заведующая сектором отдела современной истории Кемеровского областного краеведческого музея.

Работа по отбору предметов музейного значения современного периода является достаточно сложной, что обусловлено неоднозначностью процессов современного исторического развития нашей страны. Однако именно это обстоятельство позволяет осуществлять сбор музейных предметов, ранее не имевших места в фондах музея.

Так, например, трагические события в Москве в сентябре - октябре 1993 г. всколыхнули всю страну. И, конечно же, отозвались в Кемерове. Накал политических страстей захлестнул улицы города. Столбы, стены домов, почтовые ящики, уличные рекламные щиты пестрели листовками.

Сотрудники отдела современной истории музея поставили перед собой задачу своевременной фиксации наблюдаемой действительности предметами музейного значения. И они отправились в путь, который пролегал не только по центру города, но и по окраинам. Основное внимание уделяли сбору листовок. Многие листовки приходилось откреплять с определенными усилиями и ухищрениями, чтобы не порвать бумагу, что занимало немало времени. Иногда листовки попадали в руки работников музея непосредственно от распространителей листовок среди митингующих. Кстати, небольшие группы стихийно митингующих людей встречались часто. Люди были взволнованы, они очень бурно реагировали на сотрудников музея, отклеивающих листовки. Выражали своё возмущение, но, узнав причину их действий, сами предлагали свои услуги.

Собранные листовки, а всего их двадцать единиц, представляют собой большое разнообразие по технике исполнения – от типографс-

ких и компьютерных наборов до рукописных текстов, выполненных шариковыми ручками, фломастерами, цветными карандашами, тушью. Соответственно и авторы этих листовок представляют собой пестрый состав. Встречаются и анонимные листовки. К слову сказать, именно анонимные листовки вызвали жаркую дискуссию на фондовой комиссии музея о том, могут ли такого рода документы являться музейными предметами. К сожалению, ряд листовок, ввиду их плохой сохранности, потери аттрактивности, был отклонен членами комиссии.

Что касается вопроса последующего изучения данных музейных предметов – листовок, следует отметить большую сложность ввиду отсутствия определенного опыта работы с такого рода предметами, общего состояния источниковедения, где мало уделяется внимания проблемам исследования источников современного периода.

Все листовки по их содержанию можно разделить на несколько групп.

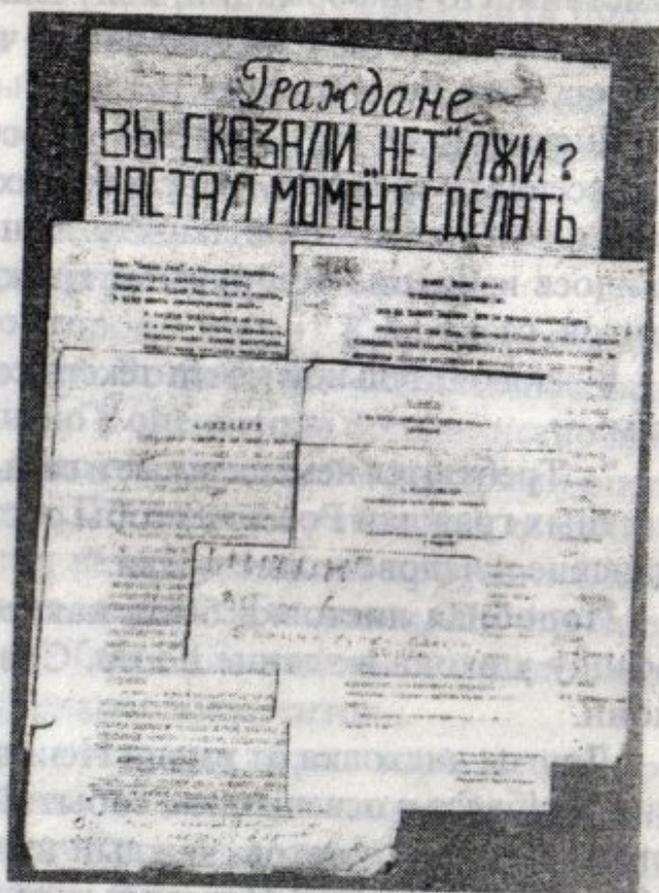
Первая группа – это листовки, которые содержат информационные сообщения о развитии событий в Москве по дням и даже по часам. В качестве примера можно привести выдержку из текста следующей листовки:

“**Всем! Всем! Всем! Чрезвычайное сообщение!**

Все на защиту закона! Все на защиту Конституции!

28 сентября 1993 года сделавший ставку на силовое решение конфликта режим Ельцина приступил к окончательной расправе над Верховным Советом Российской Федерации его защитниками.

Дом Советов Российской Федерации окружен тройным кольцом подразделений МВД, экипированных для ведения силовых

Листовки из фондов областного краеведческого музея. 1993 г.

действий. По информации, полученной от стоящих в оцеплении, перед ними поставлена задача к 3 часам 29 сентября завершить акцию, взяв Дом Советов.

Внешнему кольцу оцепления поставлена задача блокировать и рассеивать граждан, выражающих поддержку Верховному Совету и выступающих в защиту Конституции. Следствием этого явилось избивание безоружных граждан с применением дубинок, щитов, газов...”

В заключительной части текста содержатся призывы к гражданам:

“...Требуются немедленные и самые решительные действия всех честных граждан России, чтобы отстоять законность, свои гражданские и человеческие права.”

Подобная листовка была наклеена даже на нашу музейную афишу у входа в здание по пр. Советскому, 51, на одной из колонн.

Другая листовка от имени Исполкома Союза патриотических сил Кузбасса с освещением событий за 30 сентября 1993 года состоит из семи пунктов, каждый из которых содержит самостоятельные сообщения. Некоторые из них имеют непосредственное отношение и к нашему региону:

“ О чём молчат официальные средства массовой информации...”

2. Продолжается отправка кузбассовцев в г. Москву в поддержку Съезда и Конституции РФ.

6. 29 сентября в г. Новосибирске на площади Ленина состоялся многотысячный митинг протеста против государственного переворота.

7. 29 сентября в г. Новосибирске прошло заседание Сибирского соглашения, где было принято заявление: в случае невыполнения требований соглашений будут приняты такие меры: приостановление перечисление налогов в республиканский бюджет, поставок угля, нефти и газа, передачи электроэнергии, деятельности основных и железнодорожных магистралей”

Следующий документ также попадает под определение листовки. Этот документ состоит из четырех листов, на каждом листе размещены по две пронумерованные страницы. Они расклеивались либо в длинную полосу, либо столбцами. В руки сотрудников музея документ попал непосредственно от распространителя на стихийном митинге недалеко от булочной на улице Весенней г. Кемерово. Листовка от имени Информбюро Дома Советов чуть ли не поминутно расписывает события в Москве 30

сентября 1993 года: "...5.30. К оцеплению у парламента подошла колонна БТР и грузовиков с солдатами. К 7.30. бронетранспортёры были рассредоточены в зонах проходов к Белому Дому. 8.20. Идёт непрерывное громкоговорящее вещание на Дом Советов, которое особенно интенсивно в ночные часы. Цель – деморализация и устрашение защитников, а также их физическое истощение из-за невозможности полноценного отдыха.

9.40. Вдоль оцепления со стороны метро "Краснопресненская" рассредоточены группы людей. Во внешнем оцеплении в основном офицеры милиции. Близко к оцеплению большинство людей подходить опасается из-за ясно высказанной офицерами оцепления угрозы захвата и ареста. По данным районных штабов сопротивления, вчера во время вечерних акций протеста ОМОН, милицией было задержано не менее 250 человек. По-видимому, практически все задержанные были доставлены в отделения милиции и отпущены после проверки документов...

...23.00. Завтра, 1 октября, состоятся переговоры между представителями Ельцина и Съезда. Одни переговоры пройдут при посредничестве патриарха всея Руси Алексия II с участием одного представителя от Президента, Верховного Совета, Правительства и Конституционного Суда, другие между Абдулатиповым и Соколовым, с одной стороны, и Филатовым, Лужковым, Сосковцом – с другой..."

Встречаются листовки за подписью Президиума Московского фронта национального спасения, Политсовета ЦИК Российской партии коммунистов:

"1 октября 1993 года

Информационный центр облсовета сообщает:

Переворот провалился, Ельцину предложено прийти с повинной!

Граждане России: телевидение и радио скрывают правду, подавляющее большинство регионов (83 из 89), военных округов и все военные флоты заявили о своей верности Конституции, законной власти. Ставка ельциновского режима на элитные дивизии (Дзержинскую, Кантемировскую и Таманскую) провалилась. Министр Ерин больше не хочет идти под расстрельную статью. Северный флот предупредил начальника ГУВД Москвы Панкратова, что в случае жертв со стороны защитников Конституции он будет найден и на дне морском ..."

А в листовке пресс-центра Комитета по защите Конституции в конце текста выделено такое сообщение и подчеркнуто от руки синей пастой:

“...Кемерово, 3 октября.

Совершено покушение на председателя областного Совета Амана Тулеева. Пули пробили дверь в момент, когда Аман Гумирович подошел на звонок незваного посетителя.

Если всё это демократия, то что же такое фашизм?”

Ниже приписано от руки: “*Все на митинг на площадь Советов в 18.00*”. Другой рукой подписано: “*Какого числа?*”. И кто-то третий в нижнем правом углу по диагонали написал: “*Фашизм это Ельцин*”.

И ещё одна листовка небольшого формата сообщает о покушении на Тулеева:

“Дорогие кузбассовцы!

Вчера, третьего октября, вечером, совершено покушение на жизнь председателя областного совета Амана Гумировича Тулеева. Неизвестные лица, позвонив в дверь, произвели два выстрела сквозь дверь в подошедшего к двери Амана Гумировича Тулеева. К счастью, пули прошли мимо.

Правоохранительные органы ведут расследование.

Пресс-центр областного Совета”.

Во вторую группу можно выделить листовки, содержащие тексты объявлений. Например:

“Граждане!!!

Вы сказали “нет” лжи и беззаконию? Настал момент это сделать. Митинг состоится 30 сентября в 18.00 на площади Советов.”

Эта узенькая полоска бумаги была развешена практически всюду по городу. В фондах нашего музея имеется также листовка с идентичным текстом, но большего формата, выполненная чёрной тушью плакатным пером.

Другой документ выполнен от руки красным карандашом и синей пастой на узкой полоске листка в клеточку:

“*Митинг 30 сен в 6 час Ельцин хочет ввести войска*”

Несколько документов имеют одинаковый текст:

“Объявление

Уважаемые кемеровчане!

2 октября в 11.00 часов в здании филармонии начнёт работу съезд народных депутатов Кузбасса.

Б.Н. Ельцин запретил прямую трансляцию, ввёл цензуру.

Выступления А.Г. Тулеева, других народных депутатов России, из Кузбасса, Новосибирской, Томской областей, Алтайского и Красноярского краёв вы можете услышать только на митинге перед зданием филармонии.”

Данное объявление, но в краткой форме, имеется в рукописном варианте, выполненным от руки чёрной тушью и плакатным пером.

В третью группу можно выделить листовки со всякого рода заявлениями и воззваниями. Обратимся к тексту:

“Парламентам стран мира

Уважаемые коллеги! В России совершен государственный переворот. Президент Б.Н.Ельцин грубо нарушил Конституцию России, подписав Указ о роспуске законно избранных народных депутатов, Верховного Совета России....

...В этой ситуации просим вас всеми возможными средствами оказать моральную и правовую поддержку законно избранным народным депутатам России, содействовать объективному и полному отражению в средствах массовой информации ваших стран событий, происходящих в России.

Ваша поддержка неоценима для законодательной и представительной власти России.

Принято на собрании представителей членов малых Советов Верховных Советов республик, краевых, областных Советов народных депутатов Западной и Восточной Сибири в Новосибирске 29.09.93 г.”

Документ заверен круглой печатью и подписью зав. протокольной группой.

Любопытен и этот документ:

“Заявление временного координационного центра Сибирской республиканской партии. В связи с последними событиями, развившимися в запрещении ряда оппозиционных изданий, в том числе газеты “Кузбасс”, ВКЦ СРП заявляет:

Запрет прессы – основной признак фашистского режима.

Мы не желаем иметь ничего общего с ельцинской т.н. “демократией”. Мы выражаем солидарность с журналистами запрещённых новым тоталитарным режимом изданий. Граждане сами вправе решать, какие газеты им читать.

ВКЦ СРП. Редакция газеты “Чалдон””

Внизу кто-то подписал: “Поддерживаем”.

Стала музейным предметом и эта листовка – воззвание без даты выпуска:

“К гражданам России!

Идеолог германского фашизма Йозеф Геббельс говорил:” Дайте мне на год пропаганду, и я переверну умы немцев”. Геббельс

выполнил своё обещание. Провокацию поджога рейхстага выдал за диверсию коммунистов и объявил вне закона компартию, а заодно и все организации рабочего класса....

...Сегодня в России повторяются эти же приёмы пропаганды.

Интерпретация августовской и других провокаций. Запрет компартии, ФНС, притеснение других оппозиционных организаций и партий. Разгон законодательных органов власти. Самодовольный разгул мафии....

...Народ России, пойми это и восстань!

Исполком Союза патриотических сил Кузбасса”.

В самостоятельную группу можно выделить следующий ряд документов – листовки в стихотворной форме и анонимные.

Одна из таких листовок висела на почтовом ящике по улице Рутгерса г. Кемерово:

“Пал “Белый Дом”- последняя надежда,

Лжедемократы празднуют салют.

Теперь всё будет плохо, как и прежде,

В эфир опять лжеинформацию дают...

...Все, кто стрелял в народных депутатов,

Вы посмотрите на руки свои!

За них подняли руки вы когда-то,

Теперь же руки эти в ИХ крови.

А окружение – выродки, подонки

Вину валить хотели на Руцкого,

Но помните: ведь рвётся там, где тонко...

И “Белый Дом” – да возродится снова!!!“

Или, например, такого рода двестишестидесятистраничные повсеместно:

“Советский народ! Тебя обманули –

На “радость” тебе диктатуру вернули!

Танцуй, веселись, наш российский народ!

У власти диктатор и ельцинский сброд!

Хватит Россию терзать и ломать!

Сбрось диктатуру, Родина-Мать!“

Листовку следующего содержания можно смело занести в разряд курьёзов:

“ В связи с событиями последних дней, когда политические клоуны разыгрывают дурацкий фарс, плохо отражающийся на моральном и материальном положении граждан, а также ввиду того, что за чистую монету эту дурь принимают только в городах Москве и С.-Петербурге, на всенародное голосование выносятся следующий

ПРОЕКТ УКАЗА

1. Учитывая дестабилизирующую роль руководящих органов, расположенных в г. Москве, предлагаем начать кампанию за отделение городов Москвы и С.-Петербурга (колыбели смуты) от России.

2. Всякую власть, находящуюся в вышеуказанных городах, считать несуществующей и указы и распоряжения, от неё исходящие, не имеющими юридической и физической силы.

3. Эвакуирующемуся из данных городов населению предоставить статус беженцев.

4. Войскам Гражданской обороны организовать санитарные кордоны и патрулирование вокруг вышеуказанных городов во избежания распространения эпидемии идиотизма.

5. Перенести столицу государства России в один из вышеуказанных пунктов: г. Колпашево (Томская область), г. Зеленогорск (Кемеровская область), г. Лесосибирск (Красноярский край). Ответственность за выполнение Указа возложить на психически нормальных граждан.

Исполнено и завизировано фирмой “Кошмар”

Тщательное дальнейшее изучение этих уникальных документов позволит осуществить их полную научную систематизацию. В целом все эти документы носят характер политической оппозиции в нашей стране на период трагических событий в сентябре-октябре 1993 года в Москве. В фондах нашего музея, благодаря усилиям сотрудников отдела современной истории, также широко представлены и материалы официальных и оппозиционных средств информации по этим событиям. Но в силу того, что эти материалы доступны практически для каждого в любой библиотеке, нет необходимости рассматривать их в данном случае. А такие специфические источники, как данные листовки, крайне редко где можно разыскать. Хотя существует соблазн сопоставить разные точки зрения на то, что произошло в Москве осенью 1993 года.

М.В. Насонова

ГЕЛИОМЕТЕОРОЛОГ КУЗБАССА

(по материалам архива А.В. Дьякова)

Насонова Марина Владимировна, старший научный сотрудник Кемеровского областного краеведческого музея

В фондах Кемеровского областного краеведческого музея хранится часть архива Анатолия Витальевича Дьякова, переданного после смерти ученого женой и сыном сотрудникам музея. Вскоре состоялась и выставка, посвященная памяти ученого. На открытии выставки присутствовала вдова – Нина Григорьевна.

По материалам архива можно проследить судьбу человека, который в течение почти полувека руководил метеостанцией в Горной Шории, являясь основоположником гелиометеорологии как метода определения погоды в конкретном районе земного шара на конкретное время с помощью наблюдений за солнечными пятнами. Перед нами автобиографический очерк, написанный образным, живым языком “Как я стал астрономом и метеорологом”, датированный 20 июня 1969 года: “Именно в Кировограде в 1925 году, четырнадцатилетним подростком я принял твердое решение – стать астрономом и метеорологом, чтобы проникнуть в тайны движения и строения небесных светил и получить возможность предсказывать погоду и особенно такие страшные бедствия, как засухи.” Этому решению Анатолий Витальевич остался верен всю свою жизнь.

Очень много записей на французском языке – общая коричневая тетрадь, это копии иностранных корреспонденций. Вообще, к французскому языку у А.В.Дьякова особое отношение: “Дело в том, что с детства, а затем и в школьные годы я хорошо усвоил французский язык, так как на нем свободно говорила моя мать. Для меня же французский стал особенно привлекательным”. На нем были написаны замечательные книги по астрономии и метеорологии Камилла Флам-

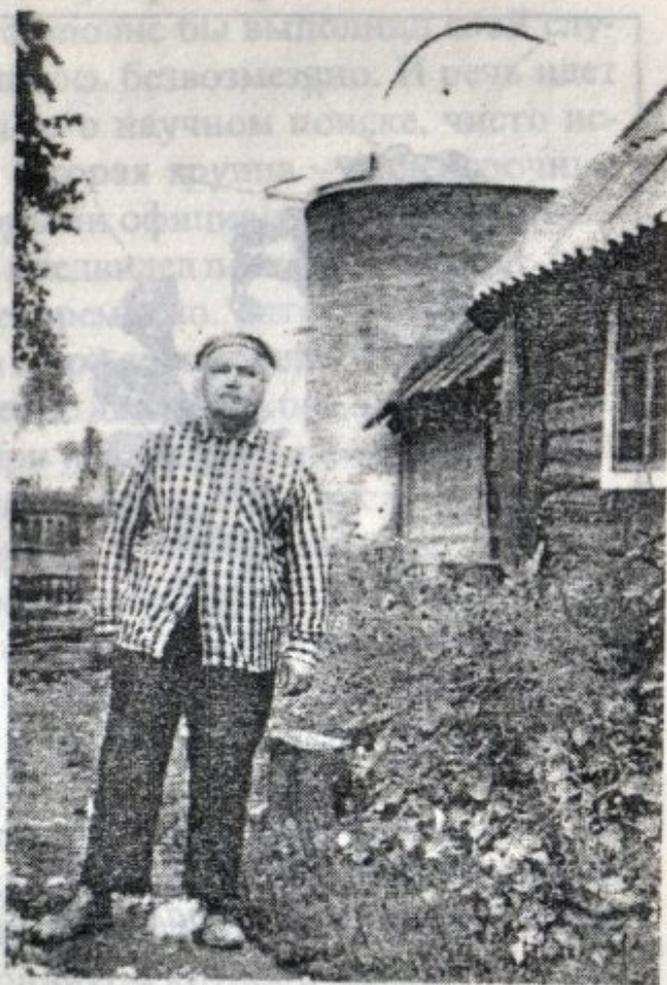
мариона. Его "Популярная астрономия" становится настольной книгой будущего ученого.

И спустя много лет в архиве А.В. Дьякова мы видим фотографию Камилла Фламариона, присланную от французского астрономического общества, телеграмму соболезнования по поводу пятидесятилетия со дня смерти ученого. А вот пожелтевшая от времени справка о том, что А.В. Дьяков состоит в Русском обществе любителей мирозведения... За этим скромным документом важное событие — с него начинался сложный путь ученого.

Русское общество любителей мирозведения /РОЛМ/ было организовано в Петербурге в 1909 году. В апреле 1925 года А.В. Дьяков посылает в Ленинград, в РОЛМ, результаты своих наблюдений, сделанных в апреле 1925 года в течение нескольких ночей за метеорами. И спустя месяц получает ответ, инструкцию для наблюдений, астрономическую литературу.

В 1928 году А. Дьяков поступает в Одесский университет на специальность "Физика и геофизика" (тогда он назывался Одесский институт народного образования). Курсы общей физики, математики, теоретической механики, астрономии, геофизики и метеорологии читали видные ученые. Затем в 1933 году он поступает в Московский университет на специальность "Астрофизика", о чем свидетельствует зачетная книжка Московского университета.

Признанием молодого ученого явилось принятие А. Дьякова во Французское астрономическое общество, в мае 1932 года из Парижа был прислан членский билет (у нас хранится его фотокопия). До конца жизни он вел переписку и поддерживал контакты с этим об-

А.В. Дьяков у обсерватории.

Август. 1947 г.

Рисунок А.В. Дьякова. Группа пятен на Солнце. 8 февраля 1978 г.

за погодой тесно связаны с наблюдениями за Солнцем. А.В. Дьяков собрал и обобщил колоссальный опыт синоптических наблюдений за Солнцем, свел воедино многие идеи и гипотезы, чтобы создать собственную теорию прогнозирования.

Дьяковский метод предсказания погоды с учетом активности Солнца прошел три общеизвестные стадии научного открытия: "Этого не может быть", когда ученого называли шарлатаном; "В этом что-то есть", когда ученый предсказал значительные засухи; "Это давно всем известно", когда пришлось провести научный симпозиум по солнечно-земным связям. Однако же, последовательно претворяя в жизнь эту теорию, он добился высокой оправдываемости даваемых им метеопрогнозов, под его руководством маленькая метеостанция в Темиртау, обслуживавшая Горное управление Кузнецкого металлургического комбината, превратилась в единственную в стране научно-исследовательскую гелиометеостанцию, составляющую прогнозы для различных регионов страны и мира.

Все свои прогнозы А. В. Дьяков подразделял на четыре группы. Декадные – для близлежащего района с детализацией на каждую пятидневку. За год 35-36 декадных, или 70-72 пятидневных. Эти прогнозы прежде всего для Кузнецкого металлургического

ществом. Свидетельством этому памятная медаль Французского астрономического общества, письма от общества, копии телеграмм, отправленные во Францию, письма с поздравлениями от президента общества Ж. К. Пеккера.

С 1940-х по 1985 год (с перерывом в два года) А.В. Дьяков – начальник метеостанции в Горной Шории. За этим предложением целая жизнь, трудный путь ученого. Горношорская гелиометеорологическая обсерватория имени Камилла Фламариона была единственная в стране, где наблюдения

комбината, и за них платили Дьякову зарплату. Если бы он делал только эту группу прогнозов, то вполне бы выполнил свой служебный долг. Все остальное делалось безвозмездно. И речь идет не столько об энтузиазме, сколько о научном поиске, чисто исследовательской увлеченности. Вторая группа – долгосрочные прогнозы на сезоны, перед которыми официальная наука расплывалась в своем бессилии. Дьяков предвидел погоду на весенне-летний сезон (апрель-июнь) заблаговременно. Затем прогноз осенне-зимний, зимний. Прогноз на март составлялся отдельно. Эти прогнозы имели огромное значение для сельского хозяйства: тысячи агрономов Западной Сибири и Казахстана носили в кармане сводки Дьякова. Третья группа – штормовые предупреждения об аномальных явлениях – тайфунах, ураганах, засухах, морозах, штормах на всех параллелях и меридианах нашей планеты. Предупреждения о них высылались в посольства ряда зарубежных стран, таких как Куба, Франция, Мексика, Япония, США и другие. Четвертая группа прогнозов – это прогнозы по просьбам отдельных организаций или лиц.(1)

В 1972 году А. В. Дьяков выступил с докладом “Солнечно-атмосферные связи в теории климата и прогнозах погоды” в Москве на I Всесоюзном совещании метеорологов, на котором теория прогнозирования погоды, сторонником которой являлся ученый, была признана официально.

Однако до сих пор не опубликован научный труд “Динамика атмосферы”, бывший смыслом всей жизни ученого.

Передача части архива в музей после смерти ученого – мудрое решение. Документы обработаны и учтены. Каждый год с ними работают студенты, журналисты.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЙ ИСТОЧНИК

1. Юров Г. Печальная повесть о Боге погоды. - Кемерово, 1993.

Л.Г. Шураева

МУЗЕЙ-МАСТЕРСКАЯ А.Н. КИРЧАНОВА

Шураева Людмила Георгиевна, старший научный сотрудник Кемеровского областного краеведческого музея

Впервые мысль о создании музея, посвященного творчеству одного художника, и её воплощение появились в XVII веке. Своё дальнейшее развитие эта идея получила в XIX веке. Разнообразие музеев, посвященных творчеству одного художника, объясняется как обстоятельствами их появления на свет, так и различием индивидуальностей художников. Накладывает свой отпечаток на музей и круг интересов самого художника. По мнению многих исследователей, полное ограничение экспозиции творчеством одного художника в его музее позволяет дать более верное представление о становлении художника и атмосфере, окружавшей его.

Именно эти цели и задачи полностью удалось воплотить при создании музея-мастерской А.Н.Кирчанова в Кемеровском областном краеведческом музее. За 10 лет своего существования музей художника приобрел большую известность и признание среди жителей Кузбасса. Свидетельством тому записи в книге отзывов музея-мастерской А.Н.Кирчанова:

“11 мая 1989 г. Приехал специально из Прокопьевска, чтобы воочию еще раз увидеть замечательные работы и великий труд во имя прекрасного А.Н.Кирчанова. Спасибо за организацию у нас в Кузбассе музея-мастерской народного художника. Выражаю надежду, что выставка послужит воспитанию прекрасного у наших земляков. А.А.Предигер, г. Прокопьевск.”

“2.06.89г. Сегодня посетила мастерскую А.Н. Кирчанова. В 1979 г. Александр Николаевич писал с меня портрет “Записовка Надя” для картины “ На трассе”. С большим чувством радости я обнаружила свой портрет на выставке. Благодарна организаторам выставки за то, что спустя 15 лет я смогла опять встретиться

с этой картиной. Сейчас я жительница Сочи, а в Кемерово приехала к родителям. С уважением Семкина Надежда Ануфриевна с дочерью Жанной.”

“Сегодня, 7 июня 1995 г., я посетила выставку художника Кирчанова А.Н. Я читала, слышала и смотрела репродукции его картин. Но сегодня я впервые увидела творчество художника. Я думаю, что у каждого посетителя останется неизгладимое впечатление, так необходимое сейчас в нашей такой сложной жизни. Работница института г.Прокопьевска, старший научный сотрудник отдела стандартов” (подпись).

28 августа 1999 г. исполнилось 80 лет со дня рождения народного художника А.Н. Кирчанова. Его вклад в развитие изобразительного искусства Кузбасса трудно переоценить. Не случайно после его смерти было принято решение о создании в последней мастерской мемориального музея художника. К моменту создания музея в фондах Кемеровского областного краеведческого музея насчитывалось не более десятка работ художника. Основное пополнение фондов музея относится к периоду строительства экспозиции. Научные сотрудники КОКМ провели большую работу по сбору, систематизации, описанию музейных предметов. Автором-исполнителем художественного проекта был А.П. Хуторной. Необходимо было учитывать, что художник не успел обжить помещение мастерской, что создавало определенные трудности при создании мемориальной части музея. Сотрудникам музея удалось органично передать атмосферу мастерской художника, создать впечатление, что мастер только что покинул мастерскую, оставив на кресле свой жилет и берет, в которых он запечатлен на многих фотографиях, кисти в рабочем беспорядке перед мольбертом на рабочем столике. Это помогает как бы ощутить незримое присутствие художника. Говоря о музее художника, необходимо помнить, что главное в нем – это подлинность места творчества художника, которое само по себе становится экспонатом.

А.Н. Кирчанов. 1980 г.

Выставочный зал музея-мастерской А. Н. Кирчанова

Искусствоведы выделяют в творчестве А.Н. Кирчанова несколько ведущих тем: детский портрет, военная тема, портрет современника, телеутская тема и другие. Для создания экспозиции интересными находками стали предметы, которые жили в мастерской: телеутское платье, национальные женские украшения, седло, хозяйственная утварь – необходимые атрибуты для художника, помогавшие создавать атмосферу его картин телеутского цикла. Это же стало толчком для создания и проведения цикла занятий музейного всеобуча. Созданию цикла занятий предшествовала большая предварительная работа: изучение научно-методичес-

кой литературы, фондов музея, творческого наследия художника; изготовление костюма художника; заказ фотографу музея иллюстрированного материала; на отдельном планшете художником музея были продуманно скомпонованы этнографические материалы применительно к занятиям музейного всеобуча; подбор записей из музейной фонотеки; ознакомление преподавательского состава дошкольных, школьных и художественных учреждений с расширившимися возможностями музея-мастерской художника. Юные посетители знакомятся с мастерской художника, выступая в роли исследователей в окружении картин художника, кистей, красок, вещей в мемориальной части мастерской. Документы, сохранившиеся письма, фотографии, альбомы, каталоги выставок знакомят посетителей с вехами жизненного пути художника. Один из юных посетителей, переодетый в костюм художника, в окружении памятных вещей рассказывает о том, что, по его мнению, необходимо художнику для создания картины. Затем научные сотрудники, в женских телеутских костюмах и украшениях, повествуют о героическом эпосе телеутского народа и приводят строки благопожелания по поводу надевания нового платья на девочку. Под фоновою запись из фондов музея перед юными посетителями выносят

удивительный экспонат – телеутский бубен. С этого момента начинается совместное творчество по созданию собственного неповторимого рисунка бубна и по расшифровке послания веков на подлинном бубне. Таким образом присутствует обратная связь. Ребенок впитывает новую информацию в окружении подлинных музейных предметов в подлинной мастерской художника. Прослеживается процесс создания картины от моментального карандашного наброска, эскиза, многочисленных этюдов.

Это занятие стало продолжением лекции “Коренное население края в творчестве А.Н. Кирчанова”, которая пользуется большой популярностью у воспитанников детских художественных школ. После лекции дети в мастерской создают целые галереи рисунков из жизни телеутов. В последующем из этих рисунков формируется выставка в мастерской художника. Благодаря этому создается ощущение, что мастер продолжает передавать свой опыт юным и благодарным ученикам. В мемориальной части музея хранится письмо-воспоминание о работе с А.Н. Кирчановым одного из его учеников.

На другом занятии музейного всеобуча ребята продолжают знакомство с историей телеутского народа в мастерской художника. Дети изучают религиозные представления телеутов на примере аниконических изображений. В ходе занятия дети шьют телеутские игровые куклы. Отправным пунктом для создания цикла занятий стало желание превратить музей-мастерскую в живой функционирующий организм с неожиданными находками для педагогов и воспитателей детских садов.

Необходимо учитывать, что КОКМ работает для жителей, постоянно проживающих в нашем городе, а не для туристов, и музей-мастерская должна на каждом новом возрастном этапе зрителя приоткрываться с новой, необычной стороны. Этой цели слу-

*“Женщина с трубкой.”
(портрет телеутки). Х. М.
1959 г. КОКМ*

жат постоянно меняющиеся выставки. За десять лет существования музея (открылся в апреле 1989 г.) было организовано несколько выставок, более полно раскрывающих основные темы в творчестве А.Н. Кирчанова. Каждая такая выставка дает новое поступление в фонды КОКМ: документальные материалы, живописные работы. Одной из первых больших выставок была выставка "Женский портрет в творчестве А.Н. Кирчанова" (1991 г.), которую тепло приняли зритель и пресса. Она дала новый приток посетителей. Этот успех обусловлен тесным и плодотворным сотрудничеством с вдовой и дочерью А.Н. Кирчанова. Кроме указанной выставки, в двух залах были проведены выставки "Война глазами художника" и "Детский портрет в творчестве художника". Все выставки предполагали большую подготовительную работу: 1) тщательный обзор живописных работ в фондах КОКМ, сотрудничество с музеем ИЗО, с семьей художника; 2) написание тематико-экспозиционного плана; 3) написание экскурсии; 4) подготовку к открытию, написание сценария открытия, проведение открытия выставки; 5) рекламу выставки для привлечения новых посетителей.

Все бывавшие в мастерской художника еще при жизни А.Н. Кирчанова единодушно отмечали, что мастерская остается полнокровным организмом. За этот отрезок времени мастерская пережила несколько ремонтных эпопей, реконструкцию в 1994 г. В связи с выполнением инструкций по хранению музейных предметов подлинники рисунки военных лет были заменены (как и документальные фотографии) на фотокопии. В связи с нехваткой экспозиционных площадей мастерская гибко принимала и выставки детского декоративно-прикладного творчества, памятуя о том, что в свое время Александр Николаевич много внимания уделял детям. Ребятишки становились и первыми благодарными зрителями, и первыми терпеливыми натурщиками для картин детского цикла.

В 1993 г. мастерская А.Н. Кирчанова любезно распахнула второй зал для выставки картин художников-передвижников. Постоянные посетители музея еще раз воочию убедились, что встречаются в новой, преображенной мастерской и с новым, незнакомым А.Н. Кирчановым.

По всей необъятной нашей стране и по всему миру разъехались картины художника. Они хранятся и в столичных музеях, музеях области, частных коллекциях. Хотелось бы иметь более полный каталог всех работ художника.

Е.Л. Жучкова

МАТЕРИАЛЫ АНЖЕРО-СУДЖЕНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ПО РАБОЧЕМУ ДВИЖЕНИЮ КУЗБАССА

Жучкова Елена Леонидовна, младший научный сотрудник Анжеро-Судженского краеведческого музея

Десять лет назад, летом 1989 года, шахтёры Кузбасса выбрали средством борьбы за выполнение своих экономических требований давно, казалось бы, забытую форму протеста – забастовку.

Вспыхнув в Кузбассе, стачка охватила Донбасс, Воркуту, Караганду и другие угольные центры. В общей сложности к акции протеста присоединились до полумиллиона человек, и она стала практически всеобщей забастовкой угольщиков.

Включившись в июльскую, 1989 года стачку, трудящиеся Анжеро-Судженска стали активными участниками рабочего движения. Многотысячные акции протеста, неоднократно проходившие в период с 1989-го по 1998 г., нашли своё отражение в документах, фотографиях, видео- и аудиоматериалах, средствах массовой информации.

Стаечное движение 1989 г. сделало актуальным комплектование фондов Анжеро-Судженского краеведческого музея по современному рабочему движению.

Комплектование осуществляется в хронологической последовательности, в соответствии с этапами рабочего движения:

1) начало движения — июльская стачка 1989 г., в ходе которой выдвигались только экономические требования;

2) рабочее движение 1990 - 1996 гг., когда на первый план вышли политические требования;

3) “рельсовые войны” 1997 - 1998 гг. — перекрытие Транссибирской магистрали, когда экономические и политические проблемы усугубились реструктуризацией угольной промышленности.

Для более полного и объективного отражения состояния рабочего движения на каждом этапе используется принцип комп-

лексности источниковой базы, предполагающий комплектование фондов по следующим разделам:

- 1) материалы деятельности городского рабочего комитета;
- 2) документы, свидетельствующие о работе Правительства РФ в связи с рабочим движением (протоколы заседаний, соглашения, депутатские запросы, правительственные письма, телеграммы и т. д.);
- 3) личный фонд (материалы, предоставленные участниками движения);
- 4) материалы с мест событий.

Первым официальным документом городского стачечного комитета явились "Требования стачечного комитета", выдвинутые в июле 1989 года. В них отражены все насущные проблемы рабочих и служащих предприятий города, а также социальное положение в городе, области, стране. Несомненно, что такой документ в фондах музея представляет интерес для научно-исследовательской работы.

Не менее интересным источником является протокол "О согласованных мерах между Анжеро-Судженским городским забастовочным комитетом и комиссией ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС", копия которого есть в музейных фондах. Документ даёт представление о работе в городе правительственной комиссии 24 июля 1989 г. Здесь значимым является не только рассмотрение и решение конкретных проблем забастовщиков, развития города, но и анализ социально-экономического положения, которое, как сказано в документе, "...обострилось в г. Анжеро-Судженске в результате длительного отставания развития социальной сферы. Это явилось следствием диктата и произвола министерств и ведомств, попустительства городских партийных, советских органов, хозяйственных руководителей, ухудшения снабжения населения продуктами питания и товарами первой необходимости".

Экспонатов, свидетельствующих о реакции правительства на различные формы протеста трудящихся Анжеро-Судженска, в фондах музея насчитывается порядка пятидесяти.

В связи с выполнением вышеназванного протокола проходили конференции рабочих комитетов Кузбасса, совещания различных уровней, на которых присутствовали делегаты от нашего города, были неоднократные поездки представителей трудовых коллективов в Москву. В результате фонды пополнялись за счёт личных

документов делегатов (мандаты, удостоверения и т.д.), а также переданных ими рабочих материалов. Например, удостоверение Т.В. Яшиной, являющейся делегатом первой конференции трудовых коллективов Кемеровской области 14-15 ноября 1989 г., и переданный ею "Устав Союза рабочих Кузбасса"; удостоверение А.И. Синцова – члена городского рабочего комитета, участника совещания правительственной комиссии и рабочих комитетов Кузбасса 16 января 1990 года; удостоверение А.Ф. Краснова – члена рабочего комитета, участника совещания правительственной комиссии и рабочего комитета г. Анжеро-Судженска 25 января 1990 г.

Как известно, в общеполитическом смысле большое значение имела забастовка, организованная по призыву рабочих комитетов и съезда шахтёров 11 июля 1990 г., в годовщину июльской стачки 1989 г. В отличие от экономической забастовки предыдущего года стачка 1990 г. была чисто политической. Подтверждением этому служат имеющиеся у нас документы рабочего комитета, а также аудиозапись общегородского митинга 11 июля 1990 г. Так, в "Резолюции расширенного заседания Совета рабочих комитетов Кузбасса" (3 июля 1990 г., г. Новокузнецк), уже звучат политические требования и отмечается: "Время, прошедшее с июля 1989 г., убедительно показало, что, заявляя экономические требования, мы практически ничего не добились".

В резолюции отражены требования отставки правительства СССР, национализации имущества КПСС, ВЦСПС, лишения парткомов официального статуса на предприятиях, деполитизации Вооруженных Сил. Эти же требования звучат и в выступлениях представителей трудовых коллективов на митинге 11 июля 1990 г., аудиозапись которого хранится в фондах музея.

В соответствии с комплексным подходом формируются и фонды по рабочему движению первой половины 90-х годов. Здесь преобладают пока документы рабочего комитета и материалы с мест событий. Для этого периода развития рабочего движения характерно образование различных объединений трудящихся, новых независимых организаций. Так, 26 сентября 1996 г. состоялась конференция трудовых коллективов, которая приняла решение о создании объединённой городской профсоюзной организации. В музей был передан проект устава территориального объединения первичных профсоюзных организаций г. Анжеро-Судженска, письма к Правительству РФ и администрации об-

ласти, выработанные на конференции, а в дальнейшем в фонды поступали рабочие материалы объединенной городской профсоюзной организации, касающиеся каких-либо значительных событий в истории рабочего движения.

Период 1990-1998 гг. оставил в фондах музея множество агитационных листовок, плакатов, которые появлялись во время проведения акций протеста. Они также отражают текущий момент, несут в себе информационную значимость. Обратимся к некоторым из них. Листовка к всероссийской акции протеста 27 марта 1997 г. оглашает требования профсоюзов "Вернуть долги по заработной плате и социальным выплатам с их компенсацией" и констатирует: "Долги по заработной плате - свыше 50 трлн. рублей!", "Без работы каждый десятый гражданин России!", "Долги пенсионерам - 17 трлн. рублей!".

Эмоциональной настрой участников митинга 5 ноября 1996 г. показывают тексты плакатов: "Черномырдину - зарплату учителя!", "Нищий учитель сегодня - нищее будущее страны завтра!", "Долой Чубайса и его приватизацию!", "Долой проворовавшееся правительство!", "За голод, холод, кровь и разруху - в отставку!", "Правительству доверия нет!", "Требуем отставки правительства, которое не может дать работу и зарплату!", "Голодный шахтер забое - не работник!", "Господа, дайте нам жить и работать!".

Во второй половине 90-х годов появляется ещё одна форма борьбы за свои права - голодовка. В связи с этим в музей поступает ряд экспонатов (документы, фотографии, видеозаписи и др.), воссоздающих хронику событий.

В заявлении работников АО "Судженская автобаза" от 9 декабря 1997 года говорится: "Мы объявляем голодовку в знак протеста против невыплат заработной платы с октября 1996-го по ноябрь 1997 г.".

В фондах хранится видеозапись, сделанная во время голодовки работниц ОАО "Сибстекло", а также знамя, с которым работники АО "Анжерская автобаза" проводили акцию протеста в форме голодовки с 24 ноября по 5 декабря 1997 года.

В научный оборот со временем будут включены и документы, связанные с резонансом общественного мнения по поводу закрытия шахт, проводимых варварскими методами в рамках реструктуризации угольной отрасли. По данной проблеме в фондах представлено немало материалов, в том числе и рабочие документы

депутата Государственной Думы от кемеровского округа № 88 Ю. И. Чунькова. Один из них — депутатский запрос председателю правительства РФ В.С. Черномырдину “О необходимости мер по предотвращению гибели шахтёрского города Анжеро-Судженска в Кузнецком угольном бассейне”.

В фондах музея есть “Заявление городского Собрания депутатов, администрации и рабочего комитета г. Анжеро-Судженска президенту РФ Б. Н. Ельцину”. В нём говорится: “Беспорядочное, сопряжённое с произволом, в нарушение “Основных принципов ликвидации неперспективных и особо убыточных шахт и разрезов угольной промышленности РФ” закрытие шахт и других угольных предприятий на территории нашего города привело к тому, что более тысячи шахтёров выброшены на улицу без средств к существованию, без реализации мер социальной защиты”.

Начиная с 1995 года на митингах, забастовках, в голодовках также звучит протест против беспорядочной реструктуризации угольной отрасли. Он выражен в требованиях трудящихся в целой волне публикаций, писем, обращений, заявлений различных организаций и отдельных граждан, специалистов и ветеранов.

Особого накала рабочее движение достигло весной и летом 1998 года, когда Анжеро-Судженск привлек внимание всей страны.

В истории рабочего движения Анжеро-Судженска неоднократно применялось кратковременное перекрытие Транссибирской магистрали. В мае же 1998 года была предпринята беспрецедентная акция гражданского неповиновения: на 10 суток и 8 часов (с 14-го по 23 мая) была перекрыта Транссибирская магистраль. Это событие, несомненно, ждёт своего осмысления, в том числе и на основе материалов городского краеведческого музея, таких как “Резолюция митинга 16 мая 1998 года”, в которой говорится об объявлении бессрочной акции протеста и выдвигаются следующие требования:

1. Отставка Президента РФ.
2. Прекращение закрытия предприятий без предварительного создания рабочих мест.
3. Ускорение финансирования в общем объёме программы, утвержденной на МВК (протокол №21 от 29. 12. 97).
4. Погашение задолженности по заработной плате и регрессным искам всем предприятиям города.
5. Отмена постановления Правительства от 23.12.97, ст. 855

“Об очередности выплаты заработной платы”.

Фонды хранят документы, фиксирующие действия Правительства, администрации области и города в этой напряжённой ситуации. В газете “Наш город” от 17 мая 1998 года было опубликовано “Заявление администрации города”, в котором говорится о полной поддержке требований пикетчиков и содержится призыв изменить форму протеста: прекратить перекрытие магистрали. В музее есть и ответ на это заявление оргкомитета трудовых коллективов г. Анжеро-Судженска, в котором говорится о недопустимости гибели родного города и о том, что “эта акция - последний шаг в борьбе за выживание”.

На уровне Правительства 23 мая 1998 года был подписан ещё один документ, важный не только для разрешения данной ситуации, но и для дальнейшего развития города в целом. Это “Протокол заседания рабочей группы по рассмотрению требований, выдвинутых трудящимися и жителями города Анжеро-Судженска”. Его подписали заместитель председателя Правительства РФ О.Н. Сысуев, заместитель министра топлива и энергетики И.С. Кожуховский, глава города В.И. Макаркин, члены городского рабочего комитета В.И. Фокин, В.Г. Потапочкин, председатель территориального Совета объединения первичных профсоюзных организаций Л.А. Кабанова.

Также в фондах есть копия “Протокола соглашения по вопросам бюджетной сферы между правительственной комиссией РФ, администрацией Анжеро-Судженска и участниками акции протеста” и “Протокол рассмотрения требований трудящихся г. Анжеро-Судженска” от 23 мая 1998 года.

Как известно, в июле 1998 года произошло повторное перекрытие Транссиба анжеросудженцами. Требования пикетчиков были те же. Вновь в городе работала правительственная комиссия. В фонды по рабочему движению взята копия “Протокола заседания правительственной комиссии, администраций Кемеровской области и г. Анжеро-Судженска, Координационного совета городов Кузбасса” от 23 июля 1998 года. От Правительства протокол подписал заместитель министра топлива и энергетики И.С. Кожуховский.

За время “рельсовых войн” фонды музея пополнились также экспонатами с мест событий: листовками, плакатами, фотографиями и т. д. Появились в музее и материалы (телеграммы, пись-

ма), свидетельствующие о поддержке пикетчиков трудящимися разных городов области и страны, а также международными организациями.

В письме представителей Лиги за Революционную партию (США) говорится: "Рельсовая война показала рабочим во всём мире, что рабочие России готовы бороться против капиталистической эксплуатации — голода, нищеты и смерти, которые она приносит рабочим".

Председатель городского рабочего комитета В.И. Фокин передал нам письмо Сигэру Мори — члена Союза Японских Революционных Коммунистов от 15 августа 1998 года, в котором сообщается, "что в памятный день падения ядерной бомбы на Хиросиму 6 августа в разных областях была проведена Международная антивоенная ассамблея, участники которой приняли обращение в поддержку борьбы российских рабочих и солидарности с ними". Это обращение японских рабочих, студентов, граждан - участников 36-й Международной антивоенной ассамблеи 2 августа 1998 года - занесено в фонды по рабочему движению.

В настоящее время фонды нашего музея продолжают пополняться материалами, отражающими не только отчаяние, протест, но и рост организованности и размаха рабочего движения.

Э. В. Алексеева

КУЗБАССОВЦЫ - УЧАСТНИКИ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ 60-90-Х ГОДОВ В МУЗЕЙНОМ ОТРАЖЕНИИ

Алексеева Эльвира Васильевна, старший научный сотрудник Кемеровского областного краеведческого музея

Участию кузбассовцев в локальных войнах и пограничных конфликтах 60 - 90-х годов в настоящее время посвящено ограниченное число публикаций, среди которых преобладают сборники воспоминаний, чаще в обработке профессиональных журналистов, и эпизодические статьи в периодической печати. Однако даже эти малочисленные публикации при правильном подходе могут послужить основой как для построения музейной экспозиции, так и для создания экскурсионных сопроводительных материалов, представляющих посетителям всех ее героев.

Так, воспользовавшись источниками (1-3), автору удалось положить начало построению экспозиционной выставки, посвященной кузбассовцам – участникам вооруженных локальных конфликтов. Эту работу необходимо было проводить сразу в нескольких направлениях: с одной стороны, комплектовать фонды музея, а с другой стороны – вести работу с непосредственными участниками событий, их родными и близкими. Основной сложностью при работе в любом из этих направлений являлось негласное замалчивание информации практически всеми официальными инстанциями, которые просто не отвечали на запросы. Шла необъявленная блокада против оглашения каких-либо достаточно полных сведений о масштабах потерь в этих войнах. Поэтому единственным источником достоверной информации оставались личные контакты с участниками событий, а для установления подобных контактов на доверительном уровне необходимо как можно больше узнать о человеке еще до первой встречи с ним.

Именно для первого знакомства с будущими героями экспозиции и были использованы дневники прапорщика Александра Желтухина и воспоминания медсестры Натальи Мишиной о годах работы в Афганистане, опубликованные в книге “Вернуться и жить” (4). Эмоцио-

нальные и яркие страницы этих дневников и воспоминаний позволили автору хорошо подготовиться к первой встрече с этими людьми и положить начало комплектованию фондов по афганской тематике.

В 1988 году вернувшиеся из служебной командировки в Афганистан журналисты газеты "Кузбасс" А. Сорокин и В. Грызихин опубликовали серию репортажей "Афганистан вблизи" о боевой жизни заставы Гундиган, где служили многие кузбассовцы (5). Журналисты передали в музей фотографии и негативы.

Во второй половине девяностых годов публикации материалов, посвященных локальным вооруженным конфликтам, стали более частыми и полными. Так, в вышедшем в 1996 г. сборнике "Война без победы" (3), составленном по воспоминаниям участников афганской и чеченской войн, уже были опубликованы достаточно полные списки кузбассовцев, погибших в этих вооруженных конфликтах. Книга А. А. Лопатина, вышедшая в 1997 г., уже не столько воспоминания о событиях, сколько осмысление их (6). В ней бывший советник МВД СССР попытался оценить афганские события в исторической ретроспективе. В таком же ключе написана и его статья, посвященная десятилетию окончательного вывода советских войск из Афганистана (7).

В это же время наконец появился "Перечень государств, территорий и периодов ведения боевых действий в них с участием граждан Российской Федерации и бывшего Союза ССР", где перечислены все вооруженные конфликты, в которых официально были задействованы военнослужащие России и бывшего Союза ССР.

Особое место в этом списке занимает книга "Кавказский крест", посвященная боевым действиям внутренних войск России в Чечне (8). В ней содержится не только много ценного документального материала, но и полные поименные списки погибших на территории Чечни сотрудников МВД России.

Вооруженное столкновение с Китайской Народной Республикой в районе о. Даманский в 1969 году является наиболее отдаленным от настоящего времени событием. В мае 1969 года в фонды Кемеровского областного краеведческого музея поступило более ста музейных предметов. Оружие и боеприпасы, вещи солдат, фотоснимки мест, где проходили бои, были привезены журналистом М.Г. Щербаковым, побывавшим на Даманском в составе кузбасской делегации вскоре после происшедших событий. Впоследствии основной комплекс лишь пополнялся. Достоверные же сведения о числе погибших на Даманском советских военнослужащих появились лишь по прошествии тридцати лет.

В период обострения отношений с КНР официальная пропаганда не скупилась на информацию о героических подвигах воинов-пограничников. Эта информация была не только не полной, но и однобокой. Сведения об участии в этом вооруженном столкновении воинских частей, не относящихся к Пограничным войскам, были полностью засекречены. Именно замалчивание факта участия в конфликте воинских частей, не являющихся пограничными, должно было создавать мнение, что столкновение с КНР в районе о. Даманский было всего лишь пограничным конфликтом. Только после рассекречивания архивов Федеральной пограничной службы России в 1999 году, выдержки из которых были опубликованы, в частности в газете "Комсомольская правда", стало известно, что потери среди пограничников и остальных военнослужащих были сопоставимыми по числу погибших. Этот факт непосредственно указывает на то, что вооруженное столкновение в районе о. Даманский вышло за рамки пограничного конфликта.

По опубликованным в 1999 году данным, в вооруженном столкновении в районе о. Даманский погибли 31 советский пограничник, 27 других советских военнослужащих и более 800 китайских солдат. В ноте Советского правительства правительству КНР от 2 марта 1969 года о случившемся говорилось так: "... 2 марта в 4 часа утра 10 минут московского времени китайские власти организовали на советско-китайской границе в районе пограничного пункта Нижне-Михайловка (остров Даманский) на реке Уссури вооруженную провокацию. Китайский отряд перешел советскую государственную границу и направился к острову Даманскому. По советским пограничникам, охранявшим этот район, с китайской стороны был внезапно открыт огонь из пулеметов и автоматов. Действия китайских нарушителей были поддержаны из засады огнем с китайского берега реки Уссури. В этом провокационном нападении на советских пограничников приняло участие более 200 китайских солдат. В результате этого бандитского налета имеются убитые и раненые советские пограничники". В ноте также говорилось, что СССР оставляет за собой право принять решительные меры для пресечения провокаций (9).

В статье "На страже границ СССР" начальник управления КГБ по Кемеровской области генерал-майор М. Баруткин пишет: "Новую славную страницу в истории Пограничных войск вписали советские пограничники на острове Даманском... Они с честью выполнили свой священный долг перед Родиной и советским народом" (10).

Юрий Васильевич Бабанский, Герой Советского Союза. 1969 г.

Действия солдат по защите государственной границы были поистине героическими. Например, когда у Геннадия Давыденко кончились патроны, он вступил в рукопашную схватку с китайскими провокаторами. Алеша Змеев 2 марта добровольно прибыл на остров, во время боя уничтожил несколько нарушителей. Пал смертью храбрых.

Героизм и стойкость на реке Уссури проявили кемеровчане младший сержант Юрий Бабанский и ефрейтор Валерий Захаров. Когда окруженные со всех сторон пограничники во главе с начальником заставы Иваном Стрельниковым погибли, младший сержант группы обеспечения Юрий Бабанский взял на себя командование и руководил боем.

Среди тридцати одного погибшего пограничника одиннадцать, более трети, кузбассовцы: Геннадий Овчинников, Александр Пасюта, Вячеслав Исаков из Кемерова, Николай Дергач из Кемеровского района, Виктор Егупов, Геннадий Давыденко из Юрги, Владимир Изотов, Сергей Нечай из Тайги, Алексей Змеев из Анжеро-Судженска, Виктор Соляник из Мариинского района и Виктор Ермалюк из Чебулинского района. Все погибшие удостоены посмертно правительственных наград. Всего же в вооруженном конфликте в районе острова Даманский участвовало более пятидесяти куз-

Встреча воинов-интернационалистов. Кемерово. 1989 год

бассовцев. Один из них, Юрий Бабанский, удостоен звания Героя Советского Союза, а Валерий Захаров, Владимир Леготин, Петр Малахов, Геннадий Пинжик, Михаил Путилов и Александр Рычагов награждены боевыми орденами и медалями. Вся эта информация отражена как в фондах музея, так и в действующей экспозиционной выставке отдела военной истории.

Фонды музея существенно пополнились в 1999 году, когда в Администрации Кемеровской области был организован прием в связи с тридцатилетием событий в районе острова Даманский. На этом приеме присутствовали около двадцати участников этих событий, и среди них Герой Советского Союза генерал-лейтенант Пограничных войск Юрий Васильевич Бабанский.

Афганская война, называемая официально действиями ограниченного контингента Вооруженных Сил СССР в Демократической Республике Афганистан, является уже значительно более трудной темой для музейного отражения. Главные трудности обусловлены самим характером этой войны, когда сам факт участия в ней не только замалчивался официальными властями, но и даже скрывался. Особенно это касается сведений о потерях в боях. Достаточно лишь сказать, что в начале Афганской войны родственникам погибших запрещалось не только указывать на надгробиях место гибели военнослужащего, но даже писать слово "погиб". Только в 1999 году было объявлено, что военную службу в Афганистане про-

ходили более восьми тысяч кузбассовцев, а не две тысячи семьсот тридцать пять, как это указывалось ранее.

В середине восьмидесятых годов, когда данные о потерях замалчивать стало невозможно, на надгробиях разрешили надписи "Погиб при исполнении интернационального долга". В это же время в военных училищах, выпускники которых погибли в Афганистане, стали появляться музейные экспозиции, посвященные афганской тематике. Одной из первых появилась экспозиция в Новосибирском высшем военно-политическом училище, где была представлена полная информация обо всех погибших выпускниках училища, в том числе и о кемеровчанине Герое Советского Союза Николае Шорникове.

Опираясь на эту информацию, автор начал установление личных связей с кемеровчанами – участниками Афганской войны. К этому времени в военкоматах уже можно было получить информацию об "участниках интернационального контингента в Афганистане" (именно так в то время назывались части Вооруженных Сил СССР в ДРА). Одними из первых участников Афганской войны, с кем встретился автор, были награжденные боевыми орденами и медалями сержант Евгений Сколов, младший сержант Сергей Елисеев, рядовые Николай Алексеев, Владимир Арышев, Анатолий Бочкарев. Именно с первой встречи, прошедшей в отделе военной истории Кемеровского краеведческого музея, начался "Клуб воинов-интернационалистов имени Николая Шорникова". С каждой новой встречей участников становилось все больше – практически каждый участник прошлой встречи приводил новых участников боевых действий в Афганистане. После прихода в клуб в 1986 году прапорщика Александра Желтухина, кавалера двух орденов Красной Звезды, добровольно ушедшего в Афганистан, клуб обрел своего неформального лидера. С этого времени встречи стали носить регулярный характер, был разработан проект устава, начались встречи участников боев в Афганистане с учащейся и рабочей молодежью. Деятельность клуба воинов-интернационалистов стала освещаться средствами массовой информации.

Только после этого работой клуба заинтересовались городской и областной комитеты ВЛКСМ, клубу дали постоянное помещение, и работа его стала вестись не только в Кемерове, но и по всему Кузбассу. Началась подготовка первого областного слета воинов-интернационалистов. К этому времени в Кузбассе было создано уже двенадцать советов в малых и больших городах, во многих городах были созданы военно-патриотические клубы, в которых ак-

тивно работали вернувшиеся из Афганистана солдаты и офицеры.

В октябре 1987 года состоялся слет воинов-интернационалистов, на котором был учрежден областной совет. По уставу совет являлся юридическим лицом, но реально не имел собственного счета. Основные и оборотные средства совета являлись обособленной частью собственности комсомола. С 1988 года принято решение о внесении в устав дополнений о хозрасчете и самофинансировании областного Совета воинов-интернационалистов. В этом же году на счет управления культуры Кемеровской области для областного краеведческого музея было перечислено 10 тысяч рублей на строительство экспозиции. В мае 1989 года был принят и утвержден постановлением бюро обкома ВЛКСМ новый устав областного совета воинов-интернационалистов запаса Кемеровского обкома ВЛКСМ, в котором появляются новые цели: оказание платных услуг населению и организациям, производственная и хозяйственная деятельность, создание материальной базы совета. Был открыт расчетный счет в банке.

В декабре 1990 года в связи с тем, что цели и задачи областного совета воинов-интернационалистов не в полной мере выражались в уставе, областной совет был преобразован в Кузбасский союз ветеранов Афганской войны. 28 октября 1991 года Союз зарегистрирован в управлении юстиции Администрации Кемеровской области. С этих пор Союз не зависит в своей деятельности и организационной структуре ни от ВЛКСМ, ни от каких-либо других обществ, организаций (11).

Воины-интернационалисты городов Кемерово, Новокузнецк, Междуреченск, Юрга открыли счета в банках для сбора средств на строительство памятников погибшим в Афганистане. Но лишь 11 июня 1999 года в Кемерове была открыта мемориальная плита с именами ста двадцати четырех кузбассовцев, погибших в Афганистане при исполнении воинского долга.

После создания областного совета воинов-интернационалистов началось систематическое комплектование фондов музея по афганской тематике. Совет помог в сборе материалов со всех городов и районов Кузбасса. Прекрасный комплекс был сформирован по Наталье Мишиной. Медсестра спецотряда, она выполняла роль агитбойца. Помимо документов, фотографий, вещей, она сдала в музей более 10 агитационных листовок.

В фондах музея хранятся материалы Олега Шишкина, переданные его женой Л.П.Шишкиной: осколки, вынутые из тела после его гибели, летный шлемофон, планшет. В общей сложности около 400

музейных предметов, рассказывающих не только о подвиге, но и о короткой жизни погибших мальчиков и их командирах, о нелегких судьбах живых афганцев. Эти материалы и составили основу первой экспозиции, посвященной кузбассовцам – участникам войны в Афганистане.

В 1991 году в Кузбассе был создан областной совет вдов и матерей погибших в Афганистане солдат и офицеров. Во главе этого совета со дня основания стоит Людмила Петровна Шишкина, вдова капитана, командира вертолета Олега Шишкина, погибшего за шесть дней до окончательного вывода войск из Афганистана. Этот совет вел большую самостоятельную работу по сбору и сохранению афганских реликвий в надежде открыть собственный музей. Затем было принято решение передать собранный материал в отдел военной истории областного музея. Реликвии, особенно по военным летчикам, позволили значительно расширить и дополнить музейную экспозицию, придать ей более завершенный вид. Одновременно с этим совет стал проводить в музее регулярные встречи, объединяющие как родственников погибших, так и оставшихся в живых ветеранов Афганской войны.

К настоящему времени музей располагает наиболее полными данными о кузбассовцах, принимавших участие в военных действиях в Афганистане, включая сведения о погибших, раненых и награжденных. В Кемеровской области в настоящее время проживает около четырех тысяч ветеранов Афганской войны.

Если Афганская война понемногу начинает отходить в историю, то военные действия в Чечне являются поистине современными событиями. Здесь комплектование музейных фондов сопряжено с наибольшими трудностями. Как и в обоих предыдущих случаях, по непосредственным следам событий официальные инстанции вновь отказывают в информации, и единственным ее источником является личное общение. В этом нам очень помогает постоянно поддерживаемый контакт с советом вдов и матерей погибших в Афганистане солдат и офицеров. Именно благодаря поддержке председателя Совета Л. П. Шишкиной автору удалось познакомиться с председателем координационного комитета матерей солдат, погибших в Чечне, Рамилой Алексеевной Вейц. Благодаря ей удалось получить неполный список кузбассовцев-рядовых срочной службы, погибших в Чечне. Он и положил начало работе по комплектованию фондов музея о погибших в Чечне. Практически каждый из полученных экспонатов – это боль невосполнимой утраты, которую пришлось пере-

жить вместе с родителями погибших мальчиков.

В отличие от представителей Министерства обороны, представители Министерства внутренних дел сразу пошли навстречу музею. Уже первый контакт с командованием части внутренних войск, принимавшей участие в боевых действиях в Чечне, позволил не только получить сведения о кузбассовцах-военнослужащих этой части, но и установить контакт с другими заинтересованными сотрудниками УВД по Кемеровской области. Благодаря этому сразу были получены списки всех сотрудников УВД, погибших в ходе боевых действий на территории Чеченской республики.

Комплектование фондов музея по погибшим в Чечне сотрудникам УВД положило начало плодотворному сотрудничеству с воинской частью "Белый Медведь". В настоящее время командование части не только помогает в работе по комплектованию музейного фонда, но и ведет на базе музея постоянную работу по воспитанию личного состава. Одной из важнейших форм этой работы является принятие бойцами части воинской присяги в отделе военной истории, где представлены материалы о погибших в Чечне офицерах части – майоре Викторе Барышникове и старшем лейтенанте Игоре Гуляеве, навечно зачисленных в список личного состава.

В настоящее время музей располагает наиболее полными поименными списками кузбассовцев, погибших в боях на территории Чечни. Среди других материалов в музее наиболее полно представлены комплексы, посвященные Герою России сержанту милиции Станиславу Амелину и рядовым срочной службы, студентам Кемеровского горного колледжа Евгению Никитенко и Дмитрию Климову.

Построенная в отделе военной истории Кемеровского областного краеведческого музея экспозиция является в настоящее время единственным систематическим источником информации о кузбассовцах – участниках военных конфликтов 60 - 90-х годов. В то же время ее можно считать началом более широкой экспозиции, посвященной кузбассовцам, участвовавшим во всех локальных войнах, проходивших после второй мировой войны. Уже появились первые сведения об участниках военных действий в Корее, Вьетнаме и Анголе.

Именно наличие экспозиции позволило отделу военной истории стать своеобразным центром притяжения всех лиц, заинтересованных в сохранении памяти об этих событиях и их непосредственных участниках, местом регулярных встреч ветеранов Афганистана, родственников и близких погибших воинов, местом проведения вос-

питательной работы с молодежью.

Следует отметить, что особая актуальность построенной экспозиции обусловлена неоднозначным ее восприятием посетителями разных возрастных групп и социальных слоев. Это говорит о том, что построенная экспозиция заставляет задумываться о происшедшем и о происходящем.

Отдел военной истории внес свой вклад в то, что, в преддверии пятидесяти четвертой годовщины Победы в Великой Отечественной войне, на мемориальной доске появились имена Героев Советского Союза Николая Шорникова и Игоря Запорожана и Героя России Станислава Амелина.

*Никитенко Евгений Юрьевич,
рядовой 74-й гвардейской
мотострелковой бригады, 1994 г.*

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Елисеев Г. Мы - шорниковцы. // Ленинец, (Новосибирск). - 1986. - №6.4. Вернуться и жить: Сборник очерков. - Кемерово, 1988.
2. Райнеш Е. И жизнь уже прожить за них нельзя // Комсомолец Кузбасса. - 1991. - 14 февраля.
3. Война без победы: Сборник по ред. Е. Богданова. - Кемерово, 1996.
4. Вернуться и жить: Сборник очерков. - Кемерово, 1988.
5. Сорокин А., Грызихин В. Афганистан вблизи. Серия репортажей // Кузбасс. - 1988. Май.
6. Лопатин А. А. Два года в Афганистане. - Кемерово, 1997.
7. Лопатин А. А. Афганская война от Брежнева до Горбачева. // Кузбасс. - 1999. - 9 февраля.
8. Карпов Б., Смирнов О. Кавказский крест. - Москва, 1997.
9. Холмогоров М. Герои острова Даманскийю- М., 1969.
10. Баруткин М. На страже границ СССР // кузбасс. - 1969. - 28 мая.
11. Субочева Л.М., Седукина А.М. Историческая справка архивной описи №1 для постоянного хранения ГАКО. - Кемерово, 1995.

Л. Ф. Кузнецова

УЧИТЕЛЬ, КРАЕВЕД, КОЛЛЕКЦИОНЕР

Кузнецова Любовь Федоровна, старший научный сотрудник Кемеровского областного краеведческого музея, заслуженный работник культуры РФ

В фондах Кемеровского областного краеведческого музея хранится большой комплекс материалов по средней школе и поселку Урску Гурьевского района. Собраны они были краеведами клуба "Поиск" под руководством Н.П. Барсема.

Имя учителя литературы Никиты Павловича Барсема многие жители поселка хорошо помнят. С конца 1930-х годов он учил поселковых ребятишек, многие из которых сегодня – убеленные сединами старцы. За 40 лет он воспитал не одно поколение, был всеми уважаем и любим, хоронили его в 1982 году всем поселком. Ушел из жизни не просто хороший человек, а наставник и учитель. Старики вспоминали, как ходили к нему за советами, а ребята приходили смотреть его коллекции. Они могли часами слушать рассказы Никиты Павловича о денежных знаках, марках. И по первому зову шли за ним в лес собирать почки смородины, березы. Для него лес был открытой книгой. Учитель в каждом своем поступке, каждом слове, Никита Павлович вложил частицу своей души во многие ребячьи сердца.

А душа у Никиты Павловича была тонко чувствующая и беспокойная, касалось ли это людей или природы. Озабоченный уничтожением берез, Н.П. Барсем на страницах районной газеты "Знамя Ильича" (постоянным корреспондентом которой он был) вступил в полемику с "сердитым салаирцем", которого возмутил призыв строже наказывать тех, кто бездумно уничтожает березу. Читатель был твердо уверен, что через 10-15 лет начнется атомная война и жить надо только сегодняшним днем. К сожалению, он был не одинок в своем убеждении. В ответ Никита Павлович поведал притчу о дедушке, который сажит яблоню для того, чтобы плоды собирал внук (1).

Это не просто два противоположных взгляда на природу – это два разных мира, один из которых призывает к созиданию, другой разрушает все вокруг себя.

Жить и созидать для будущих поколений – одна из основных заповедей учителя Барсема. Он хотел сохранить не только природу, но и память о людях, творивших историю его родного края и страны.

В 1967 году Н.П.Барсем организовал в школе клуб “Поиск”. Как учитель, ушедший в 1941 году на фронт вместе со своими учениками, Никита Павлович своим святым долгом считал увековечить память о 17-18-летних мальчишках, отдавших свои жизни за Родину. Большую помощь ему в этом оказывала жена Фаина Денисовна, преподаватель немецкого языка. С ребятами своего класса она встречалась с родными и близкими погибших. Юные краеведы записывали рассказы живых фронтовиков, вели большую переписку с выпускниками школы.

Среди собранных материалов фотографии, фронтовые письма, документы погибших выпускников 1941 года: минометчика Василия Токарева, чье имя носит дружина школы пос. Шерипинска (под Великими Луками), где погиб Василий; пехотинцев Ивана Конева и Ивана Пахомова, санинструктора Наталии Лужных (2). Более ста имен фронтовиков удалось найти ребятам.

Многие из них были гостями школы на вечерах и классных часах, в их числе известные люди поселка, такие как Александр Семенович Баев, депутат поссовета, кавалер ордена Почета, ветеран финской и Великой Отечественной войн (3).

Нередко выступал и сам Никита Павлович Барсем. За пять фронтовых лет он прошел путь от рядового до старшего лейтенанта в составе 188-й стрелковой дивизии. От Москвы до Болгарии пролегли его фронтовые дороги. Он освобождал Смоленщину, Украину, Молдавию. В своих рассказах Никита Павлович больше говорил о других, чем о себе. Но высокие награды – три ордена и медали, среди которых одна болгарская, свидетельствуют о мужестве и отваге Н.П. Барсема.

Другим направлением в поисковой работе клуба была история поселка, жизнь которому дал рудник “Баритский”. В 1978 году Н.П.Барсем стал инициатором и организатором празднования 45-летия со дня основания рудника. К этому времени краеведы нашли немало материалов по истории поселка. Никита Павлович разыс-

Барсем Н.П. (справа) с фронтовым другом. 1942 г.

Д.И. Килеев. 1970-е годы

Кроме геолога Килеева, были найдены первые строители рудника – Н.И. Дуркин, первый начальник участка линзы-2 основного производства рудника; рабочие Г.А. Востротин, А.К. Парфенов и другие. Шаг за шагом Н.П. Барсем с краеведами документально восстанавливали историю баритского золота, со-

кал в архивах документы о первооткрывателе баритского золота Д.И. Килееве, человеке удивительной судьбы. В 1932 году студент Уральского горного института Дмитрий Иванович Килеев назначен начальником геологоразведочной партии Салаирского рудника, и через год, 1 октября 1953 года, геологи открыли баритское золото. Но лишь в 1970 году за это открытие Д.И. Килееву был вручен диплом и знак “Первооткрыватель месторождения”. Первый исследователь геологического строения Чукотского полуострова, организатор военно-геологической службы Красной Армии в годы Великой Отечественной войны, руководитель геологической партии по разведке урановых руд для создания первого атомного реактора – вот далеко не полный послужной список заслуженного геолога СССР Д.И. Килеева (4). Ребята долго переписывались с ним.

здавали летопись поселка Урск.

Материалы по участникам Великой Отечественной войны и истории рудника были выставлены в музее Баритской средней школы. Музейные экспозиции служили местом проведения внеклассных мероприятий, а историки проводили там уроки по Великой Отечественной. Частыми гостями в музее были и жители поселка.

По словам Фаины Денисовны, Н.П.Барсем был страстным коллекционером. Увлечение это пришло в 14 лет и осталось на всю жизнь.

“В моей коллекции, насчитывающей около 16 000 знаков, бонны (денежные знаки на бумаге, шелке, картоне), монеты, среди которых 94 штуки выпущены более 20 веков назад, памятные медали и значки”, - писал Никита Павлович в статье “Языком символики” (5). Особое внимание он уделял поиску краеведческого материала, всему, что связано с Кузбассом. Много времени он отдавал изучению своих коллекций. Сохранилась его переписка с крупнейшим музеем нашей страны – Эрмитажем, куда Никита Павлович обращался за консультациями по монетам Римской империи, Золотой Орды.

Сегодня небольшая часть этого собрания поступила в областной краеведческий музей. 280 бонн России и европейских государств XIX -XX вв., 185 почтовых открыток и конвертов, 97 значков, часть которых о Кузбассе, более 200 марок, 35 монет, в основном иностранных, около 50 лотерейных билетов и карманных календарей прислала нам в дар Фаина Денисовна Барсем. Это то немногое, что осталось от коллекции Никиты Павловича.

Круг интересов собирателя был очень широк: нумизматика, бонистика, филателия, фалеристика, филокартия. Не менее разнообразна и география, она охватывает полмира. Большая часть экспонатов – это российские материалы, но есть денежные знаки стран Европы, Азии. Увлеченный процессом поиска, Н.П.Барсем, вероятно, формировал свою коллекцию из того, что предлагали коллекционеры из разных уголков страны.

Коллекционер Барсем неотделим от учителя Барсема. Часть своей коллекции Никита Павлович Барсем выставлял в музее, где проводил занятия кружка “Юный коллекционер”, уроки, классные часы. Многие ребята под влиянием своего наставника собирали свои коллекции, изучали их, тем самым расширяя свой кругозор.

После ухода на пенсию Н.П.Барсема созданный им музей постепенно хирел: среди педагогов не нашлось такого же увлеченного и самоотверженного хранителя памяти, и со временем его закрыли.

В 1990-х годах Фаина Денисовна Барсем опубликовала в газете "Наша жизнь" большую часть музейных материалов. Собранные воедино, они освещают историю рудника "Баритский", историю жизни нескольких его поколений, собранную учителем-краеведом, коллекционером Н.П. Барсемом.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Барсем Н. Чтобы хватило внукам. // Знамя Ильича. - 1979. - 20 февраля.
2. Барсем Ф. Под вальс сорок первого // Знамя Ильича. - 1981. - 27 июня.
3. Барсем Н. Гвардии солдат // Знамя Ильича. - 1975. - 6 февраля.
4. Барсем Ф. Первооткрыватель золота // Наша жизнь. - 1993. - 31.
5. Барсем Н. Языком символики // Знамя Ильича. - 1971. - 29 августа.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

И.Ю. Усков

МАТЕРИАЛЫ ПЕРЕПИСИ ВЕРХОТОМСКОГО ОСТРОГА 1703 г.

Усков Игорь Юрьевич, аспирант кафедры истории России Кемеровского государственного университета

Публикуемый ниже материал по истории Верхотомского острога извлечен из “Дозорной книги Томского уезда 1703 г.” – источника, относящегося к группе документов демографического и податного учета населения, которые “имеют ключевое значение для фундаментальной разработки кардинальных проблем истории региона” (1).

Дозорные книги, аналогично писцовым книгам, содержат описания земельных владений в сибирских уездах. По Томскому и Кузнецкому уездам сохранилась лишь упомянутая “Дозорная книга Томского уезда 1703 г.” (2), составленная воеводой стольником Л.Р.Петрово-Соловово. Впервые о ней упоминает Н.Н.Оглоблин: “Записи говорят о местонахождении “заимок”, деревень, пашен и пр., о межах владений, указывают количество пашенной, “запойной” и др. земли, описывают угодья (подробно о мельницах и рыбных ловлях), говорят о “крепостях” на земли и угодья, об “оброках”, усадьбах на заимках и пр., причем перечисляются имена “работных людей” (у служилых людей) и детей мужского пола (у всех), описываются собинные и государевы пашни у крестьян и пр. Книга оканчивается итогами уезда, но конца их нет” (3).

Материалы дозорной книги активно использовались сибирскими исследователями как источник по демографической и социально-экономической истории региона (4).

Признавая важность использования документа для изучения данных аспектов исторического развития региона, необходимо учитывать и то, что позитивные изменения в методологии исторических исследований определили “высокую потребность в источниках генеалогической информации” (5), а материалы дозор-

ной книги приводят персональный состав населения региона. Поэтому публикация сведений по пашенным крестьянам Верхотомского острога видится весьма актуальной для изучения различных аспектов начальной истории современного областного центра. Значимость публикации возрастает и в связи с тем, что не сохранились материалы первой ревизской переписи (1720 г.) по Верхотомскому острогу (6), и поэтому дозорная книга имеет ключевое значение для решения проблемы движения населения Верхотомского ведомства в феодальную эпоху(7).

Извлечения из "Дозорной книги Томского уезда 1703 г."(8)

Острог Верхотомский на реке Томи, а в нем церковь Вознесения Господня, да двор приказчиков, да хлебные амбары, да в нем живут великого государя пашенные крестьяне, а кто именно и то писано ниже сего порознь и у той Вознесенской церкви в Верхотомском острогу попа и иных церковных причетников нет. А живет у той церкви вместо дьячка присыльной человек черной раздьякон Василий Иванов. А двора у него своего нет и пашни на себя он не пашет и сена не косит. А для прокормления дают ему Василию приходские люди пашенные крестьяне хлеба с двора по четверику в год. А в казну великого государя он Василий ни чего не платит.

Крестьянин Федор Безъязыков. А по сказке его детей у него сын Федор большой женат, Федор меньшей 13, Иван 7, Алексей 2. Купленной работник калмыцкой породы Григорий 7. Пашни – по десятине "государевой", две "собинной", сена косит 50 копен. И с той своей пахаты платит в казну отсыпного хлеба "четверть ржи, овса тож", по десяти денег в год.

Крестьянин Андрей Миронов. Дети – Данило женат, у него сын Борис 2. Пашни – 0,75 "государевой", 4 "собинной", сена 150 копен, платит ямских по десяти денег в год. У него построена на речке Чесноковке мельница, а оброку с той мельницы ничего не платит.

Крестьянин Яков Волков. Детей нет. Пашни – 0,25 "государевой", 0,25 "собинной", сена косит 50 копен, платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Афанасий Санатырев. Дети – Федор 5, Яков 2, да с ним же живет не в разделе брат родной Иван женат, сын Афанасий

сий 1. Пашни – десятина “государевой”, 4 “собинной”, сена 100 копен, платит отсыпного хлеба “по осминке ржи, овса тож”, да ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Семен Колокольцов. Дети – Григорий 15, Степан 13, Прокофий 10, Иван 4. Пашни – десятина “государевой”, 3 “собинной”, сена косит 150 копен. Платит отсыпного хлеба “по осминке ржи”, ямских по десяти денег. У него мельница на речке Чесноковке, а оброку с той мельницы ничего не платит.

Крестьянин Степан Кемиров. Дети – Антон 15, Афанасий 10. Пашни – 0,5 “государевой”, 3 “собинной”, сена косит 360 копен. Платит отсыпного хлеба “по осминке ржи, овса тож ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Иван Афонасьев. Дети – Василий 2, Федор 1. Брат Дмитрий женат. Пашни – 0,75 “государевой”, 2 “собинной”, сена косит 150 копен. Платит отсыпного хлеба “по осминке овса”, ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Михайло Лапкин. Дети – Алексей 12, Иван 7, Василий 5. Пашни – 0,75 “государевой”, 4 “собинной”, сена косит 60 копен, ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Василий Колокольцев. Детей нет. Пашни – 0,25 “государевой”, десятина “собинной”, сена косит 20 копен. Платит отсыпного хлеба “по осминке овса”, ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Петр Иванов. Сын Михайло 18. Пашни – 0,5 “государевой”, 0,5 “собинной”, сена косит 70 копен. Платит ямских – по десяти денег в год.

Крестьянин Григорий Черкашенинов. Сын Степан 3. Не в разделе братья Андрей да Иван женаты, Никифор 16, Герасим 13. Пашни – десятина “государевой”, 2 “собинной”, сена косит 150 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Илья Антипин. Дети – Софрон женат, Евтифей 18, Федор 12. Пашни – десятина “государевой”, 2 “собинной”, сена косит 100 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Василий Новиков. Дети – Василий 14, Иван 13. Пашни – 0,5 “государевой”, десятина “собинной”, сена косит 40 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Роман Наумов. Дети – Павел 18, Леонтий 15, Иван 8, Кирилл 6. Пашни – десятина “государевой”, десятина “собинной”, сена косит 50 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Ананья Семенов. Дети – Андрей 20, Илья 14, Михайло 4. Пашни – 0,5 “государевой”, 0,5 “собинной”, сена косит 20 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Леонтий Володимеров. Дети – Иван 20, Гаврило 18, Никита 15. Пашни – десятина “государевой”, “полчетверти собинной”, сена косит 110 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Кузма Елизарьев. Дети – Данила 20, Илья 16, Гаврило 12, Павел 10, Иван 8, Петр 4. Пашни – 1,25 “государевой”, 3 “собинной”, сена косит 100 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Никифор Новиков. Дети – Михайло 6, Тимофей 3. Пашни – 0,5 “государевой”, десятина “собинной”, сена косит 50 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Иван Кривой. Пашни – 0,5 “государевой”, десятина “собинной”, сена косит 20 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Конон Дубской. Дети – Матфей 12, Гавриил 10. Пашни – 0,5 “государевой”, 2 “собинной”, сена косит 100 копен. Платит отсыпного хлеба “по осминке ржи, овса тож”, да ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Афанасий Хрипун. Дети – Михайло женат, а у него дети Василий 8, Трофим 6, Леонтий 4, Иван 3, Тихон 1. Пашни – 0,5 “государевой”, “полтрети собинной”, сена косит 150 копен. Платит отсыпного хлеба “по осминке ржи, овса тож”, да ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Герасим Беляев. Пашни – 0,5 “государевой”, десятина “собинной”, сена косит 40 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Семен Брюха. Пасынки – Алексей 13, Прокофий 10, Ларион 7. Пашни – 0,5 “государевой”, 0,5 “собинной”, сена косит 30 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Степан Смирной. Дети – Евдоким 6, Гаврило 4. Пашни – 0,25 “государевой”, на себя не пашет и сена не косит. Кормится работою своей, да платит ямских по десяти денег.

Крестьянин Михайло Афонасьев. Сын Иван 14. Пашни – 0,5 “государевой”, 0,5 “собинной”, сена косит 40 копен. Платит ямских денег десять.

Крестьянин Дмитрий Обросимов. Пашни – 0,25 “государевой”,

десятина "собинной", сена косит 60 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Агафон Иванов. Дети – Иван большой 17, Яким 15, Агафон 5, Иван меньшей 4. Пашни – 0,75 "государевой", 1,5 "собинной", сена косит 100 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Сергей Иванов. Пашни – 0,5 "государевой", 2 "собинной", сена косит 100 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Павел Кобель. Дети – Герасим женат. Осип 16, Артемий 9. Пашни – десятина "государевой", 2 "собинной", сена косит 100 копен. Платит ямских десять денег в год.

Крестьянин Иван Максимов. Дети – Данила 4. Афанасий 1. Не в разделе брат Никита 20. Пашни – 0,5 "государевой", 2 "собинной", сена косит 100 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Ефрем Васильев. Сын Петр 7. Пашни – 0,5 "государевой", 1,5 "собинной", сена косит 100 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Василий Максимов. Сын Петр полгода, не в разделе брат Федор 10. Пашни – 0,5 "государевой", 0,5 "собинной", сена косит 100 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Филат Щукин. Пашни – 0,5 "государевой", на себя не пашет и сена не косит, а кормится работою своею. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Ефрем Васильев. Сын Петр 7. Пашни – 0,5 "государевой", 1,5 "собинной", сена косит 100 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Василий Максимов. Сын Петр полгода, не в разделе брат Федор 10. Пашни – 0,5 "государевой", 0,5 "собинной", сена косит 100 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Филат Щукин. Пашни – 0,5 "государевой", на себя не пашет и сена не косит, а кормится работою своею. Платит по десяти денег в год.

Крестьянин Степан Новиков. Сын Федор 1, пасынок Михайло 6. Пашни – 0,5 "государевой", 1,5 "собинной", сена косит 100 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Федор Васильев. Пашни "государевой" не пашет, 1,5 "собинной", сена косит 60 копен. Платит ямских по десяти

денег в год.

Крестьянин Михайло Галечанин. Сын Герасим 6. Платит вместо десятинной пашни отсыпного хлеба “по три четверти ржи, овса тож”, да ямских по десяти денег в год, а сена косит 60 копен.

Крестьянин Герасим Галечанин. Дети – Иван 7, Гаврило пол-году. Платит вместо десятинной пашни отсыпного хлеба “по три четверти ржи, овса тож”, 0,5 “собинной”, сена косит 30 копен, и с той своей пахоты платит отсыпного хлеба “по осминке овса”, да ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Кузма Ярымовец. Пашни – 0,25 “государевой”, на себя не пашет и сена не косит за скудостью своею и кормится работою своею. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Кузма Никифоров. Дети – Никита 30 “родом юрод”, Иван большой 20, Иван меньшей 17, Обросим 6, Андрей 3. Пашни – десятина “государевой”, 2 “собинной”, сена косит 100 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Алексей Козмин. Пашни – 0,25 “государевой”, десятина “собинной”, сена косит 50 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Кондратий Власов. Дети – Иван женат, Константин 17, Гаврило 15. Пашни – 0,75 “государевой”, 3 “собинной”, сена косит 100 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Максим Яковлев. Дети – Андрей 15, Петр 12, Василий 10, Михаиле 4. Пашни – 0,75 “государевой”, 0,75 “собинной”, сена косит 30 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Прокофий Иванов. Пашни – 0,5 “государевой”, десятина “собинной”, сена косит 50 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Герасим Веретенников. Платит вместо десятинной пашни отсыпного хлеба “по полтрети четверти ржи, овса тож”. 0,5 “собинной”, сена косит 20 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Иван Заика. Пашни – 0,5 “государевой”, на себя не пашет и сена не косит. Кормится кузнечной своей работою, платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Иван Зерколщик. Пашни – 0,25 “государевой”, на себя не пашет и сена не косит. Кормится работою своею, платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Никифор Трифонов. А по челобитью его Велико-

му Государю за старостью и за увечьем, и за одиночеством он от десятинной пашни отставлен, и живет бобылем и пашет для прокормления полдесятины, сена косит 20 копен.

Крестьянин Василий Шишка. Платит он вместо десятинной пашни отсыпного хлеба "по чети ржи, овса тож". 2 "собинной", сена косит 40 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Да в том же Верхотомском остроге живут на Томе новоприсланные люди на подворьях у крестьян. А на великого государя десятинные пашни они не пашут и отсыпи ничего не платят и на себя пашни не пашут же, а кормятся работой своей. А вместо денежной и хлебной подмоги по указу великого государя и по грамоте дана им на три года льгота. А кто именно и то писано ниже сего.

Михайло Евсевьев, Михайло Бритой, Ефрем Михайлов, Демид Михайлов, Кирило Грязной, Иван Ярославец, Сергей Зыков, Илья Васильев, Федор Анисимов, Яким Игнатъев, Исай Рагозин женат, Василий Гроботов женат с сыном Василием 10, Леонтий Коноплев, Юрий Щелканов, Константин Черкасского, Марко Кирилов сын Трекин, распопа Тимофей Иванов женат с детьми Евстифеем 25, Сергеем 10, распопа Абрам Алексеев женат с сыном Василием 2, Ларион Ладыков женат, Иван Котельников женат, распопа Иван Григорьев, Полуект Воробьев женат с детьми Петром 15, Иваном 12, Карп Мелезников женат с сыном Никитой 15, Иван Сидоров сын Стрельников женат с детьми Иваном 18, Степаном 15, Семеном 1, Петр Половинкин, Митрофан Серебренников, Степан Попов, Василий Моровской, Степан Покровцов, Матвей Сапожников, Лазарь Иванов, Елисей Иванов, Мартын Серебренников, Савелий Иванов, Леонтий Иевлев, Афанасий Верещагин, Афанасий Павлов, Лука Колпоков, Василий Федоров, Василий Губа, Панкрат Малчин, Иван Обросимов женат с детьми Яковом 2, Федором полгода, Игнатий Татаринов, Пуд Анкудинов, Григорий Дмитриев, Тимофей Тихонов, Федор Дмитриев, Михей Семенов, Терентий Ларионов женат, Тимофей Федоров, Ярофей Алексеев, Семен Иванов, Семен Лукьянов сын Заповала, Семен Корнилов, Андрей Абрамов, Елифан Маслов женат, Андрей Иванов, Михайло, Иван Федоров сын Нечаев, Григорий Яковлев, Иван Мелков женат, Никита Елифанов, Никифор Калыхин.

Того ж Верхотомского острога пашенные крестьяне живут вверх по Томе реке выше Верхотомского острога в деревне Щагловой. А кто именно и то писано ниже сего порознь.

Крестьянин Михайло Шагол. Дети – Петр женат, а у него дети Григорий 15, Алексей 8 “родом юрод”; Борис женат. Пашни – десятина “государевой”, 3 “собинной”, сена косит 100 копен. Со своей пахоты платит отсыпного хлеба “по четверти ржи”, да ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Федор Шаглов. Сын Алексей 1. Брат Михайло женат, сын Василий 1. Пашни – 0,5 “государевой”, 3 “собинной”, сена косят 100 копен. Платят отсыпного хлеба “по четверти овса”, да ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Тимофей Коренев. Дети – Иван женат, у него сын Степан 3; Григорий женат, у него сын Никифор 1. Пашни – десятина “государева”, 4 “собинная”, сена косит 150 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Федор Шаглов. Брат Григорий 20. Пашни – десятина “государевой”, 4 “собинной”, сена косит 150 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Данило Иванов. Братья Иван 7, Степан 5, Пашни – “государевой” не пашет и отсыпи ничего не платит, 0,5 “собинной”, сена косит 20 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Савелий Коренев. Пасынки Василий 15, Леонтий 10, Федор 4, Алексей 2. Пашни – 0,5 “государевой”, 1,5 “собинной”, сена косит 50 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Того ж Верхотомского острога пашенные крестьяне живут ниже Верхотомского острога в той же Верхотомской окружной меже вниз по Томе реке на устье речки Глубокой. А кто именно и то писано ниже сего порознь.

Крестьянин Козма Борода. Сын Леонтий 8. Платит вместо десятинной пашни отсыпного хлеба “по пяти четвертей ржи, овса тож” 2 “собинной”, сена косит 20 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Афанасий Мченской. Дети – Григорий женат, Иван 18, Борис 9, Игнатий 7. Пашни – десятина “государевой”, 4 “собинной”, сена косит 150 копен. Платит ямских по десяти денег в год.

Того ж Верхотомского острога пашенные крестьяне живут на реке Томи в деревне Макаровой на особых своих пашенных заимках. А кто именно и то писано ниже сего порознь.

Крестьянин Василий Креков. Дети – Семен 6, Иван полгоду. А владеет пашенной заимкой по крепости за год. Племянники Иван, Никита. “Собинной” пашни 4 десятины, косит 200 копен сена, и с

своей пашни платит отсыпного хлеба "по четверти ржи, овса тож"
Платит вместо десятинной пашни отсыпного хлеба "по три чети ржи, овса тож", да ямских по десяти денег в год.

Крестьянин Иван Креков. Сын Дмитрий 1. "Собинной" пашни 4 десятины, сена косит 100 копен, с ней платит отсыпного хлеба "по осминке ржи, овса тож". Платит вместо десятинной пашни отсыпного хлеба "полторы чети ржи, овса тож", да ямских по десяти денег в год. Владеет заимкой безрозделу с дядей пашенным крестьянином Василием.

Крестьянин Никита Семенов. Брат Алексей 18. "Собинной" пашни 3 десятины, сена косит 200 копен, с ней платит отсыпного хлеба "четверть ржи, овса тож". Платит вместо десятинной пашни "по две чети ржи, овса тож", да ямских по десяти денег в год. А владеет заимкой по крепости без розделу с дядей Василием Крековым.

Крестьянин Андрей Креков. Сын Илья 10. "С распашными и заложными" землями 30 десятин, сенных покосов на 200 копен, владеет по крепости; "собинной" пашни 3 десятины, с ней платит отсыпного хлеба "четверть ржи, овса тож". Платит вместо десятинной пашни "по три чети ржи, овса тож".

Того ж Верхотомского острога пашенные крестьяне живут в городе. А пашни на себя не пашут и сена не косят, кормятся работою своей и иными промыслами. А кто именно и то писано ниже сего порознь.

Крестьянин Гавриил Безъязыков. Детей нет. Купленной дворовый работник калмыцкой породы Иван 5. Платит вместо десятинной пашни "по пяти чети ржи, овса тож", да ямских по десяти денег в год.

Того ж Верхотомского острога крестьяне присыльные люди живут в городе на посаде и кормятся работою своей и рукоделием. А в казну великого государя платят вместо десятинной пашни отсыпной хлеб. А кто именно и по сколько платят и то писано ниже сего порознь.

Михей Емельянов. Сын Петр 1. "Четверть ржи, овса тож".

Антороп Сапожников. "Четь ржи, овса тож".

Изот Степанов. "Чети ржи, овса тож".

Роман Казимеров. "Две чети ржи, овса тож".

Петр Макаров. "Две чети ржи, овса тож".

Гордей Акулов. "Две чети ржи, овса тож".

Макар Деонтьев сын Косой. "Четь ржи, овса тож".

Андрей. "Две чети ржи, овса тож".
 Михаиле Степанов. "Четь ржи, овса тож".
 Григорий Кала... "Четь ржи, овса тож".
 Афанасий Губа. "2 чети ржи, овса тож".
 Василий Нагаев. "2 чети ржи, овса тож".
 Василий Федоров. "2 чети ржи, овса тож".
 Михаиле Пирожник. "2 чети ржи, овса тож".
 Иван Федоров. "2 чети ржи, овса. тож".
 Иван Тула. "2 чети ржи, овса тож".
 Ермолай Здоров. "2 чети ржи, овса тож".
 Иван Михайлов. "2 чети ржи, овса тож".
 Прокопий Мордвин. "2 чети ржи, овса тож".
 Федор Комар. "Четь ржи, овса тож".
 Леонтий Шевель(?) Петрелин он же. "2 чети ржи, овса тож".
 Семен Васильев. "2 чети ржи, овса тож".
 Алексей Заход. "2 чети ржи, овса тож".
 Борис Чулочников. "3 чети ржи, овса тож".
 Михайло Афанасьев. "2 чети ржи, овса тож".
 Михайло Ушко. "Осминку ржи, овса тож".
 Степан Ивановской. "2 чети ржи, овса тож".
 Никита Расказщик. «Четь ржи, овса тож".
 Афанасий Емельянов. "3 чети ржи, овса тож".
 Феокист Шустов. "1,5 чети ржи, овса тож".
 Никифор Ширяев. "1,5 чети ржи, овса тож".
 Козма Велгбиев. "Четь ржи, овса тож".
 Степан Яковлев. "Четь ржи, овса тож".
 Данил Суоровов. "Четь ржи, овса тож".

И всего в Верхотомском остроге великого государя пашенных крестьян 60 дворов. В них детей и внучат, братьев и племянников 121 человек. А на великого государя пашут они десятинной пашни 31 десятину, да на себя пашни пашут 104 десятины, сена косят 4610 копен. А вместо десятинной пашни платят они отсыпного хлеба в год по 24 четверти ржи, овса тож. Да по книгам Степана Тупалского по 10 четвертей с осминою ржи, овса тож. Да у них же две мельницы, а оброку с тех мельниц ничего не платят, да они ж платят ямских денег по два рубли по тридцати одному алтыну по четыре деньги в год. Да в том же Верхотомском остроге живут у старых крестьян по дворах новоприсыльные люди 64 человека. У

них детей и внучат, братьев и племянников 14 человек. А на великого государя десятинной пашни они не пашут и отсыпи не платят, потому что по указу великого государя и по грамоте дана им льгота вместо денежной и хлебной подмоги на три году. Да того ж Верхотомского острогу пашенных крестьян 35 человек, у них детей 2 человека, дворовый работник 1 человек живут в городе и кормятся работую своей и рукоделием. А вместо десятинной пашни по указу великого государя платят отсыпного хлеба по 64 четверти ржи, овса тож, в том числе того Верхотомского острога крестьян владеют особыми своими заимками по крепостям.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Перевалов В.А., Конев А.Ю. Источники по истории Сибири и Урала к.ХVI-XIX вв: Проблемы изучения и публикации (актуализация вопроса) // Культурное наследие Азиатской России. Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса.- Тобольск, 1997.- С. 45

2. РГАДА. Ф.214, кн. 1371.

3. Оглоблин Н. Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа.- Ч.1 // ЧОИДР.- 1895.- №2.- С. 55.

4. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в XVII в. // Труды ТГУ.- Томск, 1950.- Т. 112.- С. 136; Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII-н.XIXв.- Омск, 1973.- С.40; Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху.- Томск, 1980.- Т. 1.- С. 246 и др.

5. Иноземцева З. П. Генеалогическая информация в государственных хранилищах (проблемы и решение) // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: Доклады и тезисы выступлений на второй Всероссийской конференции.-М., 1997.- С. 290.

6. ГАТО. Ф. д-321. Оп.1. Д.1а. ("Переписная книга Томского уезда 1720г" - дефектна)

7. Усков И.Ю. Формирование крестьянского населения Верхотомской волости в конце XVII - середине XIXвв. // Балибаловские чтения: Материалы научн.-практ. конф., посвящ. 80-летию городского статуса Кемерово. - Кемерово, 1998.- С.7-15.

8. РГАДА. Ф.214.Кн. 1371. Лл. 524-537об.

ЛЮДИ ЗЕМЛИ КУЗНЕЦКОЙ

(О моем отце – Балибалове Иване Алексеевиче).

Балибалова Диана Ивановна, доцент, кандидат экономических наук Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, председатель совета Кировской районной организации Санкт-Петербурга "Духовное наследие".

На моем письменном столе лежит газета "Кузбасс" от 10 августа 1986 года. На последней странице анонсируются передачи Кемеровского телевидения и радио. Читаю: "Люди земли Кузнецкой". 12 августа 19 час. 30 мин. Иван Алексеевич Балибалов. "О времени и о себе". В этой передаче вы встретитесь с автором известной книги о городе Кемерово, старейшим журналистом И. А. Балибаловым".

Хорошо помню ту передачу, мы ее смотрели всей семьей, вел ее наш добрый знакомый журналист Ю.Я. Светлаков, до сих пор у нас хранятся фотографии, где они оба запечатлены во время передачи.

Написать об отце меня просили краеведы города Кемерово, когда в 1997 г. Л. И. Соловьев вместе с молодыми тележурналистами делали видеофильм о нем. Тогда еще жива была мама – Анастасия Павловна Ситникова, она написала свои воспоминания, потом все трое – мама, сестра Людмила и я – вместе уточняли события, даты, имена, сверяли все это по документам отца, которые мы храним в его шкатулке. Сегодня уже вдвоем с сестрой мы продолжаем эту работу, встречаемся с теми, кто знал отца, разделял его взгляды, кому так же, как и отцу, дорог Кузбасс и его столица – город Кемерово.

Каким был отец, откуда его корни? Как он оказался в Кемерове и почему стал писать о городе? Чем увлекла его эта тема, которая стала ведущей в его творчестве?

Эти вопросы задавал ему Ю.Светлаков в той телепередаче. Отвечая на них, отец сказал, что его биография – это биография нашей страны. Говоря о своих родителях, он сослался на работу В. И. Ленина "Развитие капитализма в России", где показан путь

И. А. Балибалов (слева), Ю. Я. Светлаков в телестудии. 1986 г.

русского крестьянина, вынужденного из-за отсутствия земли уходить на заработки в город, становиться рабочим, пролетарием. Именно так и было в семье Балибаловых.

Мой отец Иван Алексеевич Балибалов родился 8 октября 1911 года в деревне Топорино Новониколаевского района Ульяновской области. Его отец Алексей Спиридонович Балибалов был средним сыном в большой крестьянской семье. Земли у них было немного, она переходила старшему сыну, остальные сыновья должны были искать заработок. Односельчане уходили на заработки в поволжские города, с ними ушел и Алексей. Он стал хорошим каменщиком – “первой руки”, об этом он нам с гордостью рассказывал, когда жил у нас после войны. Он умел выполнять все виды кладки и любой конфигурации. Вскоре его дядя Яков стал подрядчиком в Царицыне (ныне Волгоград), и они на строительные сезоны уезжали работать туда, а на зиму возвращались в Топорино. Там он женился на односельчанке.

Мать И. А. Балибалова Прасковья Мироновна вышла замуж 17 лет, была на 10 лет моложе своего мужа. Она была грамотная и умная женщина. Все заботы о семье были на ее плечах, так как муж по полгода отсутствовал, уходя на заработки в город, а она с детьми оставалась в деревне. Но потом и она с сыновьями Ива-

*Встреча выпускников Кемеровского химического техникума.
(Верхний ряд: первый слева - И.А. Балибалов) 14 июля 1980 г.*

ном и Александром переехала в Царицын к мужу, семья воссоединилась, но ненадолго. Во время первой мировой войны Алексея Спиридоновича мобилизовали строить мост через Волгу в районе Сызрани, а семья вернулась в деревню.

После окончания строительства моста Алексей Спиридонович вернулся на родину и был в числе тех, кто организовывал в деревне комитет бедноты и устанавливал Советскую власть. Он был грамотным и непьющим, его избрали в комбед. Но в 1921 г. в Поволжье начался голод, и вся его семья уехала в Сибирь (кто-то из знакомых строителей позвал его туда).

Вначале жили на станции Чулымская, а потом отец в поисках работы переезжал со станции на станцию от Омска до Новосибирска – ехал туда, где нужен был каменщик. Зарабатывал он мало, семья опять жила отдельно. От железной дороги им был выделен дом, а земли в Сибири было много, но ее нужно было обрабатывать. Старший сын нанимался к зажиточным мужикам и тем помогал кормить семью. Там родились еще двое сыновей, но вскоре заболела мать, а затем и сын Михаил. Один за другим они ушли из жизни. После похорон матери в 1924 г. старший сын Иван остался с десятилетним Александром и двухлетним Николаем, приехал отец и забрал их с

собой. Этот год был самым страшным в жизни отца. Он нам часто рассказывал, как тяжело им пришлось без матери, потому что отец постоянно в разъездах, а они жили одни почти полгода.

О своей матери мой отец вспоминал очень тепло, она для него была эталоном женщины. Она многому успела его научить, очень хотела, чтобы он учился. В нашей семье хранится фотография, где мать стоит, одета по-городскому, с гладкой прической, худенькая, а руку положила на плечо своего мужа, который сидит, модно одетый, среди своих родственников. Это единственный снимок матери, он хранился у старшего сына Ивана, а младший Николай знал свою мать только по рассказам.

Вскоре Алексей Спиридонович поехал в Топорино и там женился на Ольге Илларионовне Кустовой, которая уже дважды овдовела: один муж умер, а второй погиб на войне. У нее было двое детей. Это была полная, бойкая молодая женщина, но неграмотная. Через год она родила дочь Евгению и тяжело заболела. Старший сын Иван повез ее в больницу и один раз ездил к ней — отвозил гостинцы. Об этом она с благодарностью вспоминала, когда в 1962 г. мы с отцом приезжали к ней в Волгоград.

После болезни мачеха не захотела оставаться в Сибири, стала просить мужа вернуться "в Расею". Вскоре все, кроме старшего сына, уехали в Сталинград к родственникам.

Иван категорически отказался ехать туда, поскольку через год уже оканчивал школу, хорошо учился, увлекался агрономией, был избран председателем ученического комитета, мечтал написать книгу. Он уже сам зарабатывал себе на жизнь: работал на ремонте железнодорожных путей. В школе вступил в комсомол, принимал участие в борьбе с неграмотностью, выступал с политинформациями. У него было много друзей в Барабинске, где он учился. Хотя Иван был старше своих одноклассников, но к нему относились хорошо: помогал в учебе тем, кому тяжело давалось ученье.

У нас хранилась школьная характеристика отца. Это был любопытный документ, составленный на основе педологии (потом эту науку объявили неправильной и изъяли из библиотек все работы по этой проблематике). В характеристике отмечалась склонность выпускника Барабинской железнодорожной школы-интерната Ивана Балибалова к общественной деятельности, рекомендовано ему было заниматься общественными науками, обществоведением.

Но в то время был взят курс на индустриализацию, и молодой

комсомолец Балибалов хотел быть в числе активных строителей новой жизни. Он любил Маяковского. Видимо, под влиянием его стихов о городе-саде он едет в Новокузнецк поступать в металлургический техникум, чтобы потом работать на Кузнецком металлургическом комбинате. Но там его не приняли: не прошел медицинскую комиссию. В тот же год в Щегловске открывался химтехникум, и на отделение "Коксохимия" не хватало ребят. Директор техникума поехал в Новокузнецк и стал там искать желающих. Он и уговорил отца поехать с ним, пообещав уладить все вопросы с медкомиссией.

Так в 1930 году Иван Балибалов приехал в Кемерово, тогда город еще назывался Щегловском.

Учеба в техникуме у отца шла легко, жил он в общежитии на Советской улице, а техникум был в деревянных домах на Исполкомской (потом ее переименовали в честь Николая Островского). Но для них уже строилось каменное здание в другом конце улицы (потом там был горисполком), а во дворе рядом была гостиница и дом ИТР, где отец и поселился после женитьбы.

Отец был хорошо успевающим студентом, получал повышенную стипендию, но материально было очень трудно, поэтому они с друзьями жили коммуной. Помощи от отца он не получал. Выручали профсоюз и коксохимзавод, куда его рекомендовали и где он работал во время каникул. А во время производственной практики его уже ставили мастером смены. В техникуме был сильный преподавательский состав, отец участвовал в работе научных кружков. Он рассказывал, что однажды они так увлеклись процессом нагревания угля, что не заметили, как все ушли, и надо было закрывать техникум. Нагревание они вели в маленьком тигле из платины, который подлежал строгому хранению, был единственным в городе. Они взяли этот тигелек с собой, а утром, когда пришли, то оказалось, что в лаборатории переполох – ищут дорогостоящее оборудование, нет отметки в журнале и нет на месте.

Отец был активным комсомольцем, членом комитета ВЛКСМ, участвовал в работе агиттеатра "Синяя блуза", писал стихи, скетчи для выступлений, читал стихи Маяковского со сцены, много читал, вел дневник. Были они студенты 30-х, все здоровые, занимались спортом, отец хорошо плавал, имел разряд по шахматам, энергия в них была через край. Однажды решили подшутить над своими друзьями, а переположили весь город. Отец об этом случае вспо-

минал с удовольствием. В те годы в Кемерове была очень популярна французская борьба. Когда борцы приезжали, то в цирк было невозможно попасть, билеты раскупались заранее. (У нас дома хранились фотооткрытки борцов того времени, один из них – Белявский – действительно выглядел очень импозантно. Куда до него нынешним шоуменам!). И вот “комса” – так отец называл своих друзей-комсомольцев 30-х годов – написала на большом листе ватмана объявление, что на следующий день в цирке будет матч по французской борьбе, в котором выступят самые популярные борцы. Не успели они свою афишу повесить, как народ побежал покупать билеты, а их не продают! Пошли жаловаться в горком партии, к городскому начальству. Стали искать, кто такую афишу повесил. Быстро нашли, тем более что сами авторы с удовольствием сообщали об этом, кого встречали. Смеялись все вместе. Но шутников все же вызвали в горком комсомола и как следует проработали, чтобы они впредь думали о последствиях своих поступков.

Друзей у отца было всегда много, но те, с кем он учился в техникуме, были самые надежные, он со всеми поддерживал отношения, как бы их жизнь ни разводила. Назову только тех, о ком он больше всего рассказывал и кого мы знали: Константин Шутов с женой Валентиной – люди в Кемерове известные (он после фронта был секретарем райкома, горкома партии, деканом химфака Кузбасского политехнического института, она – на партийной и советской работе); Виктор Смирнов с женой Алевтиной, братьями Евгением, Геннадием, Василием (Виктор после техникума стал работать в органах НКВД, потом руководил уголовным розыском в горотделе милиции, Евгений после фронта работал в газете “Кузбасс” художником); Борис Филиппов с женой Евгенией – работал на коксохимзаводе, был его директором, в Москве руководил Главкоксом, возглавлял научный и проектный институт, работал за рубежом; Анатолий Маметьев – работал зам. директора коксохимзавода; Николай Осипов – работал на коксохимзаводе, потом в органах НКВД, после болезни перешел на азотно-туковый завод; Анна Гуревич с мужем – работала на коксохиме.

Дружил он и с преподавателями. Назову только одного С.Н. Казанского, он преподавал общественные науки, был очень активным коммунистом. Отец занимался у него в кружке, делал доклады, был дружен с его женой, потом они с ней вместе работали в газете “Кузбассе”. А Казанский стал секретарем горкома

партии, был редактором газеты "Кузбасс", после войны был послан на дипломатическую работу в Иран. Выйдя на пенсию, присылал нам открытки из Севастополя.

В 1980 г. техникум отмечал 50-летие, многие приезжали, много было писем у нас от тех, кто учился или работал в техникуме. В папином архиве хранится фотография тех, кто был на юбилее. На юбилей приезжала и та девушка, которая любила отца всю жизнь – Зина Пожарская. Они встречались, но в гости она не пришла: боялась, что мама обидится. А мама очень жалела, что эта встреча не состоялась. Мы знали, что у Зины жизнь сложилась нормально: был муж, дети, работа по специальности, но хотели увидеть и узнать, чем же ее так покорила Иван Балибалов, что она спустя сколько лет продолжала волноваться даже в телефонном разговоре. Отец при этом чувствовал себя немного виноватым, но говорил, что не смог он ее полюбить, хотя очень уважал и по-человечески понимал ее. Но у него была одна любовь и тоже на всю жизнь – Анастасия Павловна Ситникова, наша мама. Ее любви он добивался несколько лет, ей он посвятил необыкновенные стихи "Моя мечта". А познакомила их мамина сестра Валентина – тоже студентка химтехникума. Но это было уже после службы в рядах Красной Армии, незадолго до войны.

Когда отец оканчивал техникум, его послали в командировку на Украину. В ходе этой командировки у него состоялась встреча с наркомом Серго Орджоникидзе. Я об этой встрече узнала только из телепередачи и, когда передача закончилась, попросила отца рассказать подробнее об этом. Вот как он рассказал об этой командировке и объяснил свое долголетнее молчание: "Я готовил дипломную работу, вдруг меня вызывают к директору техникума. Там мне предложили срочно выехать в Харьков в институт огнеупоров и затем возглавить работу по отбору и отправке огнеупорного кирпича в Кемерово. Дело в том, что для окончания строительства коксовой батареи не хватало огнеупорного кирпича. А он производился под Харьковом, в Рубежанске. Но в то время там обнаружили брак, производство временно приостановили, руководителей завода обвинили во вредительстве, а в Кемерове срывался пуск батареи. Нарком Орджоникидзе во время своего пребывания в Кузбассе пообещал, что огнеупорный кирпич будет, но потребовал сделать точный расчет требуемого количества. Нужно было пятьсот тысяч штук.

И.А. Балибалов с женой. 1930-е годы.

Послали на завод коммуниста Макара Митрофановича Рытенкова, чтобы он организовал отправку кирпича, но тот не смог это сделать: там нужно было делать лабораторные анализы качества кирпича, а у него не было специального образования, он слал телеграммы, чтобы приехал инженер или техник, выбор пал на меня. Я должен был заехать в Москву и получить мандат от наркома.

На следующий день я выехал туда. В столице меня встретил представитель “Кемеровококсохимстроя” и сказал, что нас примет нарком. Мы поехали в представительство “Кемеровококсохимстроя” и на следующий день уже никуда не пошли – ждали звонка от секретаря Орджоникидзе. Он позвонил вечером, сказал, что нарком примет в 10 вечера, назвал адрес, куда надо явиться. Мы поехали пораньше. В назначенное время приехал Орджоникидзе, прошел через приемную, где мы сидели, поздоровался и попросил немного подождать. Через несколько минут вышел его секретарь, пригласил нас в кабинет, мы вошли. Орджоникидзе вышел из-за стола, мы представились, он пожал нам руки, потом внимательно посмотрел на меня, повторил мою фамилию, крепко пожал мне руку и произнес всего одну фразу: “Мы верим в молодежь!”. Запомнился его пронзительный взгляд и энергичное рукопожатие. Я вышел из кабинета и стал ждать представителя. Он вышел вскоре, и мы пошли за документами. Они уже были

И. А. Балибалов (справа), Егоров Н. Т. г. Кемерово. 1981 г.

оформлены и подписаны наркомом. Нам их выдали в соседней комнате, и мы поехали в представительство. Там долго обсуждали, как мне действовать, с кем нужно будет встретиться. Представитель звонил на Украину, говорил им о моем приезде, о полномочиях, данных мне наркомом. На следующий день я выехал на харьковском поезде, имея мандат, подписанный Орджоникидзе, чековую книжку и право на месте набирать рабочих и производить с ними расчеты за работу”.

Я спрашивала отца, почему он никогда не рассказывал подробно об этой командировке, о своих встречах. Наконец, меня интересовало, а что же с защитой диплома: когда он его дописывал и защищал? Отец усмехался и говорил, что вот этого-то он и не мог никому объяснить долгие годы, потому что все у него получилось не так, как у однокурсников: “Мандат наркома не только давал мне права, но и налагал огромную ответственность. Я должен был из бракованного кирпича отобрать тот, который мог быть использован для постройки коксовой батареи. О мере моей ответственности мне популярно разъяснил Рытенков. Он встретил меня радостно и, когда мы пошли с ним обедать, сказал: “Ваня, если кирпич попадется с раковиной, то коксовая батарея лопнет, тебе дадут 10 лет как вредителю, но ты молодой, отсидишь, еще успеешь жениться, а мне уже 40 лет, у меня дети, я не выдержу”. Вот с таким напут-

ствием я и начал работать. Рытенков сдал мне дела, познакомил со всеми и уехал. Я остался и с утра до поздней ночи проверял почти каждый кирпич, делал лабораторные анализы, обучал рабочих, следил за их работой, за отгрузкой, выплачивал им заработанные деньги. Командировка затянулась на четыре месяца.

Когда я приехал в Кемерово, то все мои однокурсники уже разъехались, получив направление на работу после защиты дипломов. Некоторые не смогли защитить, но тоже были трудоустроены. А я чуть не остался без диплома. Доложив руководству о проделанной работе, я спросил, как мне быть с дипломом. Результатами моей командировки все были довольны, кирпич пришел вовремя, сроки ввода коксовой батареи не срывались, но диплом не был готов. И вот мне пришлось садиться и дописывать, чертить чертежи и все, что положено. Самой процедуры защиты не было. Я сдал дипломный проект, его оценили на "хорошо", не задав мне ни одного вопроса, и выдали документ. Потом у меня однокурсники допытывались, когда я защитился, какие были вопросы и почему не "отлично". Что я мог ответить, время было такое, что и о командировке, и о встрече с наркомом я особо не распространялся, вот и молчал".

На коксохиме отца уже ждали, он стал работать сменным мастером, дали комнату в четвертом доме коксохимзавода (КХЗ) на улице Ермака, где он и прожил до женитьбы.

Но на заводе он проработал недолго: осенью 1934 года был призван в Красную Армию, служил в районе Гродекова на Дальнем Востоке. Там в артиллерийской разведке он познакомился и на всю жизнь подружился с земляком Никифором Егоровым. Служить там было тяжело, кругом одни сопки, гражданского населения не было. Писал дневник, стихи. Я читала их, но отец потом их уничтожил, посчитав их юношески незрелыми. В основном все они были о любви, но очень грустные.

В 1936 г. отец вернулся из армии и стал работать на опытном заводе, где делали кумароновую смолу, исследовали сапропель. Потом он работал в научно-исследовательской части с московскими учеными. Работы были закрытого характера, руководил отделом П.П. Трофименко, с которым отец очень дружил. После войны отец встречался с ним в Москве, но эта встреча отца разочаровала, больше они не встречались и не переписывались.

В 1937 г. отца направляют на работу в горком комсомола, а

одного из его товарищей – в газету “Кузбасс”. Через некоторое время тот просит отца поменяться с ним местом работы, потому что не умеет писать статьи. Он знал, что отец писал для агитбригад стихи, сценарии для студенческого театра. И отец с радостью принимает это предложение. Так как официального решения горкома об утверждении И.А. Балибалова в новой должности еще не было, то им разрешают такой обмен. Таким образом, 23 апреля 1937 г. И.А. Балибалов был принят на должность репортера в промышленный отдел газеты “Кузбасс”, о чем гласит приказ №1166 по редакции, а уже 8 августа он назначается зав. промышленным отделом, где работает почти четыре года. Наконец, 6 июня 1941 года он был назначен зав. партийным отделом.

В партию его приняли там же в редакции в 1939 году.

В ноябре 1938 г. отец женился на Анастасии Павловне Ситниковой, с которой познакомился в 1936 г. после службы в армии. Мама тогда работала учительницей истории в средней школе №1, была секретарем комсомольской организации школы. Жила она вместе с сестрой и матерью в доме №1 КХЗ (теперь это ул. Арочная, д. 41). У них часто собиралась молодежь, ее сестра Валентина работала вместе с Балибаловым. Они все были активными комсомольцами, после работы ходили на субботники – сажали тополя на набережной, ездили убирать картошку, ходили на вечера в деловой клуб (около конного базара), играли в волейбол, ходили купаться на Томь, вместе и отдыхали в Верхотомском доме отдыха. Там в беседке на берегу реки отец и сделал маме предложение. Он очень волновался, боялся, что она откажет, за ней ухаживали с серьезными намерениями несколько человек. Их фото в нашем архиве сохранились тоже.

Родители очень серьезно относились к созданию семьи. В нашей семье хранится пожелтевший листок, вырванный из школьной тетради, на котором рукой отца составлен “договор” между ними. Конечно, это шутка, но она отражает реалии той довоенной жизни, то, к чему они стремились, какой хотели сделать свою жизнь. Так, в первых же строках “договора” они заявляют, что вступают в законный брак навечно и причиной разрыва супружеских отношений может стать только смерть одного из них. В “договоре” 12 пунктов, не все они были выполнены, но первый пункт был соблюден.

Когда встал вопрос, где жить молодым, то мама отказалась переезжать к отцу, так как с ней была еще мать – Анна Федоров-

на Полынцева. Отцу отдал одну из своих двух комнат в трехкомнатной квартире на Набережной, д.11, кв. 28, редактор газеты "Кузбасс" А.Ф. Волостных. Его семья оставалась в Ленинграде, когда он после окончания комвуза приехал в Кемерово. В третьей комнате жила сотрудница газеты "Кузбасс" Рива Шварц с семьей. Потом семья Р. Шварц переехала в отдельную квартиру в соцгороде, а родители заняли две комнаты: с балконом и большую солнечную.

Квартира была благоустроенная, только не было горячей воды, но зато она была меблирована, то есть были шкафы, столы и стулья. Жили очень дружно. Сюда после окончания танкового училища приезжал брат отца Николай Балибалов. А летом 1940 г. мама ездила в Ленинград к сестре, которая к тому времени, уже будучи замужем, работала на Ижорском заводе, и там мама встречалась с братьями отца: Александр (1913 года рождения) оканчивал училище милиции на Фонтанке, а Николай был на учениях в Дудергофе.

Из Ленинграда мама привезла очень много книг по истории, она там посетила все музеи, а исторические и не по одному разу. До сих пор у нас хранится альбом "Архитектурные памятники мира". В нашей семье всегда была хорошая библиотека, отец покупал очень много по различным отраслям знаний, мама – для своей работы. Они перед войной поступили учиться: папа в Новосибирский пединститут на литературный факультет, а мама в Томский пединститут на исторический. К сожалению, довоенная библиотека почти вся была распродана в первые годы войны, как и все вещи отца и многие мамины платья: надо было чем-то кормить меня и бабушку.

Уже перед войной у отца вызревает план писать о Кемерове, но он хотел писать художественное произведение о строителях рудника, коксохимзавода, о своих товарищах. Он расспрашивал старожилов об этом, вел дневниковые записи, много читал специальной литературы по коксохимии. Вообще, коксохимзавод был для него всегда родным, там он работал еще студентом, знал многих, дружил с главным инженером Колобовым. В редакции газеты "Кузбасс" был кружок, в него входили и те, кто работал на производстве. Я помню из этих довоенных знакомых В.Н. Алексева, он в 60-е годы возглавлял плановое управление Главкузбасстроя, потом я с ним встречалась в Москве в Минтяжстрое.

Отец всегда с теплотой вспоминал редактора "Кузбасса" А.Ф. Волостных, которого назначили вместо Когаловского (тот

стал прокурором города). Волостных воевал, а после войны, я помню, мы с родителями ходили к нему в соцгород прощаться, когда он уезжал на новую работу, кажется в Молдавию. После они переписывались, но нерегулярно. Это был очень красивый мужчина (у нас есть фото, где они с отцом), добрый, всегда старался помочь своим сотрудникам. Жена его была актриса, очень интеллигентная женщина. Ей трудно было расстаться с театром, поэтому они почти два года жили врозь, но потом перед войной она приехала с сыном и матерью. В Кемерове она в театре не выступала, у них здесь родился второй ребенок. Жили они недалеко от школы № 40.

Дружил отец с Брызгаловым. Мама рассказывала, что это был очень приятный и образованный человек, они часто ходили в гости друг к другу. Кстати, и отец, и Волостных, и Брызгалов были очень хорошими шахматистами, они все ходили в городской шахматный клуб, участвовали в соревнованиях, имели спортивные разряды по шахматам.

Большое влияние на отца оказал С.Н. Казанский, которого отец знал еще по техникуму. Это был очень эрудированный человек, отец всегда с уважением о нем вспоминал. Он был почетным гостем на свадьбе у родителей. Во время войны, когда маме было трудно материально, он предлагал ей перейти на хорошо оплачиваемую работу, но обстоятельства так сложились, что мама не смогла, а потом постеснялась пойти к нему. Его жена работала в редакции, двое детей носили революционные имена, жили они по-спартански.

Мои родители любили повеселиться. В кинотеатре "Москва" после последнего сеанса были танцы, и хотя отец не танцевал, но они всегда ходили. А.Ф. Волостных бывал там часто, особенно когда его семья еще не приехала. А вот Казанские это считали чем-то несерьезным, но они были очень надежными людьми, и к ним всегда шли за советом. В 80-е годы они присылали открытки, где писали, что детям имена изменили на обычные русские, что после дипломатической службы стали больше уделять время радостям жизни, а то были раньше как бы "застегнутые на все пуговицы", но время было такое.

Действительно, время диктовало стиль поведения и образ жизни. Я спрашивала отца, почему перед войной мама в отпуск ездила одна, без тебя? Он отвечал, что ежегодно, каждое лето, всех мужчин призывали на военные сборы. "Я проводил все свои отпуска под Юргой в военных лагерях, ведь все знали, что война не

за горами”, - так отвечал мне отец.

Поэтому, когда началась война, не было никакой паники. Мама рассказывала, что 22 июня 1941 года коллектив редакции поехал за город отдохнуть на берегу Томи. В полдень к ним из деревни прибежал мальчик и сообщил, что началась война. Сразу сели в машину и поехали, в городе высадили женщин, а мужчины поехали в редакцию выпускать экстренный номер газеты “Кузбасс”. Отец вернулся поздно вечером и объявил, что идет добровольцем. Но мама попросила его не идти с добровольческой дивизией, а дождаться повестки. Дело в том, что в августе должна была родиться я, в квартире никого не было, кроме них двоих. Мама боялась оставаться одна, так как полтора года назад у них умер грудной ребенок. Это была для них трагедия, они еще не оправались от этой потери. Поэтому отец согласился с мамой.

Повестку из военкомата принесли через неделю. 2 июля 1941 г. он ушел с вещмешком на сборный пункт, размещавшийся в здании школы на Конном базаре. А на следующее утро их уже отправили. Они не сомневались, что он скоро приедет с победой. Но то расставание им запомнилось на всю жизнь. И даже мне нелегко писать об этом. Мама дала ему свою металлическую пудреницу, вместо пудры они вставили фото, где оба сидят на лавочке в горсаду. Пудреница была ярко-розового цвета. Когда отец пришел с фронта, на пудренице осталось только два розовых пятнышка, фото истрепалось, едва видно мамино лицо. Но отец пронес ее через всю войну, это был его талисман победы. И сегодня она хранится в нашей семье тоже как талисман.

О боевом пути отца я напишу попозже. Скажу только, что пошел он рядовым, поэтому маме не полагался аттестат (то есть спецснабжение).. После ранения в Калининоте отца послали в политучилище, затем политрук Балибалов защищал Кавказ. Там состоялась его встреча с Л.М. Кагановичем (под Туапсе). В 1943 году его направили в Ташкент в артиллерийское училище, где мы с папой впервые увидели друг друга: мама привозила меня двухлетнюю туда, чтобы показать отцу. Первый орден – Красной Звезды – он получил за Кишиневско-Ясскую операцию, орден Александра Невского получил уже после Победы – за операцию по окружению большой группировки врага в районе города Грац в Австрии. Демобилизовали его только в 1946 году. Самыми кровопролитными боями отец считал бои под Балатоном в Венгрии.

Здесь он неожиданно в прифронтовом госпитале встретил своего друга-земляка Никифора Егорова. Потом в память об этой встрече он написал ему стихи, где были такие строки: "Вспоминать не будем, не поверят, нет, Как на наших ранах таял красный снег."

Послевоенное фото. Вот отец в гимнастерке с погонами, на груди два ордена, гвардейский знак, две медали: "За взятие Будапешта" и "За победу над Германией". Прическа, как всегда, ежиком, губы сжаты, на лбу видны морщины. Рядом с ним редактор газеты "Кузбасс" В.А. Цалобанов – в полувоенном френче, худощавый, волосы зачесаны назад. С ним наша семья была хорошо знакома, до войны он работал директором школы №1. Мама была дружна с его женой, которая тоже там преподавала. Он работал в газете во время войны, потом учился в Москве, а затем возглавлял профсоюзный совет в Хабаровске, там и похоронен. В конце 80-х годов я работала вместе с его сыном в Ленинградской высшей партийной школе, мы вспоминали с ним кемеровских знакомых, но разница в возрасте сказывалась, он помнил одних, а я других. Жена и дети Цалобанова жили в Ленинграде, жена умерла в 1992 году.

О В.А. Цалобанове много рассказывала мама, которая его очень хорошо знала: они вместе проработали шесть лет. Он был чрезвычайно порядочным человеком, школа слыла лучшей в городе: там сложился очень дружный коллектив педагогов и школьники получали прекрасную подготовку.

Есть и другие фотографии, на которых отец с товарищами по перу. По-разному складывалась послевоенная жизнь, взаимоотношения. Но в памяти остались эти яркие, неординарные личности. Почти все они пришли с фронта и так же энергично, побоевому вели себя в мирной жизни.

И мне кажется, что журналисты-фронтовики в послевоенные годы совершили своего рода прорыв в культурной жизни города. Ведь они писали обо всех общественно значимых явлениях его жизни, о людях ярких, которые, несмотря на трудности, добивались успеха в своем деле.

В те годы общение творческой интеллигенции с производственниками было тесным, работало большое количество литобъединений, проводились творческие встречи, выставки, конкурсы. А наши школьные олимпиады художественной самодеятельности! В цирк на заключительный концерт не достать было билетов. А празднование Дня шахтера! Это был праздник для всего Кузбасса. К этому

дню всегда готовился праздничный номер газеты "Кузбасс", о почетных шахтерах писали газеты и рассказывали по радио. Торжественное заседание проходило в цирке; на праздничный концерт приезжали из Москвы ведущие артисты; наши кемеровские актеры были нарасхват, выступая в домах культуры шахтерских городов и поселков; в горсаду были карнавалы и массовые шествия костюмированных по городу. Приезжала делегация горняков из Донбасса на подведение итогов соцсоревнования. А мы, школьники, бегали смотреть, как красиво было иллюминировано здание "Кемеровоугля" около базара (оно сейчас стоит углом против улицы Ноградской, залепленное торговой рекламой).

Конечно, были в редакции споры и дискуссии, отец часто брал меня с собой. Я уже тогда много читала, дома тоже обсуждали книги, статьи. Обычно спорили о том, как показать лучше человека труда, в первую очередь шахтера, химика, металлурга.

Первым прорвался в большую литературу А. Волошин своим романом "Земля Кузнецкая". Это была не только его личная победа. Я помню, как гордились земляки, когда он стал лауреатом Сталинской премии. "Знай наших сибиряков-кузбассовцев!" - говорили коллеги-журналисты.

Поэтому сейчас, когда читаешь книгу М. Кушниковой, В. Сергиенко, В. Тогулева "Страницы истории города Кемерово" (Кемерово: изд-во "Кузнецкая крепость", 1997), то поражаешься убожеству мышления и скудности языка авторов книги. Что значит "бытование жителей" (на стр.7)? А череда (целых восемь) скучнейших послесловий к этому кривому зеркалу, бесконечные повторы и нестыковки? Видимо, рука редактора не касалась сего творения, хотя обозначено наличие целой редакционной коллегии аж из девяти человек. Такое неуважение к читателю редко встречается даже в наши дни.

Авторы пишут, что они "пересказывают документы" (стр.562) областного архива. Но если книга претендует на документальность, то документы принято цитировать с указанием источника. Здесь же полный произвол: вначале вольный пересказ, а затем весьма субъективное толкование. В результате происходит подмена понятий - изложение их с точностью до наоборот.

Так произошло и с освещением личности моего отца, хотя в книге вроде бы делаются комплименты И.А. Балибалову. Фактически же отец представлен как ярый антисоветчик, который жил

двойной моралью.

Когда вышла эта книга, еще жива была жена И.А. Балибалова-А.П. Ситникова (моя мама). Летом 1998 года мы с ней написали краткий жизненный очерк жизнедеятельности отца, передали его сразу в Кемеровский областной краеведческий музей. Мама умерла в октябре 1998 года, после нее остались воспоминания, часть из них я включила в эту статью. Мама была возмущена фальсификацией истории и попросила защитить имя отца.

У меня сохранились письма отца разных лет. Когда началась перестройка, мы с ним обсуждали, как она пойдет, каковы могут быть последствия тех явлений и разоблачений, которые пошли потоком в средствах массовой информации. В одном из своих писем от 4.12.1988 г. отец так оценивал эти публикации: "...выступления потомков "обиженных и оскорбленных" в период культа... производит сильное впечатление, но в конечном итоге ослабляют наши силы. Ну, было, было, было, а дальше-то как нам жить, сколько же времени мы будем еще охать и ахать..?!". Он мог себе позволить так написать, потому что писали доносы и на него, и у него были вызовы и объяснения с властью имущими.

Однако он не заикливался на этом и считал, что "сейчас самое главное – не растеряться и правильно решить вопрос о передаче власти Советам народных депутатов в изначальном, ленинском толковании".

А далее он обращался к нам – своим потомкам: "Хватит ли у вашего поколения терпения, выдержки и мужества в ближайшее время решить вопрос о передаче власти Советам? Мне хочется верить, что такие силы в нашем народе найдутся".

И еще одно письмо от отца мне – тогда ленинградской студентке (1961 г.): "Всегда помни, что ты русская, и гордись своей землей и своими предками, которые не были совершенными, много в них было и обидного и смешного, но в них люби главное – труд их, заботы о грядущих поколениях. Они отстаивали землю, на которой тебе приходится жить, они ее украсили, как могли, они создали для жизни то, что успели, а ты разумно пользуйся своим наследством и смотри вперед, думай: а что же ты-то оставишь своим потомкам, чем они тебя будут вспоминать?".

ИЗ ИСТОРИИ БРЮХАНОВСКИХ ЯРМАРОК

Егоров Виктор Никифорович, начальник отдела по сохранению культурных ценностей департамента культуры Администрации Кемеровской области, заслуженный работник Российской Федерации.

Проведение торговых ярмарок в истории дореволюционной России играло важную социально-экономическую роль в жизни её населения, и поэтому количество и разнообразие ярмарок росло параллельно с развитием экономики страны. Информация о проведении сельских ярмарок в Западной Сибири второй половины XIX века - начала XX века имеется в государственных архивах Новосибирской, Томской областей и в краевых архивах г.Барнаула и Красноярска. Такие сведения опубликованы в "Тобольских губернских ведомостях" (1863 г., №31), а также в "Томских губернских ведомостях" (1862 г., № 17; 1864 г., №17; 1865 г., №14 и т.д.)

Так, например, согласно данным "Обзора Томской губернии за 1912 год", в указанной губернии проведено 563 ярмарки, из них 27 ярмарок (на четыре ярмарки больше по сравнению с 1911 г.) состоялось в Кузнецком уезде. Кстати, в самом уездном городе Кузнецке в 1912 году торговые ярмарки не проводились (1, с. 35).

О торговых оборотах на ярмарках Томской губернии в целом, и в том числе в Кузнецком уезде, можно судить по таблице, приведенной в "Обзоре Томской губернии за 1912 год" (1, с. 37).

Торговый оборот на ярмарках Томской губернии в 1912 г.

Территория	Число ярмарок	Сумма привоза, руб	Сумма сбыта, руб	Количество продавцов	Количество покупателей
Томская губерния	563	17860130	10315464	837592	227902
Кузнецкий уезд	27	471050	103181	25630	16898

Ярмарка г. Томск. Начало XX века.

В “Памятной книжке Томской губернии на 1904 год” волостное село Брюхановское описывается следующим образом: “Касьминская волость. Село Брюхановское: 185 дворов. Мужского пола – 526 душ. Женского пола – 544 души. Село Брюхановское расположено по обоим берегам речек Касьмы и Чебуры. В нём церквей одна. Одно сельское училище. Волостное правление. Торговых лавок 6, из них мелочных 2. Ежегодно 26 октября бывает ярмарка под названием Дмитриевская. Еженедельно по субботам базар. Хлебозапасный магазин и казенная винная лавка” (2).

В соответствии с развитием сельского хозяйства в сибирском регионе развиваются и богатеют населенные пункты Томской губернии. Так, например, в 1912 году в Томской губернии насчитывалось 2609 маслобоен (в том числе 115 в Кузнецком уезде), которые за год произвели 2188518 пудов масла на сумму 29700000 рублей (1, с.35). На фоне общего экономического развития наблюдается рост благосостояния волостного села Брюхановское, в котором в 1911 году насчитывалось 299 дворов, проживало 672 души мужского пола и 668 душ женского пола (3). О состоянии села Брюхановское свидетельствуют “Списки населенных мест Томской губернии на 1911 год”: “По обоим берегам р.Касьмы и Чебуры церковь, церковноприходская школа, сельское училище, волостное правление, 8 торговых и 2 мелочных лавки, 2 ежегодных ярмарки: Дмитриевская и Ивановская 24 июня, еженедельно по пятницам и субботам базар, хлебозапасный магазин, казенная винная лавка, почтовое отделение и маслодельный завод” (3)

В материалах Государственного архива Новосибирской области, относящихся к деятельности областного Союза сибирских

кооперативных союзов "Закупсбыт", имеются "Информационные сведения о сибирских ярмарках за 1912-1919 годы", в том числе о Брюхановских торговых ярмарках – "Кузнецкий уезд Томской губернии: село Брюхановское Касьминской волости. Общее число ярмарок в году – 2. Название ярмарок: Дмитриевская и Ивановская. Год открытия (утверждения) ярмарок – 1901 г. (31/VIII). Продолжительность (дней) – 7. Период торговли (начало - конец): 24/VI - 1/VII – средняя ярмарка (Ивановская), 26/X - 1/XI – большая ярмарка (Дмитриевская). Главные предметы торга: лошади, продукты сельского хозяйства" (4). В соответствии с имеющимися сведениями, октябрьская торговая ярмарка в селе Брюхановское считалась крупной ярмаркой.

Наиболее интересным документом, дающим обобщающую, итоговую (в связи с началом гражданской войны) информацию о ярмарках Кузнецкого уезда, является письмо правления Кузнецкого союза кооперативов в статистический отдел Союза сибирских кооперативных союзов "Закупсбыт", направленное из с. Кольчугино (ныне г. Ленинск-Кузнецкий) в г. Новониколаевск (ныне г. Новосибирск) 3 марта 1919 года (4).

Указанное письмо наиболее полно представляет картину мест проведения, сроков и размеров сельских торговых ярмарок в Кузнецком уезде, поэтому есть смысл воспроизвести его полностью (с корректировкой орфографии письма):

"Правление. Село Кольчугино. Томской губ. Март 3 дня 1919 г. Союзу сибирских кооперативных союзов "Закупсбыт"

/Статистический отдел/ г. Новониколаевск

Уважаемые товарищи!

Вследствие вашего циркуляра от 19 февраля за № 542 сообщаем, что в нашем районе бывают следующие ярмарки:

БОЛЬШИЕ

Брюхановское 26 октября (лошади, продукты с/х)

Каурак 1 ноября (продукты с/х, дичь, птица)

Щеглово 8 ноября (лошади, продукты с/х)

Сорокино 14 ноября (продукты с/х дичь, пушнина)

Бачат 1 ноября (лошади, продукты с/х)

Кузнецк 14 ноября - "

Тогул 21 ноября - "

СРЕДНИЕ

Брюхановское	24 июня	(лошади, продукты с/х)
Борисово	21 ноября	- " -
Кольчугино	14 ноября	- " -
Терентьев	1 октября	- " -

МАЛЫЕ

Ваганово	1 ноября	(лошади, продукты с/х, дичь, птица, пушнина)
Каракан	30 ноября	- " -
Ст.Пестерево	1 ноября	- " -

Даты ярмарок указаны по старому стилю.

Район влияния ярмарок в среднем 50 верст.

Остальные сведения о ярмарках пришлем дополнительно, хотя надежд на получение их мы не имеем, т.к. думаем, что сведения о ярмарках нашего района находятся в г.Томске.

С товарищеским приветом. Председатель/подпись/

Секретарь /подпись/”(4).

Начавшаяся в Сибири гражданская война, а затем строительство социалистического общества разрушили сложившийся уклад жизни и дореволюционную систему сельских торговых ярмарок, смена власти на фоне непрекращающейся “классовой борьбы” привели к обнищанию населения и, соответственно, к свертыванию торговых ярмарок, социально-экономическое значение которых, было утрачено.

Современные экономические условия – переход государства к рыночной экономике – позволяют вновь вернуться к идее проведения Брюхановских ярмарок с целью историко-культурного и социально-экономического возрождения села. Основой для такой деятельности может явиться реализация программы создания музея под открытым небом “Русское село Брюхановское” на базе существующего Краснинского районного историко-этнографического музея “История крестьянского быта” и реконструкции исторического центра – села Красное.

Современный сложившийся общественно-торговый центр в с.Красном уже сегодня позволяет проводить ярмарки вдоль дороги, на территории от музея до районного Дома культуры, а также после небольшого благоустройства – и на историческом месте проведения ярмарок, на берегу реки Касьмы.

Проведение ярмарок в селе Брюхановском не случайность, это результат длительного историко-экономического развития этого населенного пункта, географическое и природное окружение которого в прошлом, настоящем и будущем способствует установлению нормальных культурных и торгово-экономических отношений с соседними регионами.

Если в начале века район влияния ярмарок Кузнецкого уезда был ограничен 50 верстами, то в настоящее время с развитием транспорта и дорог возможно проведение ярмарок с участием продавцов и покупателей не только из Ленинск-Кузнецкого района и г. Ленинска-Кузнецкого, но и при активном участии населения Беловского, Гурьевского и Промышленновского районов, гг. Белово, Гурьевска и близлежащих районов Новосибирской области.

В соответствии с "Информационными сведениями о сибирских ярмарках за 1912-1919 годы" официальной датой открытия (утверждения) ярмарок в селе Брюхановском Касьминской волости Кузнецкого уезда Томской губернии является 31 августа (по старому стилю) 1901 года. Остается немного времени до 100-летнего юбилея со дня открытия Брюхановских ярмарок. Возрождение, сохранение и использование историко-культурного наследия, добрых народных традиций, связанных с организацией и проведением сельских торговых ярмарок, явится показателем социально-экономической стабильности жизни региона.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. ГАНО. Обзор Томской губернии за 1912 год. – Томск, 1914.
2. ГАНО. Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. – Томск, 1904. – С.468-469.
3. ГАНО. Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. – Томск, 1911. – С.532.
4. 51. Оп 1, 1397 О.

Л.Ю. Галкина

РОЛЬ АИК – “КУЗБАСС” В ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ СОЦКУЛЬТБЫТА НА КЕМЕРОВСКОМ РУДНИКЕ И ХИМЗАВОДЕ И ПОВЫШЕНИИ УРОВНЯ ОБЩЕЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ

Галкина Людмила Юрьевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Кузбасского технического университета.

История Автономной индустриальной колонии “Кузбасс” достаточно широко освещена в отечественной и зарубежной исторической литературе. Тема “АИК “Кузбасс” не раз звучала и в программах местного телевидения. Неоднозначно оценивая мотивы и целесообразность создания колонии иностранных рабочих и специалистов, результаты её деятельности, исследователи единодушны в том, что предприятие внесло свой вклад в развитие индустрии края. Предлагаемая статья, претендуя на исчерпывающее изложение вопроса, ставит целью показать влияние, которое оказало существование колонии на уровень общей культуры и улучшение быта кемеровчан.

Будущие колонисты приезжали главным образом из крупных промышленных и культурных центров Америки, Европы, Австралии и Новой Зеландии. Им были хорошо знакомы блага передовой цивилизации, о которых ещё не знала сибирская глубинка: телефон, кино, воскресные газеты, развитая система услуг, коммунальные удобства и проч. Приезд иностранцев, естественно, стал ярким событием в скромной будничной жизни рабочих посёлков Кемеровского рудника и химического завода. Неудивительно, что они сами, организация их быта и досуга, манера одеваться становились объектом самого пристального внимания, а нередко и подражания со стороны местных жителей. Помимо определённых производственных целей АИК “Кузбасс” ставила перед собой задачу улучшения жилищно-бытовых условий местного населения.

Санитарное состояние посёлков буквально шокировало колонистов. Так как рабочие держали скот и птицу, повсюду располагались свалки; нечистоты окружали бараки со всех сторон. В Кемерове отсутствовали канализация и водопровод, настоящим бедствием были мухи, тараканы и прочие насекомые. Осенью 1922 г. Билл Хейвуд, один из организаторов колонии, писал в выходившем в Нью-Йорке "Кузбасском бюллетене": "Вокруг города навалены огромные навозные кучи. На руднике, между пекарней и кухней, на расстоянии в полверсты есть участок в 100 футов, на котором находятся четыре открытые уборные. Когда выкапывалась новая яма, деревянную уборную просто переносили на расстояние нескольких футов, а старую яму оставляли открытой". Случалось, в ямах гибли животные. Малопригодной для потребления была вода.

АИК наметила программу борьбы за чистоту. В одно из воскресений вырыли несколько новых ям, несмотря на упрёки в ненужной трате строительных материалов, снесли старые и построили новые туалеты. Залили старые ямы известью, зарыли их, и всё вокруг посыпали негашёной известью. Одновременно было заказано сантехническое оборудование для внутренних туалетов и раковины, в некоторых мастерских установили душ.

Используя формальдегид и серу, начали борьбу с многочисленными насекомыми, которая не прекращалась на протяжении всего существования колонии. Колонисты расчистили и обустроили родник, бивший на правом берегу Томи, наметили бурение скважины. По их свидетельству, наведению порядка мешали татары, жившие в землянках и составлявшие значительную часть рабочих рудника. Летом 1922 г. выполнить намеченную программу улучшения санитарного состояния не удалось (1).

Любые мероприятия местных партийных и комсомольских организаций, направленные на улучшение санитарного состояния улиц и дворов на Кемруднике, будь то проведение субботников, учреждение саннадзора или создание ячеек "Общества друзей нового быта", находили полную поддержку правления колонии. Проблема стояла настолько остро, что на совместных заседаниях было принято решение о сносе старых построек и стоек, расширении улиц за счёт огородов, очистке территории от мусора, прокладке канализации и проведении озеленения. Известие о предстоящей ликвидации огородов вызвало возмущение местных

жителей. Во избежание конфликта окончательное решение этого вопроса было отложено до осени 1925 г. Администрация пыталась запретить держать коров (причём некоторые из коммунистов-“коровников” даже понесли партийные взыскания за нежелание расстаться с бурёнками), но натолкнулась на активное противостояние населения (2).

Следует отметить, что несоблюдение рабочими и служащими санитарных правил, установленных Щегловским уисполкомом 18 апреля 1923 г., было массовым. Правлению АИК приходилось постоянно заниматься этим вопросом. Издавались приказы, в которых рабочим и служащим предлагалось своими силами и средствами своевременно убирать мусор, шлак, навоз в отведённые для этой цели места. Транспортному отделу вменялось в обязанность выбрать места для свалки нечистот и широко оповестить об этом население. Начальнику милиции предписывалось строго следить за выполнением приказа и привлекать к ответственности лиц, нарушающих его. Наряду с жёсткими мерами (вплоть до увольнения) за несоблюдение санитарных норм правление АИК практиковало поощрения денежными премиями хозяев за чистоту двора, зеленые насаждения и цветники вокруг дома. Постепенно улицы очищались от мусора и грязи, укладывались дощатые тротуары (3).

Администрация АИК постоянно проявляла заботу об улучшении жилищных условий рабочих и культуре их быта. Население посёлков на обоих берегах реки проживало в бревенчатых домах на 3-4 комнаты с отдельными входами, в которых селились по 3-4 семьи. Нередко в одной комнате ютились две семьи. Жесточайший жилищный кризис, нехватка средств и стройматериалов требовали изыскания экономичных и ускоренных методов строительства. Разработка программы, предусматривавшей строительство на начальном этапе ста домов для рабочих и служащих колонии, велась на серьёзной основе. Об этом свидетельствует переписка директора колонии с Эрнестом Лэнгом, датированная сентябрём-декабрём 1923 г. Рутгерс запрашивал информацию относительно методов и проектов возведения жилья, разработанных американским архитектором Ирвингом Гиллом, и возможности их использования в российских условиях. В колонии намеревались построить несколько экспериментальных домов уже весной 1924 г., чтобы выявить наиболее пригодные для сибирского климата. При-

тягательность проектов Гилла заключалась не только в экономичности и скорости возведения жилья, но и в том, что они не требовали большого числа высококвалифицированных строителей. Последнее имело существенное значение, так как вербовка рабочих высокой квалификации, зарплата которых в условиях развернувшегося в США строительства составляла от \$8 до \$14 в день, была непростым делом. Гилл предложил найти специалиста, который поработал бы какое-то время на строительстве домов этого типа в Лос-Анджелесе, чтобы освоить методы на практике и подготовиться к анализу сибирских условий для строительства подобного жилья в Кузбассе. Программа жилищного строительства была принята и выполнялась. Велась постройка бревенчатых домов на две и четыре семьи, двухэтажных барачков для рабочих и служащих, квартир для специалистов. Чтобы ускорить получение жилья, некоторые иностранцы сами строили дома для своих семей по своим собственным проектам. Так, Матти и Альма Лехтинен, финская пара в годах, построили летом 1923 г. дом с мезонином, вызывавший живейший интерес кемеровчан, и жили в нём до отъезда (4).

Однако наибольшее развитие жилищное строительство в АИК приобрело с приездом в Кузбасс в апреле 1926 г. голландского архитектора ван Лохема. Художника-новатора привлекла возможность принять участие в строительстве новой культуры в России. Свою задачу он видел в создании индустриального центра с современными промышленными, социальными объектами и жильём, обеспечивающего потребности людей в здоровом образе жизни, труде, отдыхе, духовном развитии. В статье "Жилищное рабочее строительство", напечатанной в газете "Кузбасс" в сентябре 1926 г., архитектор изложил технические и культурные основания сооружения жилых блоков со всеми удобствами. Нельзя не отметить разнообразия типов строившихся АИК домов. На руднике и химзаводе по американским проектам возводились двухэтажные восьмиквартирные оштукатуренные внутри и снаружи тесовые бараки; каменные дома блочного и мансардного типа; одноэтажные типовые каменные дома на пять квартир со всеми удобствами, каждая из которых состояла из двух комнат, кухни и имела подвал и кладовую; каменные бараки на 22 и 24 квартиры и т.д. Сохраняя великолепный сосновый парк на Красной Горке, АИК выстроила по его окраинам несколько десятков

жилых домов, жители которых не имели права держать скот. В дни отдыха в парке было много отдыхающих, проводились народные гуляния. Планировалось открыть здесь дом отдыха для горняков. АИК наращивала программу строительства. Если к концу лета 1924 г. было построено 7 000 квадратных метров жилья, то за строительный сезон 1926 г. жилая площадь на Кемруднике и химзаводе увеличилась на 10 451 и 9 000 квадратных метров соответственно. В 1926/27 г. только на руднике предполагалось сдать 238 квартир в одно- и двухэтажных кирпичных домах (5).

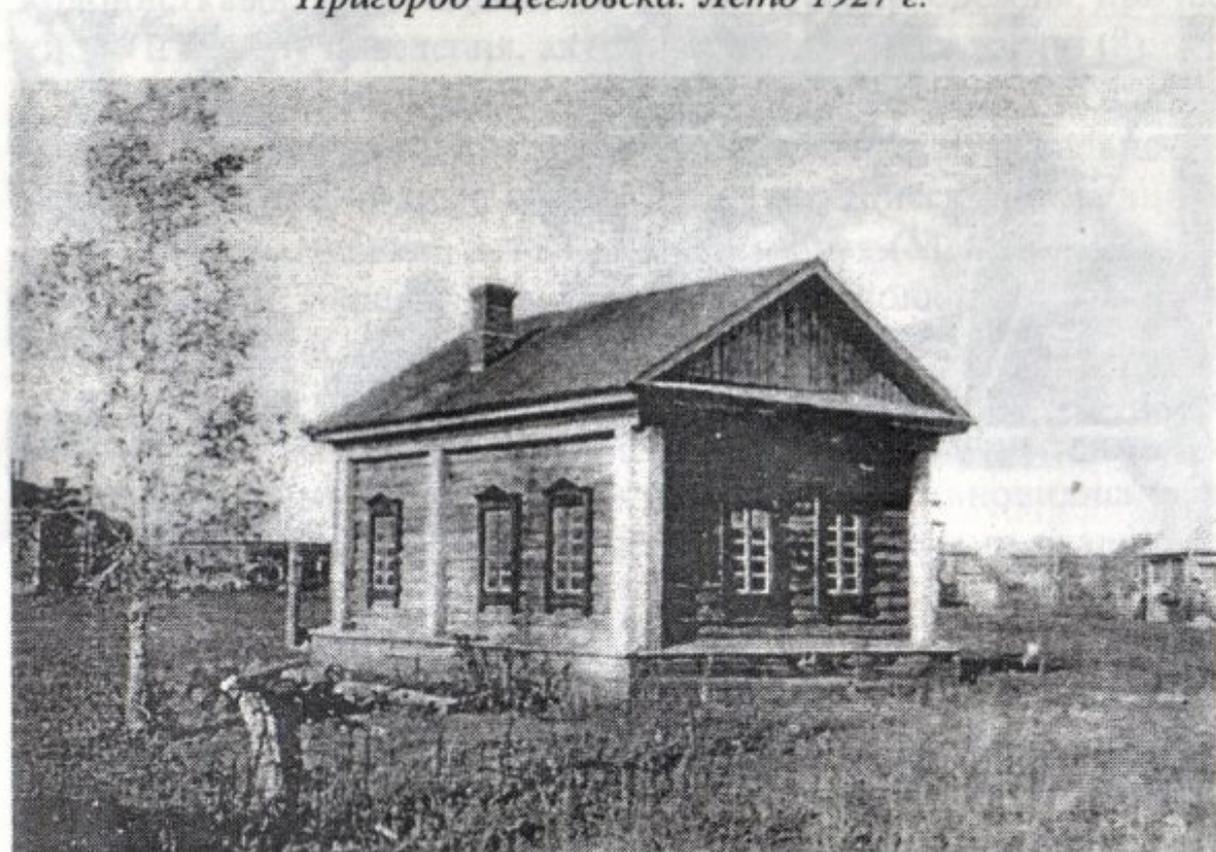
Стараясь обеспечить рабочих и служащих жильем, отвечающим западноевропейским стандартам, специалисты АИК сознательно шли на уменьшение площади квартир. В АИК на человека приходилось не более 5,5 квадратного метра, тогда как минимальная норма, установленная Наркоматом труда, требовала 10 квадратных метров. Лишь 40 процентов трудившихся в колонии рабочих и служащих были обеспечены жильем согласно нормативам. Лучшие жилищно-бытовые условия имели семьи ведущих специалистов, для которых строились одноэтажные деревянные дома. При высоте потолка 2,8 м общая площадь таких квартир составляла от 30,41 до 83,75 квадратного метра, включая кухню, подсобные помещения (сени, кладовые, шкафы и прочее) (6).

В АИК существовала столярная мастерская, где мастера-финны изготавливали мебель для квартир из сосны. Мастерская была перегружена работой, так как принимала заказы и от местных жителей. Кемеровчане отмечали, что среди колонистов были искусные столяры (7).

Заботу об улучшении жилищных условий местных рабочих и о культуре их быта проявляла не только администрация АИК, но и активистки колонии, сотрудничавшие с отделом райкома ВКП(б) по работе среди женщин. Одна из сестёр Толоконских, учительствовавших на Кемруднике и обучавших иностранцев русскому языку, отмечала большое стремление женщин АИК говорить по-русски, а Каркавина, другая кемеровчанка, вспоминала, что они всячески старались облегчить жизнь своим русским товарищам. Колонистки принимали участие в обследовании условий труда и быта рабочих, распространяя анкеты, включавшие вопросы о занимаемой жилой площади, перенесённых заболеваниях, выписываемых газетах, посещении школы детьми, доходах, использовании свободного времени, продолжительности рабочего

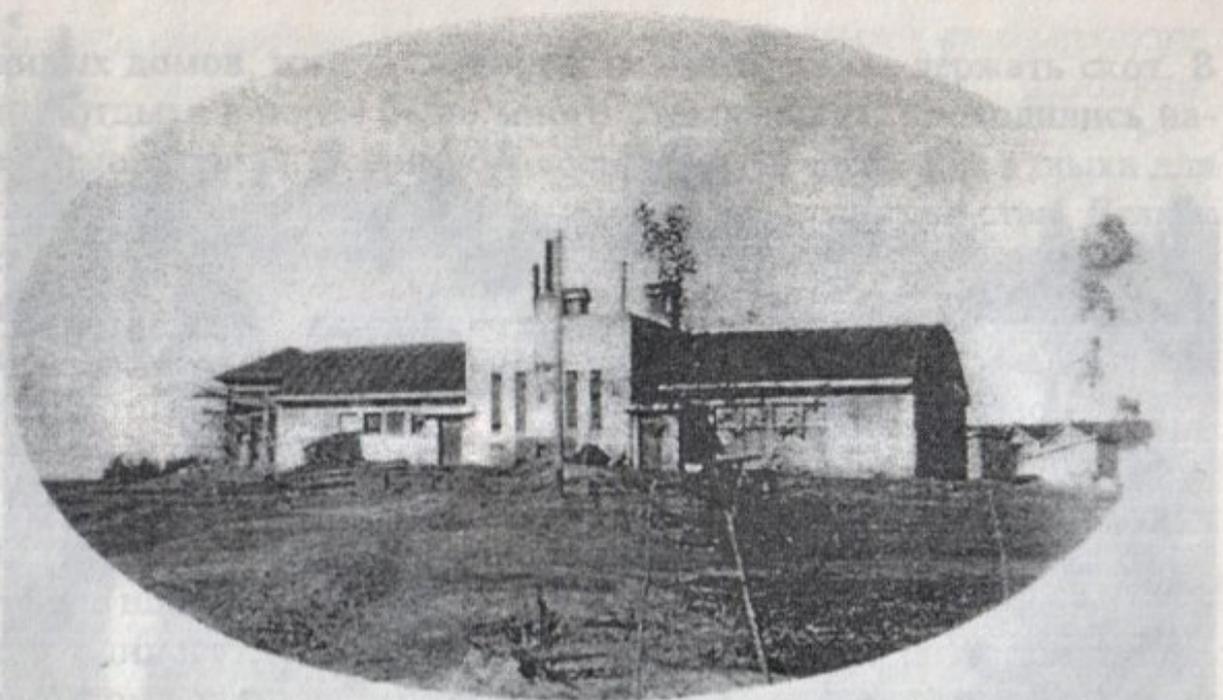

*Поездка колонистов в тайгу. Первый слева – Лохем.
Пригород Щегловска. Лето 1927 г.*

*Дом, в котором жили Антон Струйк и де Бюсси. г. Щегловск.
Красная Горка. Октябрь 1925 г.*

Фотографии любезно предоставлены голландским исследователем Р. Эххинк

Баня. г. Щегловск. Красная Горка. Лето 1926 г.

Колонисты на прогулке. Справа дом типа С, построенный по проекту Лохема. г. Щегловск. Красная Горка. Зима 1927 г.

Фотографии любезно предоставлены голландским исследователем Р. Эххинк

дня и др. Особое внимание уделялось желанию женщин учиться и устранению факторов, мешавших осуществлению этого желания.

Колонистки добивались открытия детских яслей, повышения культуры обслуживания в магазине, где из-за отсутствия рациональной организации приходилось выстаивать огромные очереди, занимались созданием и работой пионерского лагеря. В колонии организовывали сбор вещей и продуктов для безработных Кемеровского рудника, число которых, например, в 1924 г. превышало 100 человек. АИК оказывала помощь приюту для бездомных детей, передавая им продукты питания, средства гигиены, личные принадлежности. Предприятие систематически отчисляло деньги, вырученные за перевозку частных лиц через Томь, на борьбу с беспризорностью. Среди американских и русских женщин успешно вела работу энергичная, умная Сара Грунд. Надо сказать, независимые, уверенные в себе, деловые, занимавшиеся спортом и заботившиеся о своей внешности иностранки вызывали восхищение у местных женщин. Сибирячки, общаясь с колонистками, заимствовали не только фасоны одежды, причёски, но и манеру поведения, активное отношение к жизни (8).

Культурная жизнь Щегловска, а тем более посёлка на правом берегу была небогата, поэтому самодеятельные музыкально-вокальные и праздничные вечера, устраивавшиеся работницами Кемеровского рудника в честь памятных дат (Международного дня работниц, Первого мая, Октябрьской революции, Дня образования СССР и др.), пользовались популярностью. В программу включались оркестровые пьесы, хоровое и сольное пение, инсценировки пьес, танцы, чтение стихов, коллективные декламации. Неизменными участниками таких вечеров становились женщины и дети колонии, являвшиеся представителями различных наций и приобщавшие слушателей и зрителей к своей культуре и языку (9).

Летом 1923 г. в Коммунальном доме открылся новый прекрасный обеденный зал - большая просторная и светлая комната, в которой по четвергам стали проводить вечера с приглашением русских, не более двух человек на каждого аиковца-иностранца. Играл маленький любительский оркестр. Музыкальными инструментами были скрипки, гитары и губные гармошки. По воспоминаниям кемеровчан, получалось хорошо. Всего же в колонии в то время насчитывалось порядка 40 музыкантов-любителей. Кро-

ме того, в АИК был прекрасный немецкий хор из 20 человек. Танцевали, играли, пели с 9 часов вечера до 12 ночи. Русские танцоры, осваивая вальсы и фокстроты, обучали иностранных партнёров своим темпераментным и живописным народным танцам. В связи с этим небезынтересно отметить, что на состоявшемся 20 февраля 1923 г. заседании Президиума укома в рамках борьбы с “буржуазными пережитками” был заслушан вопрос о “Танцах в общественных местах коммунистами” и вынесено постановление о запрете таковых. Особенно нравилось сибирякам неведомое прежде угощение – разносимые во время танцев на подносах консервированные ананасы, персики, апельсины и прохладительные напитки (10).

Правление и актив АИК много внимания уделяли Народным домам и клубам, являвшимся центрами культуры и распространения знаний. Считалось, что в АИК была лучшая в городе организация культурно-просветительской работы. К концу 1925 г. на руднике существовало уже семь народных домов с кружками и секциями. Больше всего было желающих заниматься в драматическом кружке и духовом оркестре. В клубе-театре систематически проводились вечера, ставились спектакли, а с конца 1925 г. регулярно демонстрировались кинофильмы. В рабочем клубе коксохимзавода (КХЗ) работали 11 кружков: рукоделья, политический, электромеханический, струнный оркестр, спортивный, драматический, юнсекция, профкружок и др. С Сибирским отделением Совкино был заключён договор на доставку кинофильмов. Это позволило давать ежемесячно два бесплатных сеанса и экономить 50-60 рублей. АИК предоставила дополнительное помещение для просмотра фильмов (11).

Колонисты, многие из которых занимались спортом, принимали самое активное участие в организации спортивных секций и проведении спортивных мероприятий, знакомили сибиряков с популярными в их странах видами спорта. Знаменитыми спортсменами были финны Арне Палмгрен и Вейн Тикка. Вейн занимался лёгкой атлетикой и борьбой. Арне, руководивший атлетическим клубом, инвентарь для которого закупался в Финляндии, слыл кумиром мальчишек и девчонок. До 800 ребятишек участвовали в спортивных состязаниях, проводившихся среди детей шахтёров. Соревнования обычно включали бег на 100 м, баскетбол, прыжки в высоту и длину с разбега, тройные прыжки, эстафету 5

по 100м. Финны, великолепные мастера, изготавливали лыжи и финские сани с длинными полозьями и высокими, как стул со спинкой, сиденьями. Катание на них было любимым развлечением зимой как взрослых, так и детей (12).

Большое значение придавалось повышению образовательного уровня местного населения. На нужды культуры и образования колония отчисляла пять процентов от фонда заработной платы. Рабочих, посещавших школу ликвидации неграмотности, трижды в неделю освобождали от работы на два часа раньше, а когда сделать это было невозможно, им выдавали удостоверения, по которым производилась денежная компенсация. Стипендиаты АИК учились в техникумах и вузах Томска. Ежегодно на это отчислялось 1,1 процента бюджета колонии. Так, в 1925/26 г. перечисленная сумма составила 21 тыс. руб. Некоторые молодые люди хотели получить образование за рубежом. Студент Томского технологического института Коробов, например, обращался в администрацию АИК с просьбой о предоставлении ему возможности продолжить обучение в Германии (13).

С марта 1923 г. на КХЗ действовал физический кабинет, где проводились занятия как с иностранными, так и с русскими рабочими и подростками. В апреле того же года электрический отдел организовал школу электриков. Члены общества "Сибдоброхима" (Общества друзей химической обороны и химической защиты), созданного на территории Сибири в 1924 г., вели пропаганду химзнаний среди населения (14).

Распространением знаний активно занимались библиотеки. В Кемерове 20-х годов было восемь библиотек с общим числом томов 14 752, две из них "американские". Особая роль принадлежала библиотеке АИК, располагавшейся в просторной комнате на втором этаже здания главной конторы. Здесь на попечении дипломированного библиотекаря находилось около 3000 книг. На полках лежали номера газет на всех языках, в том числе и "Известия", "Правда", крупнейшая газета региона "Советская Сибирь", "Кузбасс". Библиотека располагала солидным фондом технической литературы и беллетристики. Книги и журналы выдавались на срок до двух недель не только колонистам, но и всем жителям рудника.

Оформление подписок на периодику и закупка новейшей литературы различных жанров производились на пожертвования зарубежных друзей колонии. Регулярно поступали в колонию

журналы по горному делу, энергетике, металлургии. Библиотечные фонды пополнялись также за счет даров частных лиц. Так, мисс Грэндал из Нью-Йорка передала в АИК годовые подшивки двух химических журналов. Доктор Келли переслал в Кузбасс медицинские журналы по хирургии, гинекологии и акушерству за 1921-1923 гг. Мистер Бернс из Сиэтла собрал для аиковцев ящик книг весом 30 кг. Ценные книги по механике подарил Техническому бюро колонии А. Йоренс из американского штата Иллинойс. В АИК было принято решение передавать привозимые колонистами книги в библиотеку для общего пользования. Некоторые из них до сих пор хранятся в фондах Кемеровского областного краеведческого музея.

Об уникальности библиотеки АИК "Кузбасс" говорит тот факт, что между ней и Томским университетом осуществлялся обмен книгами и периодическими изданиями. В результате английский язык стал главным среди европейских языков, преподаваемых студентам университета (15).

Отметим, что с прибытием иностранцев у некоторых сибиряков появился интерес к изучению языков. 7 марта 1922 г. на руднике открылась школа английского языка. В объявлении сообщалось, что занятия будут проводиться с 7 до 9 часов вечера (16).

АИК славилась лучшей организацией больничной помощи. С приездом американцев значительно улучшилось оснащение рудничной больницы, располагавшейся в большом кирпичном доме. Появился новый инструментарий, кровати, одеяла, значительно расширился ассортимент лекарственных препаратов. Штат больницы состоял из 34 сотрудников, 22 из которых - медицинский персонал. Медикаменты, оборудование для зубоврачебного кабинета и инструменты закупались в Германии. Ежемесячно его посещали 540-550 человек. В больнице на руднике работали три врача, дантист, несколько русских сестер и четыре иностранки. Отделение больницы с врачом и пятью фельдшерами открылось на химзаводе. К осени 1926 г. количество кроватей увеличилось до 65. В больнице производилось порядка 20 крупных и 180 других операций в месяц, проводилась вакцинация населения (17).

Появление колонии способствовало установке в Кемерове радиостанции, ускорило электрификацию поселка и соседних деревень, развитие телефонной сети. В конце 1925 г. в ведении телефонного цеха АИК находились уже две станции с десятью теле-

фонистками, обслуживавшими 150 абонентов на руднике и 100 на химзаводе. Было осуществлено телефонное соединение Кемерово с районами. В годы существования колонии был проложен водопровод на Красной Горке, построена водонапорная железобетонная башня стоимостью 5 тыс. руб., двухэтажная школа площадью 15 646 квадратных метров, Нардом (2 650 квадратных метров), великолепная баня, проведены и забалансированы дороги на руднике и КХЗ (18).

Благодаря "американцам" многие сибиряки впервые в жизни увидели легковой автомобиль, трактор, картофелекопатель, навозоразбрасыватель и другие машины, а некоторые даже научились управлять ими. Во время проведения сельскохозяйственных выставок, в которых участвовала и ферма АИК, автомобиль катал детей. Как на чудо смотрели местные жители на бытовые электроприборы – утюги и плитки, когда колонисты, демонстрируя возможности использования электричества, гладили бельё и пекли блины. На полях, в огородах и садах кузбассовцев появились новые сорта злаков, свёклы и моркови, многолетний шиповник, сирень и другие культуры, семена которых были ввезены колонистами или пересланы сельскохозяйственными колледжами Америки в опытных целях и раздавались бесплатно всем желающим. На ферме АИК выращивали даже арбузы. В повседневный быт кемеровчан вошли изготовленные в Америке молочные стеклянные бутылки, два вагона которых были приобретены заведующим фермой Кингери летом 1925 г. у американской коммуны. С тех пор рабочие химзавода получали молоко в бутылках (19).

Таким образом, совершенно очевидно, что деятельность Автономной индустриальной колонии "Кузбасс" способствовала улучшению жилищно-бытовых условий и повышению уровня общей культуры кузбассовцев.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Kuzbas Bulletin. Vol. 1. No. 8. 1922. December 20. P. 7; ГАКО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 15. Л. 62; Asia. Vol. XXVIII. No. 12. 1928. December 12. P. 960.
2. ГАКО. Ф. Р-80. Оп. 1, Д. 14. Лл. 1-3; Д. 2. Лл. 67, 69.
3. ГАКО. Ф. Р-80. Оп. 1 Д. 40. Лл. 7-14; Ф. Р-81, Оп. 1. Д. 16. Л. 197; ГАКО. Ф. П-14, Оп. 1а. Д. 242. Лл. 19, 22.

4. ГАКО. Ф. Р-101. Оп. 2. Д. 4. Лл. 260-265; Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 15. Л. 58; Кузбасс. – 1926. – 12 фев.
5. Кузбасс. – 1926. – 25 фев., 5 апр., 4 июня, 24 июня, 8 окт.; ГАКО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 242. Л. 43; Ф. Р-100. Оп. 2. Д. 553.
6. Кузбасс. – 1926. – 25 мая, 10 авг. 15 сент., 8 окт.
7. ГАКО. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 137. Л. 2; Asia. Р. 961.
8. КОКМ. ОФ. 2795; ГАКО. Ф. П-14. Оп. 1а. Д. 20. Л. 51-52; Д. 220. Лл. 42, 80, 149, 183; Д. 195. Л. 15; Ф. П-483. Оп. 1. Д. 137. Л. 5; Д. 15. Л. 10; Д. 258. Л. 14; Кузбасс. – 1926. – 24 июня.
9. ГАКО. Ф. П-14. Оп. 1а. Д. 220. Лл. 149, 171-173; Советская Сибирь. – 1923. – 8 мая.
10. Kuzbas Bulletin. Vol. 2. No. 3. 1923. August 30. Р. 8; ГАКО. Ф. П-47. Оп. 1. Д. 266. Л. 88; Ф. П-483. Оп. 1. Д. 137. Л. 6; Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 16. Л. 124; Asia. Р. 1038.
11. Кузбасс. – 1926. – 21 янв., 30 янв., 26 фев.
12. ГАКО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 15. Л. 63; Д. 16. Лл. 252, 266; Советская Сибирь. – 1923. – 8 мая; Кузбасс. – 1923. – 18 июля; Kuzbas Bulletin. Vol. 2, No. 6. 1923. December 1. Р. 9.
13. ГАКО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 15. Л. 63; Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 572. Л. 173; Ф. П-14. Оп. 1а. Д. 242. Л. 8; Ф. Р-101. Оп. 2. Д. 4. Л. 4 доп.
14. ГАКО. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 12. Л. 34; Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 16. Л. 132; Дыдевич В., Лебедев С., Щербаков М. и др. Кемеровский коксохи-мический. – Кемерово, 1984. – С. 47-48.
15. Kuzbas Bulletin. Vol. 1. No. 12. 1923. May 7. Р. 6; Vol. 2. No. 3. 1923. August 30. Рр. 9, 16; ГАКО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 15. Л. 63; Д. 51. Л. 26; Д. 98. Л. 76.
16. ГАКО. Ф. П-14. Оп. 1а. Д. 183. Л. 46.
17. ГАКО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 16. Л. 337; Д. 15. Л. 62; Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 24. Л. 41; Ф. П-14. Оп. 1а. Д. 242. Л. 25.
18. ГАКО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 11. Лл. 221-223; Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 19. Лл. 1-4; Д. 240. Лл. 56-59; Д. 34. Л. 75; Д. 242. Л. 53.
19. Кузбасс. – 1925. – 22 окт.; ГАКО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 240. Л. 40; Д. 81. Л. 52; Д. 4. Л. 87; Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 16. Л. 296; Д. 30. Л. 258; Ф. П-483. Оп. 1. Д. 319. Л. 15.

Барсагаев П.А.

УСМИРИТЕЛЬ ПУГАЧЕВЩИНЫ В СИБИРИ. КУЗНЕЦКИЙ МАЙОР ЭРДМАН.

Барсагаев Павел Александрович, краевед, журналист, опубликовавший более 200 статей в газетах Томской, Кемеровской областей и Алтайского края.

В отличие от всего множества моих предыдущих краеведческих работ, основанных на исследовании архивных документов, настоящая является компиляцией. Ее основой послужила публикация из томской газеты "Сибирская жизнь" №275 от 17 декабря 1899 года под заголовком "Из прошлого (Пугачевщина в Сибири)", подписанная псевдонимом из одной буквы "Т." (1).

Но и этот автор свой труд компилировал на основе изысканий историка XIX века. В начале своей публикации Т. сообщает: "Г. Дмитриев-Мамонов, усердно производящий изыскания в сибирских архивах и давший уже несколько исторических работ, из которых назовем "Декабристы в Сибири", последнюю свою работу посвятил истории пугачевского движения в России. Эта работа Г. Дмитриева-Мамонова представляет из себя ряд документов, извлеченных из архива Акмолинского областного правления, и обрисовывает деятельность сибирской администрации, направленную к подразделению пугачевского движения в Сибири и соседних с ней местностей..."

Однако, следуя за компиляцией автора "Сибирской жизни", я изложу лишь локальный факт, касающийся истории Кемеровской области.

Командовавший войсками сибирской пограничной линии генерал Декалонг, живший в Омске, первое известие о Е.И. Пугачеве получил 10 октября 1773 года. Об этом его известил комендант Троицкой станции. Комендант уведомлял генерала о том, что сообщение Троицка с Оренбургом "злодейскими шайками прекращено". Это означало, что осада Пугачевым Оренбурга отрезала сибирскую администрацию от "высшего начальства и поставила ее в непредвиденное для нее положение: теперь приходилось выходить из затруднений, надеясь лишь на собственные силы и изворотливость".

По приказу сибирского губернатора из Тобольска Дениса Ивановича Чичерина по сибирской пограничной линии был сформирован отряд из 2837 человек с 3596 лошадьми и 12 орудиями и двинут под

начальством верх-яицкого коменданта Ступишина в сторону Оренбурга. И в начале ноября 1773 г. он дошел до крепости Озерной. В отряд входили “мещеряки и башкиры, которые... по мере движения... разбегались”. В итоге Ступишин недосчитался 469 башкир.

В то же время оренбургский губернатор Рейнсдорф, “очевидно желавший стяжать дешевые лавры усмирителя мятежа”, остался недоволен тем, что ему на помощь посланы сибирские войска.

А крестьянская война стремительно ширилась. 23 ноября, правда неудачно, пугачевцы атаковали крепость Озерную. В начале декабря Декалонг писал: “... башкирский народ генерально забунтовался и сущим неприятелем сделался, так что по нестерпимости принужден был я с ним здесь иметь большое сражение”.

29 ноября 1773 г. пугачевцы взяли штурмом Ильинскую крепость, перебив большую часть ее защитников, которыми командовал секунд-майор Заев. И в декабре 1773 года в опасности оказался уже Челябинск, где было всего 20 солдат и 50 казаков и следовавший на помощь Оренбургу отряд, посланный Декалонгом. На свою защиту Челябинск мог выставить лишь 200 вооруженных человек, но и у них “ружейного пороха совсем не было”.

Теперь и оренбургское командование запросило, чтоб из Сибири были направлены войска.

К концу 1773 г. крестьянская война под водительством Е.И. Пугачева охватила весь юг Урала, западную и южную часть Западной Сибири. Сражения пугачевцев с правительственными войсками шли по всей сибирской пограничной линии.

К этому времени Декалонг обосновался со своим отрядом в Верх-Яицкой крепости. Узнав, что Челябинск находится под угрозой захвата пугачевцами, генерал решил двинуться ему на помощь, для чего собрал в Верх-Яицкой крепости все свои войска и приказал комендантам Кизильской, Танальцкой и Орской крепостей привести их команды туда. В середине января 1774 г. генерал Декалонг занял Челябинск и тем самым спас его от захвата пугачевцами.

К этому времени армия Е.И. Пугачева оказалась в 100 верстах от Екатеринбурга.

Назначенный новым главнокомандующим российскими правительственными войсками А. Бибиков “предписал Декалонгу заняться защитой этого города”. И в начале 1774 г. генерал Декалонг выступил из Челябинска в Екатеринбург. Однако он избрал для своего движения не прямой, а окольный путь, на г. Шадринск, и умышленно замедлил движение.

Пока генерал Декалонг продвигался к Шадринску, избегая встреч с пугачевцами, те дошли уже до Тюмени, и крестьянской

войной была охвачена юго-западная часть сибирской губернии (юг тогдашней Тобольской губернии), ее Ялуторовский дистрикт (все уезды Западной Сибири были разбиты на группы волостей, называвшиеся в XVIII в. дистриктами): слободы Иковская, Белозерская, Марайская, Утятская и Курганская. Последняя была занята отрядом Пугачева в 700 человек и отсюда волнения пошли по киргизской степи (нынешний Северный Казахстан). Петропавловск “едва держался, Долматов монастырь тоже выдержал осаду”. А генерал Декалонг к концу февраля благополучно оказался в Шадринске. Прочно осев тут, он ограничился лишь небольшими вылазками. И только один раз ему удалось нанести неприятелю довольно значительное поражение, сообщает автор излагаемой мною статьи из старой томской газеты (1).

В пояснение этого факта Т. далее пишет: “Не надеясь на собственные военные силы и не выходя из Шадринска, Декалонг приказал вызванному им из Кузнецка (подчеркнуто мною. – П.Б.) майору Эрдману с командой идти в Ялуторовский дистрикт и там действовать против пугачевцев. Энергичный Эрдман быстро повел дело и уже в начале марта разбил пугачевский отряд в 3000 человек под деревней Пуховой, причем неприятели потеряли до 600 человек и шесть орудий. Это сражение под д. Пуховой задержало волнение и не дало ему распространиться в Сибири; возмущившаяся часть сибирской губернии на первое время затихает. От Пуховой Эрдман пришел к Кургану, куда двигался также вновь сформированный в Омске отряд под начальством майора фон Трейблота. Соединившись с этим отрядом, Эрдман двинулся через Утятскую слободу и в Кургане узнал, что пугачевские отряды рассеялись...” (1).

Так кузнечане внесли свой вклад в подавление крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева на территории юго-запада Сибири.

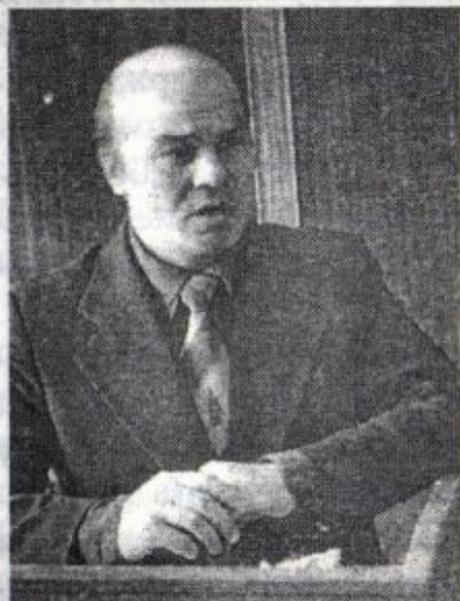
Факт этот мало известен, так как советские историки почти не освещали действия пугачевцев на территории Сибири в своих трудах (2, 3).

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Т. Из прошлого (Пугачевщина в Сибири). // Сибирская жизнь. – 1899. – 17 декабря.
2. Сорокин М.Е. Отзвуки пугачевского восстания. // Красное знамя. – 1965. – 7 июля.
3. Сорокин М.Е. Пугачевцы и Сибирь. // Причудлымская правда. – 1965. – 17 апреля.

А.М.Кулемзин

КОМПЛЕКСНАЯ РЕГЕНЕРАЦИЯ «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ЕЕ ВОЗМОЖНОСТИ В КУЗБАССЕ

Кулемзин Анатолий Михайлович, кандидат исторических наук. Музей-заповедник "Томская писаница"

Сохранение и рациональное использование исторического и культурного наследия является в настоящее время одной из главных задач государственной культурной политики. Федеральная программа "Сохранение и развитие культуры и искусства" включает несколько целевых программ, в том числе и программу "Сохранение, реставрация и использование памятников культуры и истории и библиотечных фондов" (1, с. 68). В ее осуществлении большую роль должна сыграть музеефикация памятников истории и культуры.

В настоящее время в нашей стране практикуется несколько сложившихся методов музеефикации и использования памятников и включения их в культурный потенциал того или иного региона. Первый, получивший наибольшее распространение, — это реставрация отдельных объектов, как правило архитектурных, не связанных между собой тематически, и включение их в экскурсионные или туристические маршруты. Второй метод — создание скансен-музеев на основе комплекса связанных или не связанных тематически и хронологически памятников. Первые опыты этого метода у нас появились в 20-е годы нынешнего века. Третий метод, появившийся в последние десятилетия и не получивший пока широкого распространения, — это создание экомузеев.

Экомuzeи как прогрессивный метод сохранения и использования историко-культурного наследия имеют ряд преимуществ перед вышеназванными. Основное их достоинство заключается в том, что экомuzeи не разрушают сложившуюся историко-культурную среду, включают в предмет музейной и памятникоохранительной заботы весь вещественный комплекс традиционного

культурного потенциала какой-либо определённой территории. Экомузей, как правило, включает и прилегающий к памятникам ландшафт, так называемые естественные эстетические ценности. Комплекс недвижимых памятников, музейных экспонатов и ландшафта в экомузее является тематически связанным. Появление нового для нашей страны метода музеефикации памятников нашло своё юридическое закрепление в законодательстве о музейном деле и охране памятников (2,3,4).

Вместе с тем перечисленные методы сохранения и использования исторического и культурного наследия имеют один недостаток, который снижает эффект затрат на восстановление традиционной культуры, исторического и эстетического просвещения населения и не даёт возможности элементам традиционной культуры в полной мере гармонично войти в современную жизнь и не выглядеть парадоксальным анахронизмом. Этим недостатком является то, что вышеназванные методы рассчитаны на обслуживание лишь посетителей, в данном случае групп туристов, учащихся, делегаций и т.п., специально прибывших в музей. Для таких посетителей музей – это не частый эпизод в их жизни, существенно не повлияющий на их мировоззрение. Практического участия в возрождении и дальнейшем использовании культурных достижений прошлого они не примут. В музее такие посетители лишь зрители, но не участники.

На наш взгляд, более полному взаимодействию культур прошлого и настоящего, вливанию достижений традиционной культуры в современную жизнь будет способствовать комплексная регенерация историко-культурного наследия. Предметной основой для комплексной регенерации могут служить также экомузеи, а теоретической – современная неомузеология и идея “живого” музея открытого типа. При комплексной регенерации в культурный потенциал региона (населённого пункта) включаются все исторические и культурные ценности, а их потребителями являются не только заезжие туристы и случайные посетители, но прежде всего местное население – потомки создателей традиционной культуры.

В этом случае они становятся не только потребителями традиционной культуры, но и её хранителями и носителями. При таком подходе задачей музея нового типа является, кроме вовлечения местных жителей в процесс обслуживания заезжих посетителей, ещё и сохранение и развитие традиционной культуры. В этом

состоит главная ценность и отличие музея нового типа – “открытого музея”, работающего на основе комплексной регенерации всего историко-культурного наследия отдельно взятой территории.

Комплексная регенерация не только даст эффект сохранения и восстановления отдельных историко-культурных ценностей, но и будет способствовать более эффективному подъему культурного уровня населения.

Для комплексной регенерации должен быть избран такой населенный пункт или его часть, где имеется максимально достаточное количество разновременных памятников различных видов, где сохранилась возможность возрождения традиционных видов хозяйственной деятельности и культурной жизни (ремесла, промыслы, проведение народных праздников, ярмарок) и есть условия для создания туристических баз (5, с.10-12).

По этому пути сохранения и использования историко-культурного наследия давно уже пошли страны Западной Европы (6, 7), и Прибалтики в том числе (8, 9, 10). Имеется некоторый положительный опыт и в нашей стране в виде создания еще не многочисленных, но набирающих силу так называемых музеев под открытым небом. (11, 12).

Однако главным условием комплексной регенерации, которое пока учитывается совершенно недостаточно в отечественной экомuzeологии, на наш взгляд, будет являться наличие создателей и носителей традиционной местной культуры и их потомков, готовых к возрождению своего культурного наследия. Сохранение памятников и возрождение традиционной культуры усилиями лишь музейных энтузиастов абсолютно невозможно. Их неизбежно постигнет участь “хождения в народ” интеллигенции 60-70-х годов прошлого века.

Прежний прагматический, утилитарный подход к сфере социальной жизни, господствовавший в кабинетах власти, не позволял в далеком прошлом реализовать обществу в полной мере свои духовные запросы. Инерция традиционного невежества, как в высоких инстанциях, так и в среде потомков создателей исторических и культурных ценностей, - это, пожалуй, самая большая трудность в духовном возрождении России. Неприятие нововведений со стороны “низов”, утилитарный подход к культурным ценностям со стороны “верхов” – это исторически обусловленное явление в нашем обществе (13, 14), существенно усиленное тоталитарным режимом послереволюционных десятилетий.

Боязнь нововведений, привносимых свыше, подсказывалась эмпирическим крестьянским мышлением основной части российского населения, убеждённого, что всё исходящее от начальства ничего доброго не сулит. Поэтому совершенно естественна негативная реакция со стороны местного населения на какие-то преобразования в его устоявшейся жизни без его участия и согласия. Такое отношение местных жителей, не секрет, наблюдается при создании музеев под открытым небом.

Утилитаристская сердцевина нашей государственной социальной политики также традиционна. Она сложилась под воздействием материалистической концепции: сначала иметь пищу и крышу над головой, а затем то, что необходимо для души. Официальный прагматизм повлиял и на формирование государственных непрагматических сфер деятельности, в том числе и на сохранение и использование историко-культурного наследия. Если реставрировались или музеефицировались памятники в населённом пункте, то естественно, что главной целью этих мер являлось лишь обслуживание посетителей. Интересы местных жителей, как правило, не учитывались или просто игнорировались. Более того, их интересы даже несколько "потеснялись": обрезались или смещались участки приусадебного хозяйства, сносились какие-то постройки, жители переселялись с насиженных, обжитых мест, вводились ограничения на выпас скота, выпаса включались в охранную зону или территорию музея и т.п.

Существующие у нас скансен- и экомuzeи рассчитаны на выполнение двух основных задач: сохранение историко-культурных объектов и обслуживание посетителей. Все остальные виды музейной деятельности (собираение, консервация, научные исследования и проч.) подчинены этим двум целям. Правда, в последние годы в число главных выдвинулась новая цель — получение прибыли ради выживания музея в рыночных условиях.

При подобной постановке музейного дела никогда не будет достигнута главная цель музейной деятельности, продекларированная государством, — сохранение и возрождение традиционной культуры. Эффективное сохранение историко-культурного наследия и возрождение традиционной культуры возможно лишь при осознанном, активном участии местного населения — создателя, хранителя и носителя этой культуры. Его участие может быть обеспечено при новом подходе к проблемам сохранения и использования историко-культурного наследия — это комплексная его

регенерация, то есть создание “живого” музея открытого типа на теоретической основе неомузеологии.

Комплексная регенерация будет способствовать решению, помимо прежних задач, выполняемых музеями под открытым небом, также и выполнению новых, более важных социальных задач – вовлечению в процесс духовного возрождения широких слоев населения, гармонизации извечно проблемных для России отношений между “верхами” и “низами”, то есть между властью и народом. Через использование метода комплексной регенерации музей явится как бы посредником в этом процессе.

В Кемеровской области имеется некоторый опыт комплексного подхода к сохранению и использованию историко-культурного наследия. “В настоящее время разработаны и внедряются несколько генпланов музеефикации крупных комплексов архитектурных, исторических и этнографических памятников, которым придана современная основа” (16).

Имеющиеся генпланы нескольких национальных историко-этнографических музеев (шорский – “Тазгол”, телеутский – “Чалкой”, татарский – “Калмаки”, русских старожилов Сибири – “Русское село Ишим”) вобрали многие передовые идеи музеологии. В них воплощен комплексный принцип сохранения археологических, архитектурных, исторических памятников, а также всей окружающей историко-культурной среды и прилегающего ландшафта (17). Однако во всех проектах, за исключением музея “Тазгол”, не предусматривается такой необходимый элемент, как непосредственное участие местного населения в создании музеев, их развитии и функционировании. Участие местного населения – создателя, хранителя и носителя традиционной национальной культуры – является гарантией его успеха и дальнейшего существования.

Одним из наиболее удачных, с точки зрения использования метода комплексной регенерации, на наш взгляд, является опыт развития музея-заповедника “Томская писаница”. Здесь на предметной основе трёх подлинных памятников (естественная скала с древними петроглифами, сохранившиеся постройки конца XIX – нач. XX в. в д. Писаной, естественный сосновый бор) создаётся несколько музейных комплексов: “Музей наскального искусства Азии”, “Археодом”, “Мифология, эпос и календари народов Сибири”, архитектурно-этнографический комплекс “Шорский улус Кезек”, “Славянское святилище”, “Русское волостное село”, Музей естественной истории, Экологическая тропа познания и другие (18, 19).

Для реализации идей комплексной регенерации и возрождения традиционной культуры с помощью местного населения здесь имеются определённые перспективы. Удачным является выбор места музея – один из первых населённых пунктов русского населения в Сибири деревня Писаная. Её возникновение, возможно, связано с основанием здесь неподалёку в 1665г. Верхотомского острога, вокруг которого стал формироваться “земледельческий стан” из ближайших деревень (20, с. 11-25). Во всяком случае, в “Чертежной книге Сибири” С.У.Ремезова, которая была им закончена в 1698 г., деревня Писаная уже была обозначена (21).

К сожалению, основная часть построек XIX в. - нач. XX в. не сохранилась: в два последних десятилетия здесь активно развернулась дачное строительство с характерным архитектурным стилем. Не сохранились также и водяная мельница, стоявшая ещё в 40-х годах, кузница, сельская лавка и др. Проблематичным является также и вовлечение местного населения в процесс возрождения, поскольку коренных селян, сохраняющих или помнящих традиционную культуру, обряды, практически не осталось. Тем не менее для работы в музее в настоящее время привлечены местные жители, которые пока занимают рабочие должности. Создание новых рабочих мест для местного населения не является задачей музея, но то, что музей опирается в своей деятельности на него, уже служит одним из фактов слияния их взаимных интересов. Вовлечение селян в творческий процесс возрождения культуры – это уже следующий этап развития музея.

В Кемеровской области имеется достаточное количество и других историко-культурных объектов для применения метода комплексной регенерации. К ним относится, прежде всего, историческая зона “Старый Кузнецк” в г. Новокузнецке, включающая археологические, исторические и архитектурные памятники XVII-XХ вв. (22), центр г. Мариинска с прекрасными архитектурными памятниками второй половины XIX в. - начала XX в.; комплексы сельской застройки в некоторых населённых пунктах по старинному Московско-Сибирскому тракту: с. Проскоково, Мальцево, Зеледеево, Варюхино, Итат, Старый Тяжин и др. (23, 24). Однако состояние памятников, особенно деревянного зодчества, в нашей области таково, что если не принять срочных мер по их реальной охране, то в ближайшее время они исчезнут.

Другой стороной обозначенной нами проблемы возрождения традиционной культуры методом комплексной регенерации яв-

ляется привлечение и использование в музейной деятельности народного традиционного искусства, художественного творчества, прикладного искусства, художественных промыслов. В последние годы активно возрождаются во многих городах и селах Кузбасса различные виды народного художественного творчества. Так, мировую известность получили мастера-берестяники из г. Мариинска, возродилось плетение и аппликация из соломки, иконопись. Появилось множество народных хореографических ансамблей. Создаются народные хоры на профессиональной основе. Необходимо искать пути активного включения этих форм народного творчества в его естественную среду, которая может более подлинно и эффективно функционировать через использование комплексной регенерации историко-культурного наследия нашего края.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Культурная политика России: История и современность. – М., 1996.
2. Постановление Совета Министров - Правительства Российской Федерации "Об утверждении положения о национальных и природных парках Российской Федерации" № 769, от 10 августа 1993 года // Российская культура в законодательных и нормативных актах. Музейное дело и охрана памятников. 1991 - 1996 гг. – М., 1998.
3. Федеральный закон "Об особо охраняемых природных территориях" № 33-ФЗ, от 14 марта 1995 года // // Российская культура в законодательных и нормативных актах. Музейное дело и охрана памятников. 1991 - 1996 гг. – М., 1998.
4. Положение о государственном историко-культурном музее-заповеднике // Российская культура в законодательных и нормативных актах. Музейное дело и охрана памятников. 1991-1996 гг. – М., 1998.
5. Севан О.Г. Сохранение, освоение и использование историко-культурного наследия в сельской среде. – М., 1990.
6. Давыдов А.Н. Конференция Ассоциации европейских музеев под открытым небом // СЭ. – 1983. – №4.
7. Ривьер Ж.А. Эволюционные определения экомuzeя // Museum. – 1985. – №148.
8. Бороускайте Ирма. Памятниковедение, его задачи и проблемы // Культура охраны памятников. – Вильнюс, 1987.

9. Плауцис Я. К. Принципы и практика создания этнографических музеев под открытым небом в Латвийской ССР // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (авг. 1964 г.). – М., 1964.

10. Корзюков О. Р. Эстонские музеи под открытым небом. – Таллин, 1974.

11. Галкина Г.А. “Музеи под открытым небом в РСФСР // На пути к музею XXI века: Тр. НИИ культуры. – М., 1989.

12. Кузьмина В.А. Музеи под открытым небом. // Архитектура и строительство России. – 1995. – №34.

13. Бердяев Н.А. Судьба России. – М., 1918.

14. Кириллова Е.А. Очерки радикализма в России XIX века. – Новосибирск, 1993.

15. Филиппов В.Н. Отчуждение в сфере сознания (или обо что споткнулась Россия в своём развитии) // Проблемы культуры и общественного сознания. – Барнаул, 1992.

16. Сонин Е.Н. Экомuzeи Кузбасса и окружающая среда // Проблемы охраны и использования историко-культурного наследия Сибири. – Кемерово, 1996.

17. Кимеев В.М., Афанасьев А.Г. Экомuzeология. Национальные экомuzeи Кузбасса. – Кемерово, 1996.

18. Мартынова Г.С. Музеефикация археологических памятников в музее-заповеднике “Томская писаница” // Сибирский город вчера и сегодня. – Новокузнецк, 1998.

19. Мартынова Г.С. О концепции музея естественной истории // Музей-заповедник “Томская писаница”. Вып. 1 “Природа”. – Кемерово, 1998.

20. Скрябина Л.А. Русские Притомья. – Кемерово, 1997.

21. Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. – СПб., 1882.

22. Шардина А.С. Градостроительная структура Кузнецка XVII-XIX в. и его памятники. // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1994.

23. Кулемзин А.М. Московско-Сибирский тракт – памятник истории Кузнецкого края // Современные проблемы исторического краеведения. – Кемерово, 1993.

24. Кулемзин А.М., Скрябина Л.А. О концепции создания историко-экологического музея-заповедника “Московско-Сибирский тракт” // Проблемы охраны и использования историко-культурного наследия Сибири. – Кемерово, 1996.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГКМ - Алтайский государственный краеведческий музей.
АКМ - Анжеро-судженский краеведческий музей.
ГАИМК - Государственная академия материальной культуры.
ГАКО - Государственный архив Кемеровской области.
ГАНО - Государственный архив Новосибирской области.
ГАТО - Государственный архив Томской области.
ГКМ - Гурьевский краеведческий музей.
ИА - Институт археологии.
ИЭА - Институт этнологии и антропологии.
КМАЭЭ - Музей "Археологии, этнографии и экологии Южной Сибири" Кемеровского государственного университета.
КОКМ - Кемеровский областной краеведческий музей.
нв - научно-вспомогательный фонд.
НКМ - Новокузнецкий краеведческий музей.
ОИС - Общество изучения Сибири.
оф - Основной фонд.
РАИМК - Российская академия материальной культуры.
РГАДА - Российский государственный архив древних актов.
РМЭ - Российский музей этнографии.

СОДЕРЖАНИЕ

Бедин В.И. Государственные музеи Кузбасса. История и современность.....	3
---	---

КЕМЕРОВСКОМУ ОБЛАСТНОМУ КРАЕВЕДЧЕСКОМУ МУЗЕЮ - 70 ЛЕТ

Кравцова Л.П. Кемеровский областной музей. Навстречу юбилею.....	7
Китова Л.Ю. Из истории создания Кемеровского краеведческого музея (1920-1930-е годы).....	11
Баронская О.Н. История одного музейного экспоната.....	23
Мартынов А.И. Так начинался музей.....	29
Верховцева З.П. У истоков научного творчества.....	38
Халиулина А.А. Моя работа в музее.....	56
Грякова Г.А. В ритме музейных будней.....	68
Кравцова Л.П. Беллетристические заметки	74

У ИСТОКОВ КРАЕВЕДЕНИЯ КУЗБАССА

Голдаева Н.П. Из истории краеведческого движения в Анжеро-Судженске (По материалам личных архивов).....	83
Тивяков С.Д. Они были первыми.....	91
Павловская Р.Ф. Дело всей жизни.....	98

КОЛЛЕКЦИИ РАССКАЗЫВАЮТ

Кимеева Т.И. Предметы древних родовых культов дошаманистского происхождения у телеутов.....	108
Калишева Г.П. Коллекция медного литья Кемеровского краеведческого музея.....	114
Кожевникова В.В. Звенящая коллекция (Из фондов Алтайского государственного краеведческого музея).....	122
Смокотина Л.П. Сибирский фарфор в коллекции кемеровского областного краеведческого музея.....	130
Лежнева Е.В. Сибирские монеты в нумизматической коллекции музея.....	136
Будилова Т.Н. Страницы истории АИК – «Кузбасс» (по материалам Кемеровского краеведческого музея).....	142

Чернова Т.Д. Листовки в фондах музея (К событиям в Москве в сентябре-октябре 1993 г.).....	150
Насонова М.В. Гелиометеоролог Кузбасса (по материалам архива А.В. Дьякова).....	158
Шураева Л.Г. Музей-мастерская А.Н. Кирчанова.....	162
Жучкова Е.Л. Материалы по рабочему движению в фондах Анжеро-Судженского краеведческого музея.....	167
Алексеева Э.В. Кузбассовцы - участники военных конфликтов 1960-90-х годов в музейном отражении.....	174
Кузнецова Л.Ф. Учитель, краевед, коллекционер.....	184

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Усков И.Ю. Материалы переписи Верхотомского острога 1703 года	189
Балибалова Д.И. Люди земли Кузнецкой (о моем отце Балибалове Иване Алексеевиче).....	200
Егоров В.Н. Из истории Брюхановских ярмарок.....	217
Галкина Л.Ю. Роль АИК "КУЗБАСС" в переустройстве соцкультбыта на Кемеровском руднике и химзаводе, и повышение общей культуры населения.....	222
Барсагаев П.А. Усмиритель пугачевщины в Сибири кузнецкий майор Эрдман.....	235
Кулемзин А.М. Комплексная регенерация "Историко- культурного наследия" и ее возможности в Кузбассе.....	238
Список сокращений.....	246
Содержание.....	247

КЕМЕРОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ФЕОДА-
ЛИЗМ